

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА ПО ВЕРСИИ USA TODAY

ДЖ. Э. ХАСС

*Порожный, темный,
опасный #3*

Я ВЕРНУЛСЯ
ЗА ТОБОЙ

Джеймс Харпер. Саша.

Название: «Я вернусь за тобой»

Серия: «Порочный, темный, опасный#3»

Автор: Дж. Э.Хасс

Переводчики: Ирина

Редактор: Алена

Вычитка и оформление: Matreshka

Обложка: Mistress

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Пролог

Саша

Прошрое Рождество

Я вижу его, но он не видит меня.

Практикуюсь на будущее. Наемники так и работают. Нужно быть хитрым.

Его друг, которого я раньше не видела, но который игнорирует меня, словно я пыль, проходит в заднюю комнату, чтобы встретиться с моим отцом. Сегодня обмен оружием, так что я не обращаю на него внимания. Но этот парень, который выглядит, будто он тоже наемник, но я его никогда раньше не видела, и это делает невозможным то, что он может быть наемником, останавливается рассмотреть вещи, когда его друг говорит ему подождать.

Он поднимает нож.

— Это отстойный нож, — произношу я со своего места. — Я бы не купила такой.

Он проверяет марку, а затем лезвие.

— Ага, дерьмовый, — он кладет его в корзину, и я делаю свой ход.

Я опускаю свою книгу «Маленький домик» и иду к нему.

— Хочешь увидеть хорошие? — спрашиваю. Он поворачивается и выглядит удивленным тем, что я подобралась к нему так близко, а он даже не услышал.

Я хороша в хитрости.

Я показываю ему хорошие ножи, и он смотрит на меня, словно я чудачка. Они все смотрят на меня так, когда я впускаю их в свой мир. Они знают, что я — другая. Этот парень — Форд, как он представился — знает, что я другая. Он подкалывает меня чушью о взрослении. Смеется и слушает меня, когда я помогаю ему купить что-то для его мамы и девушки, которая «на самом деле, друг». Заворачиваю два подарка в подарочную упаковку и пока делаю это, кое-что понимаю.

С самого момента, как он вошел, я знала, что он хороший парень.

Его друг появляется из подсобки и говорит ему, что пора идти. Все становится сложнее. Мой желудок делает сальто от этого слова. Оно мне не нравится. Мне нравится, когда все просто. Сложность не несет ничего хорошего. Я сменяю свою хмурость на улыбку прежде, чем Форд замечает ее.

— У тебя есть время, чтобы я упаковала тебе твой нож?

— Он для меня, Саша. Его не нужно упаковывать.

— Это будто подарок для самого себя, Форд. Просто пошли.

Он смеется. Я поворачиваюсь к нему спиной и продолжаю упаковывать, когда он спрашивает, почему сегодня у меня рабочий день.

А почему у меня сегодня рабочий день?

«Дружок, — думаю я сама по себя, — *ты не поверишь, если я скажу тебе*». Я тянусь в карман и вытаскиваю маленькую флешку, которую взяла у отца вчера. Он был пьян. Мой отец редко напивается так сильно. И так же, как я верю, что мой рождественский вечер закончится сном на ранчо моих дедушки и бабушки, я прекрасно понимаю, что этот день не сегодня.

Когда появляются наемники, добра не жди.

Я вытаскиваю флешку из кармана и упаковываю ее вместе с ножом Форда. Когда завтра он откроет его, то найдет кусочек пластика, покрытый стикерами. Если он вставит флешку в компьютер, то увидит фотографии. Самые лучшие моменты моей короткой жизни.

И, возможно, это будет ее концом. Возможно, он забросит ее в какой-то ящик тумбочки, смеясь над маленькой девочкой из Вайоминга, которая изображена на тех фото. Может быть, он никогда не подумает об этом снова. Не подумает обо мне.

Я могу только надеяться.

Но я не думаю, что это случится.

Я думаю, к тому времени, когда все закончится, он больше никогда меня не увидит.

Глава 1

Саша

Настоящее время

Некоторые люди выглядят умиротворенно, пока спят.

Джеймс Финичи — не один из них.

Он не говорит во сне и не подскакивает от диких ночных кошмаров. Так делают только глупые люди. Слабые люди.

Джеймс Финичи — не слабый. Он — воплощение многого, только не слабости.

Нет. Джеймсу присущ своеобразный слабый тик. Его почти невозможно заметить, и он виден лишь на одном глазу, но он есть. Я наблюдаю за ним около часа. Я уже дважды побывала на частном самолете: в первый раз — на пути в Вегас, а второй — вот этот, домой из Калифорнии. Но позвольте мне сказать вам кое-что. Они до охрещения скучные.

До охерения. До онемения. До отвращения. Мне не стоит материться. Джеймс ненавидит, когда я матерюсь, а если буду материться в мыслях, я буду материться и в жизни.

Но нахрен это. Полет в самолете — отстой. Попить нечего, потому что Харрисон был слишком занят тем, чтобы выловить меня в океане, после выстрела Джеймса, чтобы наполнить кулер.

Ага. У этого тупого самолета еще и кулер есть. Типа такой, в котором можно хранить лед. Не такой, как холодильник, или хотя бы дурацкий передвижной холодильник, который у нас был, когда я была ребенком. А кулер. Не впечатляюще.

Так что никакой газировки. Нет даже какого-нибудь хренового, отвратительного пакетика с крендельками.

Боже, я проголодалась.

— Джеймс?

Он через ряд от меня, но это всего в полуметре передо мной. Я пинаю его, когда он не отвечает.

— Джеймс?

— Пнешь меня еще раз, я выломаю тебе все пальцы на ногах, — отвечает он, не открывая глаз.

— Я *очень* хочу есть.

Он приоткрывает один глаз.

— Я похож на автомат со снеками? Я сказал тебе, мы остановимся в Берлингтоне после того, как достанем грузовик, — он закрывает свой глаз, будто вопрос решен.

— Как далеко до Берлингтона?

— Иди спроси у Харрисона.

И все. Я наблюдаю за ним несколько минут, чтобы увидеть, извинится ли он за то, что у нас нет еды. Но он не извиняется. Он снова спит, потому что я опять вижу его тик.

Я не хочу разговаривать с Харрисоном. Он скажет что-то о координатах, которые ничего не значат для меня без карты. Если бы было светло, я могла бы выглянуть в окно, и увидеть, по крайней мере, пролетели ли мы уже над горами. Берлингтон расположен в долине.

Я плюхаюсь назад на свое место и выпячиваю губы. Я знаю, что это ребячество, а мне стоит повзрослеть и перестать делать это. Но я не взрослая, я до сих пор ребенок. Так что, эй, могу я насладиться этим хоть немного, пока есть возможность?

Вместо этого я думаю о Нике.

Не могу поверить, что он никогда не рассказывал Харпер обо мне. Странно ли то, что она даже не знала, что я была обещана ему? Это не странно. По крайней мере, я так думаю. Обещания должны быть секретными. Мне нельзя было знать, что меня обещали Нику. Но он сказал мне об этом в последний год, когда приезжал увидеть меня в Вайоминге.

Ну, он приезжал на встречу с моим отцом. Он проявил интерес ко мне, и было тяжело не проявить интерес в ответ, потому что Ник Тейт — тот, кого девушки называют *горячим*.

Очевидно, что между ними с Харпер есть сходство, потому что они близнецы. Но Ник выше, чем Харп. У него хорошо развиты мышцы для восемнадцатилетнего. Не как у Джеймса. У Джеймса мышцы мужчины. Он огромный по сравнению с Ником. Но Ник быстрее Джеймса. Харпер тоже быстрее Джеймса. Я немного видела ее в бою, когда мы были вместе.

Ник также умный. Он столько знает. Он знает все секреты, как на духу. Даже те, которых не знает Джеймс.

Черт, даже я знаю секреты, которых не знает Джеймс.

Но если думаю, что это дает мне преимущество, я ошибаюсь, потому что для Джеймса есть кое-что большее, чем просто... *Джеймс*.

Конечно, номер Один тоже почти ничего не значит. Он пытался убить Харпер. И я не знаю, что мне с этим делать. Или с сестрой Джеймса, Николой. Или Адмиралом. Или Ником, раз уж на то пошло.

Кому мне можно доверять?

Пока у меня есть только Джеймс. Но как только я увижу Ника, мне придется сделать выбор. Потому что нельзя быть верным двум людям одновременно.

Или можно?

Харрисон кричит из своей кабины.

— Мы готовимся приземлиться, ребята. Пристегнитесь.

Джеймс опускает сидение перед собой и садится прямо. Он не спал все это время? Черт, я прекратила за ним наблюдать. Он смотрел на меня, пока я думала?

Мне не нравится думать о секретах перед Джеймсом. Не то чтобы он читал мысли, но у него есть интуиция. Он читает лица. И язык тела. И даже голоса.

Я знаю, потому что мой отец научил меня, как это делать. Но навыками нужно постоянно пользоваться в настоящей жизни, чтобы превратить их в инстинкт.

Я никогда не выполняла задание. Помимо убийства тех четырех мужчин, которые пришли подорвать ранчо моих бабушки и дедушки, я не делала ничего стоящего. Все знания в обучении бесполезны, если не применять их на практике.

У Джеймса есть практика. Джеймс убил сотни людей. Он свергал правительства. Работал в условиях, которых я даже представить не могу. И однажды он был заключенным в тюрьме Гондураса.

Я множество раз слышала эту историю от других людей, пока спала. Людей более важных, чем он. Тогда, в пустыне, он рассказал нам с Харпер о том, что вел теневую политику с правительством Сан-Педро-Сула, но это был не первый его раз в Гондурасе. Нет. Первый раз был, когда его там схватили.

Я знаю, что случилось с ним там. В оба раза. Я осмеливаюсь посмотреть на своего нового партнера и улыбаюсь.

— Что у тебя на уме, Смурф?

Дерьмо.

— Я очень, очень, очень хочу есть.

Он пялится на меня, и я не могу ничего с собой поделаться. Я морщусь.

— В Берлингтоне есть «Макдоналдс». Возьмем себе там что-нибудь на завтрак.

Прямо сейчас я бы умерла за «Макдоналдс».

— А что мы будем делать потом?

Самолет с характерным звуком выпускает шасси, и это дает Джеймсу шанс проигнорировать мой вопрос.

Мне не нравится, когда он игнорирует мои вопросы. Потому что это означает, что мне не понравится ответ, который он отказывается мне давать.

— Мы теперь партнеры, правильно? — спрашиваю я его, внезапно чувствуя потребность в этом.

Он поворачивается ко мне и улыбается. Мне нравится, когда он улыбается. Так как по тому, что я могла видеть, его улыбка не бывает фальшивой.

— Пока смерть не разлучит нас.

Я улыбаюсь в ответ. Мне на самом деле нравится Джеймс. Я просто не уверена, могу ли *доверять* Джеймсу.

Так как по тому, что я видела, могу сказать, во всех ситуациях главный Тет. Самым запоминающимся был тот раз в доме Мерка в пустыне, когда он сказал мне, что у него может быть план. Второй раз это было, когда номер Один вколол Харпер наркотик. Я до сих пор не уверена на сто процентов, кто тогда был главным. Но парень, который сказал мне, что выстрелит мне прямо в грудь, явно был Тетом.

И хоть даже я вижу, что Джеймс получает все больше и больше власти, я не понимаю,

как он может жить двумя жизнями одновременно.

Все в Организации — и я имею в виду *все* — знают, что Джеймс Финичи — ненормальный. Нужно убить своего брата? Не проблема. Просто скажите Тету. Нужно убить ребенка тренера? Не проблема. Просто скажите Тету. Нужно выследить вашу дочь и вывести всех на дикую охоту с целью на голове вашего сына? Не проблема. Просто скажите Тету.

Но проблема с Джеймсом и Тетом удваивается, когда вы понимаете, что вам не получить одного без другого. Это не две отдельные личности.

Это на самом деле один и тот же парень.

Я думаю, это делает Джеймса, так же известного, как Тет, еще более сумасшедшим среди людей с раздвоением личности. Потому что, по крайней мере, если бы это были два человека, вы могли бы рассчитывать на них.

Например, когда Адмирал написал Джеймсу сообщение и сказал ему приехать в Колорадо и «забрать» меня, он на самом деле ожидал, что Тет придет и «подстрелит» меня.

Ник сказал мне об этом в ночь перед тем, как Джеймс появился. Он сказал: *«Если увидишь его первой, значит, это Джеймс, и тебе нужно попробовать дать ему шанс. Если покажется Тет, ты даже не узнаешь, что он там был»*.

Это полная задница, если Ник не сказал мне просто обратиться нахрен оттуда?

Не уверена.

Но Тета не было поблизости, когда от Адмирала пришло сообщение с текстом: «Забери ее». Там был Джеймс. А Джеймс был занят Харпер, так что ему не нужен был Тет.

Видите ли, Адмирал со всем своим высокомерным самодовольством, на самом деле, понятия не имеет, как работает Джеймс так же известный, как Тет. Думаю, поэтому он приказал мне убить Джеймса в тот день. Это было дело из рода двух зайцев одним махом.

Из мыслей меня вытаскивает прикосновение самолета к земле, один раз, два, а потом снова, пока мы катимся по остальной части полосы к маленькому аэропорту, окруженному кукурузным полем с трех сторон.

Когда мы останавливаемся, Джеймс встает и потягивается с руками над головой, касаясь потолка салона и прижимая ладони к изогнутому пластику.

— Я тоже умираю с голоду, МакСмурф. И мне нужен кофе, — произносит он с улыбкой.

Боже, я люблю эту улыбку. Может, Тет совершенно не нравится мне, но Джеймс — один их тех воспитанных людей, каким был мой отец. И когда он улыбается вот так, я полностью им очарована.

Глава 2

Джеймс

В малюсенькую щелочку приоткрытым глазом я наблюдаю за тем, как Смурф смотрит на меня, пока мы летим.

Она заставляет меня нервничать. Она не спит, но думает, что я сплю. Она наблюдает за мной, но понятия не имеет, что я наблюдаю за ней.

Господи, бл*дь, Боже. Я понятия не имею, что делаю. Я знаю факты, которые они думают, я не знаю. Но даже я не уверен, что делать с этой информацией.

И я понятия не имею, что делает Саша. Я знаю, что она исполняет чьи-то приказы. Я просто не уверен чьи. Адмирала? Она точно исполняла их раньше. Но теперь? Не уверен.

Ника? Об этом я тоже не знаю.

Мерка? А это явно загадка. Это самое главное, потому что именно с ним мы сейчас и встретимся.

И с Ником. Мы очень долго с ним не виделись, но Мерк видел его. Он многое знает обо мне. Может, даже больше, чем должен. Явно, больше, чем должен.

Так что это проверка. Кто на кого работает — вопрос, на который у меня нет четкого ответа уже долгое время. Но очень скоро все игроки будут вместе, и я смогу разобраться.

Вместо этого я думаю о Харпер, и в груди становится больно, что ново для меня. Когда я увидел, как она лежит на полу в своей квартире, бл*дь, я перестал дышать. На две-три секунды, не больше. Но они были похожи на вечность. Время замедлилось, правильно? Так говорят в экстренных ситуациях. Время меняется, и я верю в это. За годы я множество раз чувствовал это. Когда реальность бьет тебя в лицо. Когда смерть прямо перед тобой — все, что тебе нужно сделать, это протянуть руку, она проведет тебя через тонкую пелену, и все закончится раз и навсегда.

Я был рядом с ней множество раз. Но тот первый раз, когда она появляется рядом, никогда не забывается.

Гондурас. Двенадцать лет назад. Джеймс Финичи, который едва Шесть, но, тем не менее, еще не Тет, но уже был в полной заднице.

Даже сейчас, закрывая глаза, я слышу град пуль. Мои руки тряслись так сильно, что я даже не мог зарядить свою сраную винтовку. И когда я впервые выстрелил в члена банды в проклятом месте, которое они называли Сан-Педро-Сула, я промахнулся. Первая пуля пролетела едва ли возле его виска, но ее было достаточно, чтобы разорвать его ухо — яркая картина, которая врезалась в мою память. Я вижу ее по сей день.

Мне так и не выпало шанса выстрелить во второй раз и закончить свою работу, потому что меня поймали, и парень, которого навсегда зовут Ошибка Номер Один в моей голове, остался жить.

Но я уверен, что он смотрел в зеркало каждый день и жалел об этом. Я уверен, что он смотрел в зеркало каждый день и говорил себе одну и ту же вещь: заставь Джеймса Финичи заплатить.

Меня держали достаточно долго, чтобы он смог пытать меня после того, как восстановится. Они жгли меня. Душили. Черт, меня даже однажды повесили. Очевидно, не настолько жестоко, чтобы сломать шею, но достаточно, чтобы я простоял на носочках часами... днями, иногда.

Говорят, причина, по которой я настолько опасен, в том, что не сдался. Думаю, это правда. Я не сдаюсь. Я понимаю, что этот мир лучше послать нахрен. В нем нет ничего, чего бы я не выдержал. Все, что мне нужно делать, — это становиться Тетом. Тогда время замедляется, и он выходит на первый план. У него нет проблем с тем, чтобы снести голову, и Тет не промахивается.

Если вы собираетесь убить кого-то, вы или заканчиваете работу, или умираете, пытаясь.

Потому что не стоит пойманным или вернуться и попытаться снова. Поверьте мне на слово. Я знаю. Меня ловили, и я возвращался, чтобы закончить работу, чтобы позаботиться о городе, который они называли *Всемирной Столицей Убийств*. То время было, будто сочетание самого худшего момента моей жизни и странного чувства возвращения домой.

Думаю, именно тогда Тет начал проявлять интерес к моей работе. С тех пор, как я оставил Южную Калифорнию в шестнадцать лет, я больше не считаю ее домом. Но думаю о

Гондурасе, как о доме? Это был новый уровень гребанутости, даже для меня.

Мне понадобились годы, чтобы понять, что я был другим. Когда номер Один пришел вызволять меня из Гондураса, у меня появилось подозрение. Его третье имя было Шрум (прим. пер. — Shroom, является второй частью английского слова mushroom — *гриб*. Гриб был подписью номера Один во второй части книги «Я вернусь за тобой»). Его визитной карточкой был яд аматоксин. Яд грибов. Нам назначают яд для убийств, когда дело касается определенных людей. Токсин, который использую я, можно найти в синекольчатом осьминоге. Классика из рода Джеймса Бонда.

Токсический Тет — это явный способ умереть на уровне блокбастеров.

Но Тет как человек? Он явно больше похож на героя «Голдфингера» (прим. пер. — один фильмов о Джеймсе Бонде).

Я понятия не имею, чья была идея давать нам по три имени, но я серьезно воспринимал это дерьмо, потому что когда работа требует взаимодействия с самыми отпетыми мошенниками на земле, нужно смотреть на это в настоящем свете.

Тет.

Я чувствую его внутри. Он придерживает край шляпы в приветствующем поклоне. Сейчас он расслабился. Вроде как раскинулся на пляже. Но это потому что я с ребенком, и думаю, что Харпер в безопасности.

Гребаная Харпер. Я скучаю по ней больше, чем хочу признавать, потому что неизвестно, как все это дерьмо повернется дальше. Я понятия не имею, кто внутри Организации на моей стороне, а кто против. Они могут использовать ее, чтобы добраться до меня. Они могут использовать меня, чтобы добраться до нее. Черт, все, что угодно возможно. Я не знаю, есть ли хоть один человек, который понимает свою преданность в эти дни.

Это поверхностный мир в лучшие свои времена, но Организация видела множество окончаний лучших времен. Даже с тех пор, как Харпер и Ник сбежали с флешкой, все были на грани.

Что на этой флешке? Только один человек знает наверняка. Человек, который создал файлы в ней.

И он мертв.

Я не знаю о нем много, но знаю, что они не могут получить к ним доступ. Прежде, чем Ник украл флешку, они заставили каждого эксперта на планете работать над тем, чтобы обойти защитную систему.

Это было единственной причиной, по которой им понадобился Мерк. И, бл*дь, это счастье для них, что парень был профессиональным наемный убийцей. Он работал на частную охранную организацию, когда меня отправили в Европу, чтобы нанять его. Он не оказался заинтересованным, и мы оставили это. Но за эти годы мы стали друзьями. Он звонил мне. Я помогал. Я звонил ему. Он помогал. Долги, понимаете? Мир держится на долгах.

И тогда в один день... телефон в его доме зазвонил, пока он был занят, и я снял трубку. Я прослушал то сообщение.

И как вы думаете, от кого был звонок?

От Форда, мать его, Астона.

Оказалось, что Мерк работал с Астоном в стиле «услуга за услугу», и этот звонок касался наличных денег, которые Мерк был должен ему.

Это было небольшое дело о краже личности. Но не это было самым интересным. Самым интересным было, когда Форд сказал: *«Я бы сделал это сам, но мне нужно держаться подальше»*.

Что сказало мне две вещи. Форд марал руки убийством человека. И у него были отличные навыки. Оба эти качества могли мне пригодиться.

Тогда Тет вышел на передний план. Мерк вернулся с той работы, и она оказалась полной задницей. Как только он вошел в дверь, сообщение было озвучено.

Я не уверен, знал ли он о Тете, когда той ночью пришел домой, но он точно узнал о нем к тому моменту, когда мы закончили.

Тет шантажировал его. Он или делал работу, для которой он был мне нужен, или я звонил Форду.

И вовлекал его.

И по какой-то причине, Мерк был переданным тому ублюдку в костюме. Он сдался. Я дал ему номер — Семь — и визитную карточку. Когда тебя уже зовут Мерк, смысл есть лишь в том, чтобы стать Меркурием.

Насколько мне известно, Мерк убивает всех, кого хочет, когда хочет, и он даже никогда не задумывается над тем, чтобы использовать в убийстве ртуть (прим. пер. — «меркурий» — научное название ртути).

Вот почему Организация начала поиск способа избавиться от него, как от ненужного груза. Он даже не командный игрок.

После того «инцидента» в Вайоминге на прошлое Рождество, Адмирал был недоволен провалом. Я знаю, потому что меня отправили устранить наемника, который провалил дело, когда на следующий день и Мерк, и Саша появились живыми.

Конечно, все это было сраным дерьмом. Я не знал, что, мать его, произошло на прошлое Рождество. Знал только, что меня отправили убить людей, которые должны были быть на нашей стороне.

Никто не знает, кому доверять в наши дни.

На нас всех висит вина. Мы все убиваем, даже если не являемся пронумерованными наемниками. Мы все подозреваем друг друга.

Всему виной файлы, которые плавают, черт знает где, уже больше года. И по тому, что говорят, в этих файлах достаточно грязи, чтобы поставить Организацию на колени.

У меня нет этих файлов. Я не знаю, что в них. Думаю, основная информация о том, кто есть кто. Что означает, что я тоже там есть. Как и моя семья. Мы все там, думаю. Но кому есть дело? Ну, правда, если какой-то журналист доберется до флешки и представит эту информацию перед всеми, кто ему поверит? Она, как очень плохая книга Дэна Брауна о теории заговоров. Информация слишком изощренная, люди совершили преступления такого размаха, что обвинения в том, что мы делаем, будет настолько диковинным, что никто в них не поверит. Люди игнорируют такие громкие дела. Ты говоришь им мелкую информацию — например, что мы подорвали террористическую ячейку в Колорадо, но парня выпустили под залог, или что в Афганистане разбился вертолет и десять «Морских котиков» погибло — и они мирятся с этим. Люди могут переварить подобное дерьмо.

Но когда вы подсовываете им парня, который перелез через забор Белого дома, чтобы попасть в телевизор и попытаться сказать людям о том, что мы делаем, просто называя имена... Нет. Это пустая болтовня. Люди не переваривают такого рода дерьмо.

Самолет «исчез» над Индийским Океаном, и все в нем пропали без следа? Хм

интересно, что же случилось.

Пропал самолет. И сотни людей. Тоже пропали.

Никто и глазом не моргнет.

Так кому какое дело до флешки? Вот, чего я не понимаю. Это ходячая бомба. Список всемирно известных преступников, которые прячутся под масками блюстителей закона и политиков. Но в нем так много людей — так много правительственных компаний, благотворительных фондов, кинозвезд, мамочек и папочек — могла ли такая тень висеть над всем миром просто под носом у каждого?

Так что мне насрать на эти файлы.

Но это было до того, как номер Один попытался убить Харпер, чтобы вернуть их. Теперь файлы — это все, о чем я думаю. И моя сестра. Он упомянул мою сестру. Он сказал, что она была в плане. Вот же твою мать. Я четко это вижу. Я, бл*дь, теперь четко это вижу. Будто все эти маленькие кусочки моей жизни и памяти возвращаются ко мне.

Но эта флешка. Все пошло коту под хвост.

Ник ворует флешку, отдает ее Харпер, говорит ей отравить всю элиту Организации на корабле и потом отсылает ее. Но он лишь делает вид, что она исчезла. Он даёт ей столько прикрытия, сколько достаточно для того, чтобы она *думала*, что исчезла.

Меня допросили, как и других оставшихся наемников, но сказали не приближаться. Никому нельзя приближаться, потому что она опасна.

Ага, у Харпер есть некоторая хитрость, но Харпер не опасна. Она как маленький котенок со своими маленькими коготками. Она может навредить тебе, но она всего лишь *котенок*.

Так что все держались от нее на расстоянии. Тем временем, номер Тони поднялся в моем списке, и он стал следующим. Когда пришло время, Форд звонит и просит Мерка об услуге, который звонит и просит меня об услуге, которая состоит в том, чтобы убрать моего сумасшедшего брата.

Так что, да, я это сделал.

Ну — я делаю глубокий вдох и приоткрываю глаза, чтобы посмотреть смотрит ли Саша, но она глубоко о чем-то задумалась — я не делал этого. Это был Тет. Тет сделал это, и Тет не отсиживался на заднем ряду, так сказать. По факту, Тет решил занять место поближе. И из-за этого я провалил тест по уравновешенности психического состояния.

Что послужило причиной того, что меня отправили на пляж.

И тогда номер Один появился с видео с моей сестрой Николой. Она была в синяках и просила меня помочь ей. Номер Один сказал мне достать флешку, потому что у меня был невыплаченный долг.

Я снова вздыхаю.

Они обыграли меня. Они знали, что Харпер была моей слабостью. Я держался подальше от нее, кроме дней ее рождения. Некоторые до сих пор знают, что я ходил увидеть ее каждое шестое число. Они узнали, что я встретился с ней, когда ей исполнилось шесть. Точнее, они выяснили то, что я могу приручить ее.

Но я люблю ее. Я хочу ее. Знаю, что она — мое обещание. Я понимаю это, и меня убивает то, что я должен был лгать ей, пока мы были вместе. Но теперь я хочу ее. Она — моя.

И никто не заберет ее у меня.

Никто.

Глава 3

Джеймс

Когда Харрисон прокричал, что мы наконец-то приземляемся, я встаю и потягиваюсь. Оборачиваюсь на Смурфа с улыбкой, которая говорит, что все в порядке, и немного болтаю о еде, а потом снова сажусь и жду остановки самолета.

Когда мы сходим с него, я останавливаюсь и пожимаю руку Харрисону.

— Если тебе что-то нужно, Харрисон, я на твоей стороне.

Он улыбается, но могу сказать, что в его мыслях надежда на то, что ему никогда не пригодятся услуги, которые я предлагаю.

— Спасибо, Харрисон, — произносит Саша, обнимая его. Он прижимает ее в ответ наверняка, слишком сильно, потому что Саша прикладывает руку к своей груди там, где пуля вошла в жилет, и Харрисон отклоняется.

— Извини, Саша, — говорит мягким голосом. — Будь осторожна, — добавляет он, похлопывая ее по спине. А после смотрит на меня, как на мразь.

— Она будет в порядке, я обещаю.

— Я буду в порядке, Харрисон. Не переживай за меня, — она указывает на стоянку, которая видна с того места, где мы стоим. — Эй, там твой грузовик, Джеймс! — И она срывается. Бежит, как ребенок.

— Тет... Джеймс... кем бы ты, бл*дь, не был... не тащи этого ребенка с собой, старик. Это неправильно. Ты можешь оставить ее здесь. У нас с женой нет детей. Мы всегда сможем составить ей компанию.

Я прищуриваю глаза и пялюсь на него. Я никогда по-настоящему не смотрел на Харрисона прежде. Он не совсем среднего возраста. Его волосы до сих пор темные, а комплекция тела далека от парня, который просиживает все время на работе. И спорю, у него есть хороший дом здесь, в этом маленьком городке. Какое-то прагматичное бунгало, которое может находиться где угодно.

— Я имею в виду, ради всего святого, просто пока не разгребешь дела. Всего лишь на некоторое время. Чтобы она осталась в безопасности.

Мне плевать на то, на что он намекает.

— Со мной ей безопаснее всего, Харрисон.

— Ты выстрелил ей в грудь, Тет. Это ненормально. Бл*дь, просто неправильно.

Я стискиваю зубы и сжимаю кулаки. Ему нужно остановиться, или я могу потерять контроль над собой.

— Я сделал то, что нужно было сделать, чтобы спасти ее гребаную жизнь. А теперь, если ты не против, нам нужно встретиться с некоторыми людьми. Надеюсь, мы все еще останемся друзьями после этого, но если нет, просто проигнорируй мой следующий звонок и больше никогда не услышишь обо мне.

Затем я отворачиваюсь и ухожу.

Саша сидит на капоте черной «Тойоты Тундры».

— Не верится, что твой грузовик все еще здесь, — смеется она.

Я отвечаю ей ухмылкой.

— А почему ему не быть здесь? Прошло только несколько дней.

— Я знаю, — возбужденно отвечает она, спрыгивая с капота и проходя к пассажирской двери. Я щелкаю замком на ключе с цепочкой, и фары однократно мигают. — Но чувство такое, будто прошла вечность, разве не так?

— Так. — И это на самом деле так. Я завожу двигатель и делаю вдох.

— Уже скучаешь по ней?

— Да, — отвечаю я, приводя машину в движение. — Передать ее Адмиралу было огромным риском.

— Ты думаешь, он навредит ей? — спрашивает Саша, и тревога пробивается в ее голосе.

— Не-а. Я беспокоюсь не об этом. А теперь пристегнись — это закон.

От этих слов она фыркает, но они делают свое дело. Она перестает задавать вопросы.

Конечно, я переживаю о том, что Адмирал навредит Харпер. Он не осторожничает с ней. Не так, как Ник. Он оставил ее на пляже на год. Борьба с паникой и сводить концы с концами. Они *оба* оставили ее на пляже на год.

И эта флешка, которая у нее была. Нет. Что-то было с ней не так. Если она у агента Один, почему нас не отозвали?

То есть, я знаю, почему *меня* не отозвали. Я — сумасшедший, и вполне уверен, что следующей целью будет моя голова.

Но Организация всегда следила за дисциплиной. Мы — военное подразделение, хоть и секретное. У нас есть правила и традиции. У нас есть... протоколы.

Ничего из этого, кажется, больше уже не значит.

И это ведет назад к гребаному Адмиралу. Почему теперь он хочет ее вернуть? Я не врал Харпер, когда сказал, что не говорил с ним уже долгое время. Но это все равно не особо успокаивало. Потому что он постоянно связывался со мной с помощью телефонов. Почти везде, куда я шел, я находил телефон. Так что, когда я нашел телефон в своем грузовике перед тем, как найти Сашу, я особенно не переживал.

А может, стоило?

Он попросил меня привезти ее домой *до того*, как узнал новости о флешке. Так о чем он думал?

«Он хочет настроить ее против тебя, Джеймс, — говорит Тет в моей голове. — Он хочет заполучить ее и настроить против тебя».

Но зачем?

«Потому что он подставил тебя, Джеймс».

Если и есть на Земле хоть один человек, который знает меня, — это Адмирал. Если и есть на Земле хоть один человек, который знает, что со мной не так, — это он. И если есть на Земле человек, который может настроить Харпер против меня, — это тоже он.

Я веду машину по свободному шоссе и вижу «Маконалдс», где мы берем свой завтрак, а затем следуем на север к одной из боковых дорог. Я взвинчен, пока Саша ест, и просто жду, когда польются вопросы. Но, разобравшись с едой, она смотрит в окно на фермерские домики, проносящиеся мимо, а затем засыпает.

Несколько часов спустя, когда мы достигаем следующего большого городка, я поворачиваю на запад. Поездка тихая и обычная. Только две полосы дороги, которые дают мне подумать о многом.

Я еду на запад, виляя по отдаленным дорогам Колорадо, пока несколько часов спустя не достигаю трассы I-25.

Я сворачиваю на север и встречаю дорожные знаки, которые начинают отсчет к Форт-

Коллинс, и когда в поле зрения появляется съезд, я съезжаю и направляюсь в городок. В центре весьма тихо, хоть и обеденное время. Здесь есть университетский кампус, но, думаю, большинство студентов уехали домой на лето. Первым я замечаю тату-магазин, а затем — немного подальше — байкерский магазин.

Снаружи байкерского магазина толпа людей. Фактически, Спенсер Шрайк лично находится здесь. Отворачиваю голову на случай, если он увидит меня, а затем сворачиваю налево на следующей улице и после направо в еще один квартал.

Когда красная крыша здания квартирного дома появляется в поле зрения, я почти разворачиваюсь. Но мне нужно увидеть это. Я паркуюсь возле бордюра и ставлю машину на режим парковки, оставляя двигатель включенным.

Саша все еще спит, так что я тихо выхожу из машины и толкаю дверь до щелчка, пока не закрываю ее. Я не хочу говорить Саше, зачем я здесь. Я никому не хочу говорить, зачем я здесь.

Иду к воротам охраны пропускного пункта и хватаюсь за пикообразные прутья железной решетки, попрыгиваю, перебрасываю ногу через них и приземляюсь на другой стороне с мягким звуком.

Оглядываюсь позади себя, чтобы увидеть обратил ли кто-нибудь внимание, но все чисто. Так что я иду к двери сбоку здания, открываю ее, спускаюсь по лестнице вниз и толкаю тяжелую дверь, которая ведет в гараж.

Именно здесь подстрелили Веронику. Я смотрю направо. Вот место, где она упала. Где Форд отвязал ее руку и спас ей жизнь.

Стрелял ли я в нее?

Я на самом деле не знаю, был ли это я или...

Мои глаза блуждают пока я не нахожу темное пятно посередине гаража.

Тони.

Я иду к пятну. Внутри нет машин, так что я могу лишь предположить, что он не закончил ремонт. Когда я нашел это здание, у застройщика закончились деньги, оно просто простаивало пустым. Выглядит так, будто ничего не изменилось.

Я опускаюсь на колени возле следующего пятна и называю его так, как и должно быть — пятно от мозгов моего брата, когда его голову расплющило от силы столкновения и скорости моей пули.

Оглядываюсь за собой и представляю Эшли и Кейт. Мою идеальную маленькую племянницу. Я никогда не знал Эш. Я мог наплевать на ту девчонку. Но она мать моей племянницы, а это кое-что означает. Она — моя семья. А она у меня небольшая.

Я оглядываюсь назад на то, что осталось от признаков Тони в этом мире.

— Прости меня, — говорю я ему. — Клянусь богом, мне жаль. Я просто хочу закончить все это. И это не твоя вина, что ты был сумасшедшим. Это не моя вина, что я сумасшедший. Они сделали это с нами, и если бы я позволил тебе забрать Кейт, они бы сделали это и с ней тоже.

Я сглатываю и встаю, делая глубокий вдох.

— Я собираюсь положить этому всему конец, так или иначе.

Я смотрю вверх и жду. Какого-то сигнала. Или чувства прощения. Или чего-нибудь.

Но это все херня из Голливудских фильмов. Я имею дело исключительно с реальностью. А в реальности нет такого понятия, как прощение. Нет такой вещи, как искупление. И нет такого понятия, как справедливость.

Есть только месть.

Я киваю пятну и поворачиваюсь, уходя тем путем, которым пришел. Когда я добираюсь до решетки, открываю ее вместо того, чтобы перепрыгнуть, потому что теперь я внутри. А затем иду назад к грузовику, где Саша спит, прижавшись лицом к прохладному стеклу.

Завожу двигатель и наблюдаю, как несколько байкеров громко проезжают в квартале вниз по улице.

Смотрю на Сашу и обдумываю предложение Харрисона. Он никогда не сможет контролировать этого ребенка. Потому что она не ребенок. Она — киллер. Но...

Смотрю вниз на улицу, мимо здания суда и позволяю взгляду упасть на католическую школу через дорогу от городских зданий.

Но Форд живет здесь. В двух милях через дорогу от парка. В парке есть бассейн. И старый трамвайчик, который ездит посередине сраной улицы. Его жизнь сейчас напоминает картинку с открытки.

Саша любит Форда. Он бы забрал ее, я знаю.

Я остаиваюсь на красный свет и просто пялюсь на школу, пытаюсь представить Сашу нормальной и счастливой.

Я хочу этого для нее, правда. Но... она слишком нужна мне, чтобы я отпустил ее.

В следующий раз, когда я поднимаю глаза, свет сменяется зеленым, так что я сворачиваю налево назад к шоссе. В месте, в которое я везу Сашу, она бы захотела оказаться в последнюю очередь на Земле.

«Все правильно, Джеймс. Ты — придурок. У тебя есть шанс дать девчонке новую семью, но — нет. Ты отклоняешь такую возможность для нее, чтобы она могла сыграть свою партию в твоём больном плане, который никогда не сработает».

Но самое забавное вот что... Тет не беспокоится о чьих-то смешанных чувствах. Поэтому позволяю Джеймсу ускользнуть с проходящей дороги. Джеймс затихает, и вступает Тет.

В конце концов, он единственный, кто положит всему конец.

Он единственный, благодаря кому мы все еще живы.

И прямо сейчас остаться в живых — единственное, что имеет значение.

Пока не придет время убивать.

Глава 4

Саша

Когда Джеймс выбирается из грузовика, я наблюдаю за ним из-под прикрытых глаз. Форт-Коллинс. Форд работал здесь последний год. Здесь живут его друзья. Если я выйду из грузовика прямо сейчас и пойду в байкерский магазин, я могу найти его.

Но Джеймс...

Я переживаю за него. Жду, пока он исчезнет из поля зрения, а затем следую за ним к гаражу. Подсматриваю через дверь, пока он под влиянием какой-то внутренней борьбы. Я знаю, что он здесь сделал. Ник рассказал мне.

Он убил своего брата.

И впервые, когда я услышала об этом, то почувствовала, что Джеймс даже не мог бы мне понравиться, не говоря уже о том, что я бы полюбила его. Но я была права.

Когда он выглядит так, будто закончил, я тихо шагаю назад по ступенькам, бегу по тропинке и запрыгиваю назад на сидение, притворяясь спящей.

Когда Джеймс возвращается, и мы снова выезжаем на дорогу, я знаю, о чем он думает, пока мы ждем нужный сигнал светофора. Загорается зеленый, а он все равно сидит и пытается решить между тем, что ему *нужно* сделать, и что он *должен* сделать.

Он должен отвезти меня к Форду и оставить там.

И я собираюсь быть честной — часть меня, на самом деле, хочет этого. Часть меня думает, что если кто-то и может исправить меня — изменить и превратить обратно в маленькую девочку — то это Форд.

Но я тихо вздыхаю от облегчения, когда он наконец-то поворачивает и едет на север, прочь от города. И когда спустя тридцать минут он выезжает на шоссе, и мы все еще едем на север, я понимаю, куда мы на самом деле направляемся.

Шайенны.

Он везет меня домой. Только это больше не мой дом.

Я не была в Шайенны с прошлого Рождества с тех пор, как убили моего отца. Я оказалась в больнице, и мои бабушка с дедушкой приехали и забрали меня на свое ранчо на севере, в Вайоминге.

Форд приехал увидеть меня на следующий день после Рождества. Он сказал, что проделал весь путь от Денвера. Почти восемь часов.

И когда он нашел меня, сидящую возле окна в своей комнате, сел рядом со мной и дал обещание.

Его рука холодная, от вождения этого куска дерьма под названием Бронко, в котором он появился. Я отдергиваю руку, но он сжимает ее. Сильно.

Смотрю вверх в его мягкие карие глаза и качаю головой, пытаюсь не заплакать.

— Саша, — произносит он, — я клянусь Богом, они не уйдут просто так. Мы сделаем это правильно.

— Как? — спрашиваю его я, проводя рукой под носом, чтобы не хлюпать. — У тебя даже нет понятия, с кем мы имеем дело. Ты ничего не знаешь. Ты даже не наемник.

— Ты права, я не он. Но я консультант. И мой партнер, Мерк, он — наемник. И он до сих пор жив. Я говорил с ним.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в кожу.

— Он должен быть мертвым! — последнюю часть я выкрикиваю. — Он должен быть мертвым, а не мой отец!

Следует несколько мгновений тишины, и я чувствую, что теперь он защищается. Он не уверен, что со мной делать. Я рассчитываю на это, когда имею дело с мужчинами. У маленькой девочки есть большая сила в мире больших мужчин. Но я делаю то, что могу, чтобы вывести его из равновесия.

Я смотрю на него вверх, ожидая симпатии, но вместо этого получаю насмешку.

— Не играй со мной, ребенок. Я не в гребаном настроении. Я провел за рулем восемь проклятых часов, чтобы попасть сюда и отдать тебе это, — он протягивает раскрытый кулак и показывает флешку.

Вчера Форд пришел в оружейный магазин моего отца, в антикварном стиле, со своим другом Мерком. И пока Мерк покупал пистолеты, Форд покупал рождественские подарки для своей матери и друга.

Флешка была моим подарком ему.

Типа того.

Подарок был моей последней отчаянной попыткой избавиться от флешки прежде, чем кто-то придет ее искать.

Я подавляю плач, когда понимаю, что теперь она может быть причиной, по которой умер мой отец. Я тянусь к ней, но Форд закрывает кулак и отводит его.

— Не так быстро.

Я пялюсь на него.

— Что это такое?

Я невинно моргаю.

— С первого взгляда кажется, что на ней фотографии. Девочки и ее отца, и того времени, когда они были вместе. Но это не так, правда?

Я ничего не говорю.

— Если люди ищут это, тебе лучше, бл*дь, сказать. Ты понимаешь? Потому что люди умирают, Саша.

— Я знаю, — плачу я, — знаю. Но клянусь, я не знала, что это случится.

— Так что на ней? — спрашивает он.

— Я не знаю. Но теперь боюсь ее хранить. Вчера утром я видела двух парней, которые — как я знаю — должны быть мертвыми. Они стояли снаружи антикварного магазина и курили сигареты. Я знала... я просто знала, что они были там для поиска флешки. И я испугалась, и сунула ее вместе с твоим завернутым, как подарок, ножом, чтобы избавиться от нее.

— Откуда тебе было, бл*дь, знать, что я не передам ее кому-то, кому не следует?

— Я просто знала, — я смотрю вверх на Форда и молча умоляю его помочь мне. — Я просто знала, Форд. Ты единственный хороший человек, которого я встретила за очень долгое время. А теперь моего отца не стало, и у меня никого нет.

Он смотрит на мою открытую дверь, затем встает и проверяет коридор на присутствие бабушки. Бабушка не в состоянии подняться по ступенькам, но и дедушка не лучше, так что они не заходят сюда часто. Но Форд все равно закрывает спальню и возвращается ко мне, не садясь на этот раз.

— Саша, я заберу это с собой и передам Мерку. Он работает на этих людей. И здесь кое-что не так. Но я не тот, кто тебе поможет, знаешь? Я не правильный человек.

Я понимаю, что задерживала дыхание.

— Мерк — тот, кто тебе нужен. Так что ты останешься здесь, хрен знает на сколько, не лезешь на рожон и будешь смотреть в оба. Если увидишь кого-нибудь, Саша, — и я имею в виду кого угодно — ты используешь этот телефон.

Он передает его. Это один из тех дешевых телефонов, которые можно купить в «Уолмарте», и которые наемники используют, чтобы связываться между собой без ведома Организации.

— Здесь есть только один номер. Ты звонишь Мерку, если видишь что-то, и он говорит тебе, что делать. Когда я уеду отсюда, я заеду к нему, и мы поговорим. Затем он свяжется с тобой. Но что бы ни случилось, Саша, — Форд делает паузу, чтобы увидеть, слушаю ли я, — что бы ни случилось, не говори никому об этой флешке и о том, что я приезжал сюда сегодня. Ты понимаешь?

Я киваю.

— Да, сэр.

Нравится мне это или нет, Форд был прав. Он не тот, кто решит это.

Но и Мерк тоже.

Потому что есть Джеймс... Джеймс — единственный, кто может с этим разобраться.

Глава 5

Джеймс

— Перестань. Ты нервируешь меня.

— Что? — спрашиваю я, пока грызу ноготь на большом пальце, желая, чтобы у меня оказалась сигарета. Я проехал сорок миль, и не было ни единой остановки на шоссе, а теперь мы в Шайенны, и я нервничаю, словно стою на пороге в ад.

— Просто остановись и купи сигарет, ради бога! Это я должна нервничать. Это мой дом, а не твой.

Я смотрю на нее, когда мы останавливаемся на красный свет.

— Почему ты должна нервничать?

— Ну, — она смотрит за окно. — Мы ведь едем в торговый центр «Раундхаус», не так ли?

Это название антикварного магазинчика, в котором ее отец продавал оружие Организации.

— Ага. Смурф, ты ожидаешь, что там будет что-то важное?

Потому что я — да. И это заставляет меня нервничать.

— Не совсем.

Я не знаю, что это значит, но позади нас звучит сигнал, я поднимаю глаза и вижу, что загорелся зеленый свет. Я еду вперед, а затем сворачиваю в первый поворот направо, мимо железнодорожной линии. Старинная железнодорожная станция справа от дороги, а слева находятся исторические складские помещения, которые переделали в антикварные магазины.

«Раундхаус» огромный по размерам и находится на углу улицы.

Саша выпускает долгий выдох.

Бл*дь. Я молюсь, чтобы это не оказалось ошибкой. Паркуюсь позади здания рядом с огромным зеленым мусорным контейнером и глушу двигатель.

— Ну, — произношу я, пока мы сидим в тишине. — Готова зайти внутрь?

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее, а она сидит с широко распахнутыми глазами.

— Мне нужно к чему-то готовиться?

— Ты мне скажи.

— Ты был здесь прежде?

Я качаю головой.

— Никогда. Я прежде не был в этом городе, и я говорил тебе это.

— Я не была уверена, правда это или нет. Кажется маловероятным, что ты никогда здесь не останавливался хоть ради чего-то.

— Этот склад не такой уж и старый, Саша. Контрабандный поставщик оружия для

западных ребят всегда был в Аризоне.

— Оу, — кивает Саша и делает глубокий вдох. — В этом есть смысл, думаю. Мы привыкли жить в трейлере и просто продавать оружие на выставочных шоу.

Мы одновременно открываем двери и выбираемся из грузовика. Я указываю на черный ход, и мы направляемся туда. Когда добираемся, я немного опережаю ее, чтобы открыть дверь, и она проскальзывает внутрь без единого слова.

«Пожалуйста, — молюсь я, — не позволяй этому стать ошибкой».

Мы входим в служебное помещение, у меня нет понятия, куда я иду. Мерк просто сказал припарковаться за зданием и войти в дверь.

Мне не нужно переживать. Смурф показывает дорогу. Здесь проход за проходом между высокими индустриальными полками, в которых можно увидеть большие коробки, но Саша поднимается по двум проходам, потом идет вниз, пока мы не достигаем места пересечения, а затем сворачиваем налево. В конце прохода еще одна дверь.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, пока она направляется к двери.

— В магазинчик моего отца, — слова холодом скатываются с ее языка.

Конечно. Когда бы я ни приходил в «Раундхаус» на встречу с наемниками, я всегда сначала шел в магазин ее отца.

На двери замок с одной из этих серебристых панелей над дверной ручкой. Саша вводит код и, конечно же, она открывается.

Следую за ней, и мы оказываемся в еще одной складской комнате. Только эта наполнена оружием.

Я слышу звук взвода курка пистолета, и достаю свой Five-SeveN, наставляя его в лицо Мерка до того, как ему удастся рассмеяться.

— Ты, тупоголовый, — он поднимет руки вверх, взмахивая пистолетом, словно идиот. — Не стреляй в меня, бро! Не стреляй в меня, бро!

Я подхожу к нему и выхватываю пистолет из его рук.

— Значит, и ты не *дразни* меня, идиот. Не стреляй в меня.

— Как скажешь, — отвечает он, вытягивая сигареты и протягивая мне. — Та же херня.

Он вытаскивает зажигалку и дает мне. Я делаю затяжку из «раковой палочки» и позволяю никотину впитаться в мои вены. Господи. Никогда еще сигарета не ощущалась так хорошо.

Мерк подкуривает свою сигарету и получает свое удовлетворение.

— Так какого хера? — он смеется и кашляет одновременно. — Ты до сих пор возишь этого низкорослика с собой? Господи, а у тебя больше терпения, чем у меня.

Саша пинает его по лодыжке.

— Придурок.

Мерк наклоняется и трет ногу, будто ему больно, а затем хватается Сашу за талию, поднимает ее над головой и готовится бросить ее на кучу коробок, когда я начинаю выходить из себя.

— Чувак! — кричу я. — Не трогай моего Смурфа!

Он сначала игнорирует крики, а затем плавно опускает ее ногами на землю.

— Я шучу, вы, придурки. Господи Боже. Улыбнитесь. Я здесь один с чувством юмора?

— Ладно, каков план? — Я готов осуществить намеченное.

— Мы все еще ждем. Хотя осталось недолго.

— А потом что?

— Потом, — он пожимает плечами, — будем действовать в зависимости от обстоятельств, полагаю.

— У тебя есть файлы или как? — рывкает Саша с безопасного расстояния.

— Какие файлы? — спрашиваю я, глядя на нее, а затем назад на Мерка. Они прячутся друг на друга. — Какие? Гребаные? Файлы?

Мерк указывает сигаретой на Сашу.

— Я сказал тебе держать свой сраный рот на замке по поводу файлов.

— Я и держу, — огрызается она. — Но теперь я с ним, — отвечает она, указывая на меня. — И я хочу, чтобы он о них знал. Так что молчание окончено, — она выжидает мгновение. — У тебя с этим проблемы?

Проклятье. Смурф-убийца вернулась. Я люблю Смурфа-убийцу.

— Какие гребаные файлы? — спрашиваю я снова, пока Мерк решает, есть ли у него с этим проблемы. Потому что, конечно, даже если бы они у него были, уже слишком поздно. Саша посвятила меня.

Наконец-то. После того как я прокатил ее задницу через Дикий запад, я в игре.

Мерк протяжно выдыхает, а после указательным пальцем делает жест а-ля «это только между нами».

— У нас есть гребаные файлы.

— Вообще-то, были все это время.

Я смотрю на Сашу.

— У тебя была флешка?

Она улыбается.

— Нет. Я отдала ее Форду, а он передал Мерку.

Я смотрю на Мерка.

— У тебя была гребаная флешка? И ты позволил мне гоняться за Харпер и пытаться заполучить ее? Ник знает об этой херне?

— Он здесь? — спрашивает Саша.

Я снова смотрю на Сашу. Теперь у меня плохое предчувствие.

— Это не та флешка, которую ты ищешь, — говорит Мерк, взмахивая руками, как Оби-Ван Кеноби. Но затем его смех прекращается и улыбка меркнет. — Это кое-что другое. Кое-что... — он смотрит на Сашу, — ... покрупнее. Намного крупнее. Есть две флешки, Джеймс. Мы с Фордом открыли ее после того, как Саша отдала Форду в прошлом году. И это все деньги, брат. Счета, чувак. Сотни, может, тысячи секретных счетов.

— Деньги Организации?

Мерк делает длинную затяжку и выпускает дым кольцами.

— Ага. У твоей драгоценной Организации везде есть сбережения, чувак.

— Откуда информация, бл*дь, взялась?

Он смотрит на Сашу, и я поворачиваю голову туда же. У нее на лице ухмылка. Но не та, которая несет удовлетворение или веселье. Она нервная.

— Колись, Смурф.

— Мой отец напился перед работой в ночь перед Рождеством. Я знала, что у него было что-то важное. За неделю до этого он говорил, что собирается в Калифорнию на день. Он оставил меня дома. Одну. Он никогда так не делал. Он отвозил меня к бабушке с дедушкой, когда у него были дела вне города. Так что я знала, что в тот день было что-то не так. И когда он вернулся, у него была флешка.

— Он не ездил в Калифорнию, — произносит Мерк, перебивая ее рассказ. — Мы с Фордом выследили его. Он ездил на Кайманы и зашел в каждый банк в Джорджтауне.

— Он опоздал, — грустно говорит Саша. — Он вернулся только на следующий день. Я осталась дома и волновалась все время.

— Он подстроил это, чтобы украсть их деньги.

Я смеюсь.

— Определенно, все.

— Все. Кроме частных фондов, которые, я уверен, — по тому, как Ник описывает — все еще существенны.

— Гребаный Ник. Я убью этого придурка за то, что он отправил Харпер с неправильной флешкой.

— Я не уверен, что Ник знает, Джеймс.

— Так что на *той* флешке? Которую он дал Харпер. Я предполагал там только имена, — произносит Мерк.

— Может, так и есть. — А может, и нет. Но что бы это ни было, оно важно этим людям.

— Ничего из этого не имеет смысла. Какого хера Адмирал отправил меня на пляж? Кто, бл*дь, во главе миссии?

— Я не думаю, что это миссия, Джеймс, — мы с Мерком поворачиваемся к Саше. — Я лишь видела и слышала обрывки разговоров, так что ты должен понять это, когда я говорю тебе подобную хрень. Но я слышала и видела многое. Мой отец был кем-то важным. Его скинули с этой должности, вот поэтому мы и оказались в трейлере на обочине. Но он все равно знал многое. И перед тем, как умереть, он воровал их деньги, и он был связан с Ником. Ник был неподалеку на протяжении многих месяцев до случая на Рождество. Ник — единственный, с кем он работал.

Я просто плююсь на нее.

— Ник попросил его о помощи в краже всех этих денег. Это сделал мой отец, а не Ник. Но идея была Ника.

— Какого хера вы двое не рассказали мне о подобном дерьме раньше?

От моего тона Саша делает шаг назад, но Мерк кладет руку мне на плечо прежде, чем я могу двинуться.

— Послушай, чувак, ты был, мать твою, не в себе, хорошо? Мы не могли посвятить тебя, пока не узнали, что ты не замешан в этом. А ты не замешан. Поэтому мы привели тебя сюда.

— Нет, — я качаю головой. — Я привел *ее* сюда.

Мерк улыбается.

— А она чертовски хороша, не так ли?

— Ты подставила меня, Смурф?

— Прости, — отвечает она. Но по выражению ее лица могу сказать, что она весьма гордится собой. — Я должна была понять, был ли ты сумасшедшим или нет. Мерк, на самом деле, отправил тебя доставить меня. Так же, как и Адмирал. Мерк послал меня в прерию дожидаться тебя. Но и Адмирал сделал то же самое. Он играет тобой, Джеймс. Он приказал мне убить тебя, и поэтому приказал тебе убить меня. И я вполне уверена, что отдать Харпер Адмиралу было плохой идеей, но нам, на самом деле, нужно было избавиться от нее.

Я потираю лицо рукой, пока обдумываю все это.

— И ты позволила мне подвергнуть Харпер опасности... почему? — Я снова смотрю вверх, и они оба перестают улыбаться. Я знаю этот взгляд. Я не чувствую изменений в себе

— я никогда не чувствую изменений в себе. Но вижу изменения в них.

— А теперь подумай, Тет, — произносит Мерк, сильнее сжимая мое плечо. — Ты не должен был видеть ее.

— Это чушь собачья. Гребаный Адмирал отправил меня на пляж наблюдать за ней.

— Он отправил тебя на пляж, чтобы ты не справился со своей работой, как наемник. Но я нанес визит тому парню до того, как прибыл ты.

— Еще большая чушь! Я сказал тебе по телефону до того, как отправился на пляж, что я провалил тест на психику, а ты практически повесил рубку.

— Нет, я сказал, что у меня нет времени на твое нытье. И у меня не было. У меня есть своя собственная работа с моей стороны, и ты это знаешь. Но на следующий день я поехал в Южную Калифорнию, и позаботился о твоём деле.

— Это был Один? — спрашиваю я.

— Один мертв? — колко спрашивает он. Я отвечаю ему всего лишь язвительным взглядом. — Очевидно, что это был не Один, — Мерк ждет, догадаюсь ли я еще раз, но я не догадываюсь. — Это был Восемь.

— Так все эти миссии а-ля «убей наемного убийцу», которые я выполнял два последние года...?

Он пожимает плечами.

— Подставы, думаю. Я правда не имею понятия, Тет. Они хотели, чтобы они казались мертвыми, но не были таковыми. Ты скажи мне. Ты знаешь этих людей из Организации. Я не знаю. Я понятия не имею, как они мыслят, кроме того, что они хотят избавиться от меня, только я так легко не сдамся.

— В этом нет смысла.

— Смена режима, мой друг, — произносит Мерк. — Кто еще хочет прибрать все себе? Подумай об этом. Харпер отравляет всю верхушку, когда сбегает. Ты убираешь своего брата... по-настоящему, — добавляет он. — Затем находишь Харпер и выслеживаешь ее, как хороший песик. Один вмешивается, крадет ее флешку в последнюю секунду. Почему?

— Они не доверяют мне.

Мерк смеется.

— А ты бы себе доверял?

— Какая разница.

— Я имею в виду, я бы тебе ни в чем не доверился, — он все равно улыбается. — Но я не думаю, что причина в этом. Не думаю, что они знают о флешке, которая есть у нас. — Он смотрит на Сашу. — Что думаешь?

Она выглядит пораженной тем, что ему нужно ее мнение. И почему бы не спросить ее? Кажется, у нее одной есть все ответы, и неважно, хочет она давать их или нет. Выражение ее лица становится грустным. Глаза опускаются.

— Они знают. Из-за этого они убили моего отца.

— Так зачем две флешки? — Я смотрю на Мерка в поисках ответа на вопрос.

— Из того, что я могу сказать, в коде есть какой-то подвох. Им нужны две флешки, чтобы получить доступ к деньгам. И в этом есть смысл. Поэтому мы с Фордом как проклятые пытались украсть деньги с их счетов. То есть, дерьмо. Мы подключили всех хакеров. Но, бл*дь, если бы нам удалось понять.

— Ник понял бы.

Мы с Мерком одновременно смотрим на Сашу.

— Ник знает, что с этим делать.

— Саша, — мягко начинаю я. — Послушай, ты не можешь доверять этому парню, ладно? Ты не можешь ему доверять. Он подверг Харпер опасности. Он подверг опасности тебя. Скорее всего, он работает на Адмирала.

Глава 6

Саша

После они заткнулись с разговорами о Нике, так что я понимаю это, как намек оставить их, чтобы они могли поделиться секретами.

Я понимаю, что они говорят. Ник — часть этого. Ник всех подставляет. Ник не на нашей стороне. А у меня нет энергии, чтобы защищать его, потому что, если быть честной, я не знаю его настолько хорошо. Но они также не знают его настолько хорошо. Ник работал в других частях света все это время. Он в Северной Америке лишь потому, что в прошлом году на свой день рождения свалил ото всех. Я не думаю, что он плохой. У меня нет никаких доказательств, но я просто не думаю, что он такой.

Так что я выхожу на территорию торгового центра и осматриваюсь вокруг. Почти время закрытия и вокруг едва ли кто-то есть. Прохожу через угловой магазин моего отца — у него была самая большая площадь магазина, и места здесь, как в двенадцати обычных магазинчиках. Мои глаза останавливаются на другом магазинчике, в котором мы работали.

Моем.

Он продавал нелегальное оружие людям Организации и легальное — широкой общественности. А я продавала девчачьи вещи: книги, бижутерию, фенечки, кукол. Я всегда любила кукол так же сильно, как динозавров.

Мои пальцы пробегают по стеклянной поверхности шкафчика, пока я иду к маленькому входу в мой магазинчик, и под ними собирается слой пыли, пока я продолжаю вести их. Я привыкла сама ухаживать за этим магазинчиком и хранила большинство вещей в шкафчиках. Но я не была здесь после...

— Саша?

Я поворачиваюсь на голос и надеваю одно из моих фейковых выражений лица, которое я мастерски училась носить последние семь месяцев.

— Здравствуйте, миссис Шелдон. Долго мы не виделись, — моя фальшивая улыбка на месте. Я встречаюсь с ее уставшими голубыми глазами, как девочка, которая принимает то, что ее жизнь была разрушена и никогда не будет прежней.

— О, милая. Я так рада снова видеть тебя. После несчастного случая у меня не было шанса попрощаться. А потом произошел пожар на ранчо, — она притягивает меня в такие объятия, которыми может обнимать только пожилая леди, прижимая меня к своей груди и начиная гладить мои волосы.

Она пахнет как розовая вода. Не то чтобы мне было дело до запаха, но он очень популярен среди пожилых дам в этом районе. Я позволяю ей обнять себя, потому что она не знает большего. Не знает, что я — киллер. Не знает, что я собираюсь делать на протяжении нескольких следующих дней.

— Как ты поживала, солнышко?

Я благодарна возможности отодвинуться и избавиться от запаха ее старого сатинового

Затем вздыхаю и смотрю на магазинчик отца. Чувство такое, будто он может просто выйти из служебного помещения. Если бы Мерк не занимался этим местом последние семь месяцев, это был бы он.

— Это не так, Саша. Так что привыкай к этому. Единственное, что сейчас имеет значение, это — месть.

Не могу поверить, что я сказала это вслух.

Вхожу в магазин и начинаю искать одежду. Я роюсь в винтажном отделе, пока не нахожу пару зеленых армейских штанов достаточно маленького размера, а затем раздеваюсь и весьма быстро натягиваю их.

Нахожу белую футболку и какие-то старые сапоги и тоже надеваю их.

И теперь... я чувствую себя *настоящей* Сашей. Это должно заставить меня улыбнуться, но вместо этого заставляет почувствовать ностальгию по жизни, которая у меня была. Это, может, и не было чем-то особенным для других людей, но для меня явно было.

Мне плевать на рыбалку или охоту. Я могла ходить, а могла бросить уроки по разбиванию лагеря или выживанию. Но дело в том, что все это я делала с моим отцом. Из-за него все это казалось особенным.

А теперь его не стало... ну... я больше не хочу этого делать. Не хочу даже, чтобы моя нога ступала в лес. Не хочу стрелять из пистолетов или луков. Не хочу разбивать лагерь или выживать.

Я просто хочу свести счеты, и чтобы после этого все оставили меня в покое.

Поворачиваюсь спиной к магазину и иду назад к себе. На дальнем столе обрывки оберточной бумаги и ленточка с последнего дня, когда я была здесь. Рождество. В тот день Мерк пришел купить пистолеты, а Форд — за подарками. Я позволяю себе маленькую улыбочку при мысли о Форде, а затем короткий смешок застаёт меня врасплох, пока ладони накрывают мои глаза.

Я реагирую ударами локтей по ребрам нападающего.

— О, — мычит он. — Сдаюсь! Сдаюсь!

Его ладони опускаются с моих глаз, и я оборачиваюсь с удивлением и возбуждением.

— Ник!

Он придерживает меня за плечи, а затем притягивает в крепком объятии.

— Боже, я волновался за тебя, как проклятый.

— Я в порядке, — произношу я в его рубашку, пока он близко удерживает меня. — Правда, — я отталкиваю его назад. Мне нравится Ник. И думаю, я тоже ему нравлюсь, но не так, как он нравится мне. То, как он прикасается ко мне, заставляет меня нервничать, и это пугает до чертиков.

— Саша, — он держит мое лицо в своих руках, и на мгновение меня охватывает паника, что он поцелует меня, а затем паника сменяется сожалением от того, что не поцелует. — Ты выглядишь хорошо, ребенок. Намного лучше, чем я представлял все эти месяцы.

Я ныряю под его руку и выворачиваюсь из его хватки, заставляя его повернуться.

— Ты тоже хорошо выглядишь. Намного лучше для парня, который находится в бегах почти год.

Он ухмыляется мне, и на мгновение я думаю, что он флиртует. Но затем он хлопает по переднему карману и вытаскивает пригоршню леденцов. Таких, какие пожилые леди раздают у себя в магазинчиках.

— Ты, наверное, прикалываешься надо мной. Ты принес мне конфетку? Мне что, шесть

лет?

— Посмотри, — произносит он, играя ими, — они со вкусом ириски. Твои любимые.

Оооу. Может, я немного и растаяла. Он знает мой любимый вкус. Я беру их, и он хватает одну для себя, а затем отдирает зубами обертку и выплевывает ее на пол.

Я просто пялюсь на его губы, пока он кладет леденец себе в рот и начинает говорить о том, что остановился на стоянке для грузовиков по дороге в город... о, черт. О чем он говорит? Я все еще пялюсь на его рот.

Он смотрит на меня выжидающе.

— Что? — спрашиваю я.

Он вытаскивает леденец изо рта и протягивает мне.

— Держи, я не хочу.

— Тогда зачем ты его взял? — спрашиваю я, смеясь. Я беру леденец, неуверенная, что с ним делать.

После он наклоняется в мое личное пространство и скользит руками в мои волосы.

— Просто хотел лизнуть его до того, как это сделаешь ты.

До нас доносится звук взвода курка, и мы оба медленно поворачиваем головы.

— Ты убережешь свои руки от моего Смурфа и отойдешь, бл*дь, от нее нахрен.

Ник смеется, но Джеймс не выглядит тем, кто шутит. По факту, сейчас Джеймс выглядит как Тет.

— Смурф? — Ник снова прыскает со смеху, только громче на этот раз. — Во-первых, Шесть, если этот Смурф и принадлежит кому-то, то это мне, — он смотрит на меня. — Правда, Саш?

Господи, как же плохо я выбираю стороны. Так что я колеблюсь. Но все в порядке, потому что Джеймс подступает к Нику и смотрит на него сверху-вниз. Джеймс на два сантиметра выше Ника или что-то около того, так что ему удастся это сделать.

— Ей тринадцать лет, Ник. Если ты прикоснешься к ней хоть минутой раньше, чем ей исполнится восемнадцать, я нахер отрежу тебе яйца.

Ник отодвигает дуло пистолета и фыркает.

— Не будь дураком. Она — ребенок, — и затем, будто это не последний гвоздь в мое сердце, он добавляет: — что напоминает мне о том, что у меня есть девочка, в которой ты можешь быть заинтересован.

Я прекращаю слушать. Я просто выбрасываю леденец в мусорное ведро и ухожу. Мерк протягивает руку, чтобы перекрыть мне дорогу, когда я прохожу несколько шагов, но я наклоняюсь вниз. Он снова хватает меня и удерживает за футболку.

— Останься здесь, Саша. Тебе больше не разрешается находиться одной.

— Какая девочка? — спрашивает Джеймс.

Ник смотрит на меня и подмигивает. Я не уверена, что это означает, но Джеймс принимает это за сигнал о том, что у нас с Ником есть секреты. Но прежде чем я могу начать отрицать это, Ник продолжает говорить:

— Я с удовольствием расскажу тебе, но сначала, где, мать твою, моя сестра? — Ник осматривается вокруг, будто она окажется здесь, прячась от него вместо того, чтобы в первую очередь визжать его имя.

Не думаю, что когда-либо видела, как Джеймс проглотил язык.

— Где, *мать твою*, моя сестра?

— Мне пришлось отвезти ее назад на яхту.

У Ника даже нет слов, чтобы ответить на это. Пораженный, он замолкает.

— Один, чувак. Я, бл*дь... — Джеймс пытается найти слова. Но как объяснить такую погрешность? — Он вышел из тени, ввел Харпер наркотик. Он дал ей слишком много...

Мы пялимся на Джеймса в тишине.

А затем Ник набрасывается на него. Это глупый ход, потому что Джеймс пригибается, хватая его за ноги, наваливается всем телом на него и опрокидывает на пол перед моим магазинчиком.

— Полегче, чувак. С ней все в порядке. Я оставил ее с Адмиралом, пока искал тебя.

— Какого хера с тобой не так? — рычит Ник и переворачивает Джеймса под себя. Они оба подрываются на ноги и начинают ходить по кругу. — Ты тупой? — кричит он на Джеймса. — У тебя хоть есть понятие, что ты, бл*дь, наделал?

Никто не отвечает, и он ничего не говорит нам. Джеймс просто разворачивается и уходит в заднюю часть магазина моего отца.

Глава 7

Саша

В домике Мерка есть странная книжная полка, наполненная винтажной научной фантастикой, поп-культурой хиппи под ЛСД из семидесятых и американской классикой. Я вдруг пожалела, что оставила свой «Маленький домик» в магазине. Это детская книжка. Больше подходит для десятилетних, нежели для меня. Но в ней есть невинность и простота, которые можно немного использовать в моей жизни.

Я беру с полки роман в жанре научной фантастики, когда новая песня включается в моих наушниках. Идея Мерка, чтобы мне не удалось подслушать мужской разговор, который ведется в другом конце комнаты. Я бросаю быстрый взгляд через плечо и улавливаю Ника в полудвижении. Его кулак с треском впечатывается в челюсть Тету, а затем все начинается сначала.

«Он не примет этого просто так. — Вот, что сказал Мерк, когда дал мне айпод и наушники. — Но не вмешивайся в это, ребенок».

А затем ушел.

Ник, не принимающий это просто так — это недооценка года. Количество их драк скоро уже пойдет на десятки, и они весьма громкие. Короткие, но нехватку их продолжительности компенсирует их интенсивность. Мы до сих пор не знаем, почему Ник в ярости. По меньшей мере, я так и не услышала объяснения с тех пор, как мы попали в этот домик за пределами города. Может, Ник сказал Мерку, когда они ехали вместе? Я ехала с Джеймсом, а Джеймс ни черта не говорил за рулем.

Мерку нравится *Taking Back Sunday*, и мне тоже нравится эта песня, так что я подпеваю ей, пока читаю с обратной стороны обложки книжки:

Тысяча лет после того, как на Земле наступил Апокалипсис, и люди построили купол...

Ага. Не-а, спасибо.

Я кладу ее обратно и вздыхаю. Треск мебели заставляет меня посмотреть через плечо во второй раз, и теперь Мерк становится на колени, чтобы разнять Ника и Тета.

Мужики. Они такие эмоциональные, что это сводит меня с ума.

Следующая книга называется «Аборты».

Она заставляет меня прыснуть со смеху, а после у меня появляется чувство, будто я покинула свое тело и наблюдаю сверху за собой, просматривающей книжную полку Мерка, смеясь над названием книги «Аборты», пока Тет и Ник пытаются убить друг друга.

Для этой девочки здесь надежды нет. По нулям. Я имею в виду, все кончено. Я кладу книгу обратно и иду по коридору в ванную. Это странный домик. В нем три спальни и две ванны, но одна из них играет роль прачечной. И в ней есть дверь, которая ведет наружу.

Только у мужчины может быть ванная с черным ходом, но прямо сейчас она здесь для того, чтобы я вышла и встретилась с полуденным солнцем. Вниз по склону, ведущему в лес, есть столик для пикника, так что я спускаюсь и пристраиваю свою пятую точку на стол так, чтобы можно было поставить ноги на сидение и попытаться составить представление о некоторых вещах.

Один. Его появление в Хантингтон-Бич было явным сюрпризом. Я не уверена, что у Тета на уме насчет него, и не уверена, хочу ли знать. Но что бы это ни было, не думаю, что мне есть большое дело.

Я на стороне Джеймса в любом случае. Я просто не могу представить, что в данный момент чаши моих весов перевесят еще в чью-нибудь сторону. Он лучший в том, что делает. А нам нужны лучшие. Я уверена, что Мерк тоже хороший киллер. И Ник. Он еще не мертв так что у него явно есть умения определенного уровня.

И Тет. Сейчас этот человек — киллер.

Передо мной возникает тень, и я поднимаю глаза вверх, чтобы увидеть Ника, идущего вниз по склону. Его рот двигается, так что я знаю, что он говорит, но не слышу ничего потому что *Nothing At All* ревет у меня в ушах.

— Что? — произношу я, вытягивая наушник. Мне на самом деле нравится песня.

— Этот проклятый Джеймс выжил из гребаного ума, — он садится на стол рядом со мной.

— Это не Джеймс, Ник. Это — Тет. И да. Согласна.

— Какого хера он это сделал? Ты там была?

Дерьмо.

Я киваю.

— Я была там. Один ввел наркотик, а Адмирал хотел моей смерти. Джеймсу пришлось подстроить мою смерть, чтобы сохранить Харпер жизнь. Это было просто, как пить дать.

Он просто пялится на меня, будто я идиотка.

— И ты миришься с этим? Что он вернул ему мою сестру?

Я ненавижу его обвинительный тон. А затем его прежние слова выскакивают у меня в голове. У него есть девочка. Я просто ребенок.

— Я мирюсь с этим, Ник. Я просто не вижу лучшего выхода. Нам нужно выиграть время.

— Так ты продала мою сестру? — Он потирает руками лицо. — Бл*дь. Прости. — Он смотрит на меня, и его белокурые волосы спадают на глаза, немного закрывая его лицо. Это заставляет его выглядеть грустным и злым одновременно. — Но, бл*ть, я рассчитывал на эту флешку и свою сестру, а теперь у меня нет ничего, Саш, — его глаза ищут мои. — Ничего. Я там, откуда начинал, — он берет мою руку и сжимает ее. — Прости. Ладно? За ярость.

Я киваю. Я бы хотела заставить его чувствовать себя лучше, рассказав ему о второй флешке, но не могу. Я никогда не говорила Нику. Я никогда никому не говорила после того, как Форд отвез ее Мерку. Он сказал держать рот на замке, вот я и держала. А теперь даже

если мы с Ником на одной стороне... я не совсем уверена, что это правда. Кто эта девочка, которую он хочет, чтобы Джеймс увидел? Он в бегах. Откуда у него время искать девочек?

Так что я молчу о флешке.

— Думаю, у Джеймса есть план.

— Ага. Убить нас всех.

Я отворачиваюсь, и Ник подвигается ближе ко мне на столе.

— Прости.

И после мы сидим в тишине некоторое время. Наконец, он вытягивает наушник и закидывает его мне на плечо, которое поближе к нему.

— Что ты слушаешь?

Я смотрю на iPod в руках и поднимаю его к Нику, но он кладет руку на него и отклоняет.

— Вот почему ты вышла сюда? Убраться подальше от меня и Джеймса? — Он тянется в карман джинсов и вытаскивает сигареты.

Иногда мне тоже хочется закурить. Это выглядит расслабляюще. Это то, что делают все наемники, а я теперь наемник. Плюс, по шкале сравнения, это лучше, чем употреблять алкоголь. Большинство киллеров не делают многого из этого. Они всегда начеку. Но Мерк много пьет. Это мне в нем не нравится.

— Не-а, — говорю я, когда он подкуривает сигарету. — Я просто захотела побыть одна.

Ник улыбается мне, и слабый трепет зарождается у меня в животе. У меня нет иммунитета к его шарму. А он *очаровательный*. Харпер очень красивая, в плане невероятной модельной внешности. Ник — ее близнец. И его красота более поверхностная, чем модельная, но, тем не менее, она завораживающая. Так что порхание в желудке в порядке вещей.

— Я соскучился по тебе, знаешь.

Я ухмыляюсь ему и, наклоняя голову, показываю, что насмехаюсь.

— Я бы никогда так не сказала судя потому, как ты исчез. Как так вышло, что ты меня оставил?

— Эй, — говорит он, поднимая руки будто сдается. — Я сказал тебе, что нам нужно залечь на дно. Я прятался.

— В этом нет смысла, Ник. Харпер была под наблюдением, так что Адмирал всегда знал, где она была. Как так вышло, что ты не пришел и не забрал ее?

— Он ждал флешку. Поверь мне, они искали эту срань почти год и не смогли найти. Предполагаю, поэтому они послали Тета. И посмотри, что случилось? Ее нашли.

— Флешку нашел Один.

— Ага, но он был бы у Тета, если бы Один его не забрал. Харпер просто попала в ловушку.

— Тебе не нравится Джеймс, не так ли?

— Это не имеет ничего общего с симпатией к нему, Саш. Все дело в доверии к нему. А теперь нам нужно возвращаться и забрать сраную флешку. И Харпер. Думаешь, теперь они не знают, что я приду? То есть, бл*дь, наш день рождения через несколько дней.

— Как это связано? — Колесики в моей голове неустанно крутятся. Так много всего происходит.

— Забей, — произносит он, пытаюсь переплести наши пальцы вместе, но я отдергиваю руку до этого. — Какого хера?

— Это того не стоит, — произношу я.

— Что того не стоит?

Я киваю головой в сторону домика на холме.

— Драка, которая у тебя будет с Тетом, если ты будешь держать мою руку.

Ник стреляет глазами вверх по холму, где со скрещенными руками стоит Тет.

— Гребаный урод, — произносит Ник, выдувая длинный клуб дыма.

— Эй, — вступаю я, кивая на сигарету. — Можно мне сделать затяжку?

Его глаза дергаются к Тету всего на долю секунды, но я замечаю.

— Ты слишком мала, чтобы курить, ребенок.

Это все, что мне нужно знать.

— Я просто с тобой шутила, — я протягиваю руку и лохмачу его волосы, пока он автоматически уклоняется. Я улыбаюсь ему, и он возвращает мне беспокойную улыбку. — Ну, я собираюсь вернуться и посмотреть, научит ли меня Мерк играть «Кумбайя» на гитаре. Хочешь пойти?

Он снова смотрит вверх на Тета и качает головой.

— Когда закончу здесь.

— Ладно, — я спрыгиваю вниз и стряхиваю грязь со своей задницы, пока иду вверх по склону. Тет поворачивается и идет со мной, направляясь назад в домик.

— Ты голодная, Смурф? — спрашивает Джеймс.

— Умираю с голоду.

— Я тоже, — и после он открывает дверь «черного» входа и позволяет мне войти.

Как я и сказала. Джеймс — партнер моей мечты.

Это о Тете нужно волноваться.

Глава 8

Саша

Мы возвращаемся назад, а Мерк сидит за кухонным столом и курит. Кажется, делать это в порядке вещей, когда все устаканивается. И сейчас мне, на самом деле, хочется научиться курить, но мне приходится довольствоваться леденцами со вкусом ириски в своем кармане.

Дверь-сетка хлопает, и Ник следует за нами.

— Саша, — произносит он. Я неохотно поворачиваюсь. Я знаю этот тон, и он говорит, что я в эпицентре чего-то.

— Что?

— Собирай вещи. Мы уезжаем.

— Она не поедет с тобой, — произносит Тет. Он хватает мою руку на случай, если я попытаюсь освободить ее.

— Почему, Тет? Чтобы ты мог использовать ее, как использовал Харпер? Чтобы мог втянуть ее в свою сумасшедшую схему мести? Это дерьмо между тобой и Один, чувак. Или тобой и моим отцом. Но я собираюсь сказать это лишь один раз: мы уезжаем. Я собираюсь закончить работу, которую не закончил ты, и после ты будешь держаться нахрен подальше от моей жизни. Ты будешь держаться подальше от моей сестры и будешь держаться подальше от моего *обещания*, — Ник тычет указательным пальцем и следует за своим взглядом. — Иди собирай свои вещи, — затем он вытаскивает пистолет и наставляет его на

Джеймса. — Попробуй останови ее.

— Ник, — произношу я.

— Я не собираюсь повторять, Саш. А теперь бери все, что нужно.

Я смотрю на Джеймса, но ему нечего мне сказать. Он даже не кивает. Так что я делаю то, что мне сказано. Я иду в последнюю спальню, хватаю сумку, которую упаковала ранее, и закидываю на спину, когда выхожу назад в гостиную.

— Я верну ее, Ник, — произносит Джеймс, когда я вхожу в комнату. Он сидит за столом рядом с Мерком, будто этим двоим насрать на все в мире. Будто Ник не стоит прямо там, в гостиной с пистолетом. И я уверена, если бы они, на самом деле, хотели обвести Ника вокруг пальца, Мерку бы это удалось. Но Ник, несмотря на то, что он делает, часть плана.

— Послушай, придурок. Ты понятия не имеешь, что делаешь.

Джеймс кивает с ухмылкой.

— Правильно. Я не зашел так далеко, чтобы понять эту игру.

— Чувак, они используют тебя. И каждый раз, когда я слышу об этом, думаю про себя: *«Нет, Шесть намного умнее этого»*. А затем каждый раз ты попадаешься на крючок. И в этот раз, придурок, в этот раз моя вера закончилась. Я попросил тебя сделать для меня одну вещь. Не втягивать ее. И что ты сделал? Ты преподнес ее единственному человеку, который втянул ее во все это.

— Втянул ее? — спрашивает Мерк. — То есть, смотри, Ник. Я первый признаю, что у меня нет ни капли понимания, что вы, парни, делаете. Но мы были на одной стороне весь год. Так что лучше проработать проблемы в команде, чем разделяться.

Ник указывает на меня, но смотрит на Мерка.

— Она не в команде, Мерк. Но она полностью вовлечена в участие. И знаешь почему? — Теперь он смотрит на Джеймса. — Потому что этот придурок хочет использовать ее. Как он использует всех людей, которых вовлекает в свои схемы. А теперь и Харпер в ней. Разве твой отец ничему не научил тебя, Тет? Женщины и дети остаются дома.

— Ага, чтобы их можно было продать. Они — товар.

Ник даже кивает на эти слова.

— Да, может быть, я тогда и видел их так. Вложениями. Будущим. Можешь пристрелить меня.

— Встретимся на яхте, — произносит Джеймс.

— Она не на яхте, ты, мудака. Сколькими способами мне вбить это в тебя? Ты отправил ее обратно к человеку, которого она никогда не должна была больше видеть. Это равносильно тому, что ее больше нет. Если я не получу ее назад в течение недели, можно считать, что ее не будет.

— Так что? — вмешивается Мерк. — Давайте пойдем и вернем ее сейчас. Прошла только пара дней.

Глаза Ника горят, но теперь слова зловеще спокойны.

— Слишком поздно. Он уже отдал ее.

— Что? — спрашивает Джеймс, подрываясь на ноги. — О чем ты, мать твою, говоришь?

— В прошлом году на наш восемнадцатый день рождения? Оно было не одно.

— Что было не одно? — спрашивает Мерк, вскидывая руки в воздух. — Вы прекратите говорить сраным кодом? Колитесь!

Ник продолжительно смотрит на Джеймса.

— Он использовал тебя, старик. Все правильно, она была обещана со дня ее шестого

рождения. Но ее никогда не обещали тебе. И через несколько дней, когда нам исполнится девятнадцать, мой отец сдержит свое обещание.

— Где? — шипит Джеймс.

— В доме в Санта-Барбаре. Там будет крупная вечеринка. Ее обещание, Джеймс. Должен сказать тебе...

И на секунду, мне кажется, что он на самом деле скажет. Я, и правда, думаю, что Ник собирается сказать Джеймсу одну вещь, которую он должен знать, но о надобности которой и не подозревает. Джеймс тоже это чувствует. Здесь происходит изменение. Изменение из потенциальных последствий в наступившие.

Джеймс делает шаг вперед, но после доносится звук щелчка, и Джеймс исчезает. Падает. Или ранен. Пули решают дом. Я кричу и приседаю, и затем кто-то хватается за мою руку и тащит меня в заднюю часть дома.

Глава 9

Саша

— Саша, беги! — Ник выталкивает меня через черный ход, и мы бежим так быстро, что я падаю лицом вниз и качусь. Ник подхватывает меня и несет несколько шагов, затем ставит, и мы снова бежим. Никаких криков в этот раз, по крайней мере, на нас. Но позади звуки выстрелов все равно долетают залпом. Автомат не жалеет пуль.

Спустя несколько минут выстрелы прекращаются. Ник тянет меня вниз по гребню горы, где кое-где можно увидеть сосны, и мы оба скользим, потому что склон такой крутой, что мы похожи на «людей-оползней». Камни и куски грязи вылетают из-под наших сапог, когда мы прыгаем на землю и продолжаем бежать. Здесь нет деревьев, и мы с Ником бежим быстрее.

— Поторопись, Саш. Скорее, — подталкивает он меня.

Но шов у меня на боку такой болезненный, что мои жалкие попытки ухватить воздух приносят боль.

— Я не могу, Ник. Я не могу больше бежать.

Он игнорирует это и просто тянет меня за собой под покров сосен.

— Всего лишь немного быстрее, — пыхтит он, пока подталкивает меня под задницу вверх к стороне маленькой скалы. Он взбирается вслед за мной и снова берет меня за руку.

— Скорей, скорей, скорей. Нам нужно выбраться отсюда прежде, чем они придут искать.

— Кто?

Господи. Мое сердце бьется так быстро, что я думаю, могу умереть. В кармане вибрирует телефон.

— Ответь на звонок, — рывкает мне Ник. А затем останавливается и останавливает меня с собой, пока я по инерции двигаюсь вперед. — Дай мне свой телефон.

Я выдергиваю свою руку из его и качаю головой.

— Нет. Скажи мне, что происходит.

— Кто тебе звонит?

— Откуда мне, мать твою, знать?

— Посмотри, — рычит он мне в лицо. — Посмотри, кто это.

Я достаю телефон, и Ник вырывает его, нажимая кнопку «ответить».

— Мерк. Да, — рявкает он в телефон. Я едва ли могу разобрать слова, доносящиеся из трубки. Глаза Ника рыщут вокруг несколько секунд, а затем останавливаются на мне. — Понял. — На этом он заканчивает разговор и передает телефон мне. Он начинает двигаться к бугру, густо покрытому иголками сосен.

— И? — спрашиваю я.

— Джеймс мертв.

Мое сердце останавливается.

— *Не мертв.*

— Его нет, а в дом забрасывают гранаты. Он мертв.

— Нет, — твердо отвечаю я. — Нет. Он не может умереть.

Ник смотрит на что-то на склоне. Он издает рычание, а затем тянет. Целый бугор ускользает, и на мгновение я думаю, что у меня галлюцинации, прежде чем понимаю, что это покрывало, густо обложенное сосновыми иголками, которые лежат на нем, чтобы скрыть землю. Под ним находится мотоцикл.

— Ты спланировал это?

Он стреляет в меня взглядом.

— Я все планирую. Кроме того, что твой парень отдал назад мою сестру.

— Парень?

— Джеймс жутко привязался к тебе, Саш. И по тому, что я могу видеть, — Ник перекидывает ногу через байк, и вращает рукоять зажигания, чтобы завести его, — есть только два возможных варианта. Или ты ему нравишься, что было бы странно потому, что он говорит, что любит Харпер, хоть и продал ее моему отцу. Или ты ему для чего-то нужна, — Ник смотрит мне прямо в глаза. — Я вполне уверен, что он использует тебя. Хватай шлемы и садись на байк. Мы уезжаем.

Я поднимаю с земли шлемы, один передаю ему, а второй натягиваю на себя.

— Куда мы едем? — спрашиваю я, перекидывая ногу через байк.

— Улаживать дела, Саш. Чего бы это ни стоило, я собираюсь все уладить.

— А что с Мерком?

— Говорит, что выбрался.

Что?

Ник добавляет газу, и мы движемся вперед. Байк не приспособлен для езды не по дороге, но мы едем по грязи только мило, прежде чем появляется асфальтная дорога. Он не останавливается, чтобы сказать мне, куда мы едем. Он просто сворачивает на эту дорогу к межштатной трассе, и прежде чем я понимаю это, мы едем на запад.

И все, что я делаю следующие четыре часа, думаю о том, как моя жизнь снова изменилась.

Джеймс умер.

Глава 10

Саша

— Саш, — шепчет Ник в мое ухо.

Я отмахиваюсь от него и откатываюсь, все еще чувствуя себя очень сонной со

вчерашнего дня. Мы остановились в Рок-Спрингс, чтобы перехватить обед, потому что городов по дороге мало, и между ними большое расстояние, и к тому времени, как мы закончили, Ник захотел снять комнату на ночь.

— Саш, — шепчет он. — Проснись. Давай поедим и продолжим путь.

— Сколько времени?

— Немного за семь.

Я стону.

— Мы торопимся? — Тишина. Я открываю один глаз и смотрю на него. Он лежит рядом, прижавшись щекой к моей подушке. Его карие глаза прищурены, будто он сбит с толку. — Что?

— Прости за то, что я сказал вчера. Я не мыслил ясно.

Я просто пялюсь на него.

— Он может и не быть мертвым.

Я ничего не могу ответить, потому что если сделаю это, то начну плакать.

— Он не мертв. Это же Тет, черт подери. Хорошо? Он не мертв.

Но мы звонили Мерку прошлой ночью после того, как получили комнату, и Мерк не смог найти его.

— Я думаю, что он мертв, — наконец, произношу я.

Ник протяжно выдыхает.

— Мы пока в неведении, Саш. Но... даже если он мертв, он бы хотел, чтобы мы продолжили. Он бы хотел, чтобы Харпер была в безопасности. А теперь, исходя из того, что я знаю, что она снова с моим отцом, она не в безопасности, Саш. Я должен забрать ее. И получить сраную флешку.

Я перекачиваюсь по кровати и отворачиваюсь от него.

— Ты не должен был позволять Харпер хранить ее, если она такая важная.

— Ей было безопасней с ней, Саша. Она давала ей власть.

— Он почти убил ее, — я переворачиваюсь обратно. — Она была мертва. Джеймс спас ее, — снова отворачиваюсь. — Он спас и меня тоже, — бурчу я.

— Какая между вами двумя была сделка?

Я сажусь прямо и сбрасываю одеяло, потому что очевидно, что время сна закончилось.

— Что ты имеешь в виду?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я все еще полностью одета, так что скольжу ногами в сапоги и поправляю свой хвостик.

Ник встает с кровати, и когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, его хмурость еще более выраженная.

— Он был одержим тобой. Он угрожал мне. Почему он вел себя так? Как долго ты на самом деле знаешь его?

Теперь моя очередь прищуривать глаза.

— Неделю? Ты знаешь это, Ник. Мы говорили об этом до того, как ты пришел за мной. И много же добра это сделало — заставить меня держаться в стороне на протяжении трех гребаных месяцев.

— Следи за своим языком, — шипит Ник.

Я показываю ему средний палец и стреляю взглядом.

— Не командуй здесь. Я в очень плохом настроении.

— Я сказал, почему тебе нужно держаться в стороне. Адмирал послал тебя дожидаться

Тета, а когда Адмирал дает приказ, ты следуешь ему.

— Ага, но ты знал, когда Джеймс придет. Ты знал, что он был в округе Ориндж с Харпер. Так что объясни мне, почему мы не сняли комнату в отеле ближайшего города и не дождались его там?

Ник идет ко мне, улыбаясь. Я отступаю назад. Но он хватается за мои руки и притягивает ближе.

— Мы бы не смогли сделать этого, Саша. — Я ненавижу то, что он настолько больше меня. Я ненавижу то, что все больше меня. — Но, знаешь, ты мне нравишься. Ты мне нравишься, и я не думаю, что у меня бы получилось держать свои руки при себе, если бы мы отирались друг возле друга месяцами, — он смеется. — Я имею в виду в голове, я знаю, что ты слишком юна, но знаешь, мне всего восемнадцать.

Мои щеки пылают, и я не уверена, краснею ли я потому, что он сказал мне это, или напугана тем, что он думает обо мне в сексуальном плане.

— Чушь собачья, — наконец-то отвечаю я. — Ты знаешь, что не можешь прикасаться ко мне, пока мне не исполнится восемнадцать. Не думаю, что у тебя есть проблемы с самоконтролем. Думаю, что ты просто занят другими вещами и не хочешь, чтобы я знала о них.

— Мы ограничены рамками Организации, Саш. Мы можем создать наши собственные правила, какие захотим. И «да» последней части. Я занят целой кучей дерьма, о которой ты не захочешь узнать. Это жизнь. Ты — девочка. Я — парень. Ты должна быть сейчас в школе.

— Школе? — мне на это даже ответить нечего. — В каком, бл*дь, мире ты живешь? Я — ребенок Организации с мишенью на голове. В какой гребаной школе я должна быть?

— Язык, — шепчет он и кладет кончики пальцев мне на губы.

Через все мое тело проходит дрожь. Но я подавляю ее и, моргая, смотрю на него.

— Я не хотела бы ничего больше, чем вернуться в школу и вырасти как нормальный ребенок. Но если бы я сделала это, нас бы не пообещали друг другу.

Он цокает языком и усиливает свою хватку вокруг меня, пока я ерзаю, чтобы освободиться.

— Это то, чего ты хочешь?

— Я понятия не имею, чего хочу. Но чего я не хочу, так это того, чтобы ты говорил мне, как мне думать или что делать. Или предполагать, что я буду соглашаться с твоими планами каждую секунду. Я — половина этой команды, так что ожидаю, что ко мне будут относиться, как к партнеру.

Он наклоняется вниз, пока его теплое дыхание не прокатывается по моему уху.

— Мы партнеры, Саш. В каждом смысле этого слова. Ты была отдана мне, так что ты — моя. Но я мирюсь с этим притворным сильным сопротивлением, и ты понимаешь. Я делаю это, чтобы изменить будущее для всех детей Организации, которые появятся после нас. Так что, если ты думаешь, что я связан обещанием, которое твой отец дал под давлением, когда ты была рождена, ты ошибаешься. Мне не нужно обещание, чтобы взять жену. Я вполне способен жениться сам. Так что, — его рука скользит по моему затылку, и пальцы зарываются в волосы, посылая мурашки по всему телу, — давай забудем это обещание прямо сейчас и будем вместе, потому что мы нравимся друг другу.

Он улыбается, и я тупо пялюсь на него. Затем он смеется и отпускает мою голову. Его пальцы выскользывают из моих волос, проводя по чувствительной коже на голове, и исчезают.

— Саша Черлин, у меня есть кое-что крутое для тебя. Хочешь услышать, что это?

Я сглатываю.

— Это что-то хорошее?

Он кивает и улыбается.

— Ага. Иди и присядь.

Он проходит к кровати и садится, а затем хлопает по матрасу, чтобы я присоединилась к нему.

Сажусь, но не очень близко. Я даже не знаю, что происходит.

— Я болтался без дела в горах Вайоминга. Не очень далеко от озера Бигхорн. Ты ведь знаешь, да?

Я стреляю в него взглядом.

— Все знают, где озеро Бигхорн.

Он смеется.

— Так что я поднялся туда в горы и заблудился. Но там была дорога, так что я прошел по ней к вершине холма и знаешь, что там было?

Я качаю головой, пока пялюсь в его глаза. Он возбужден, пока рассказывает мне это, и это возбуждает и меня.

— Что там было?

— Священный Обруч, о котором ты говорила прошлым летом. Помнишь его?

В горле начинает покалывать, и глаза наполняются слезами.

— Я говорила о нем с Джеймсом всего несколько дней назад.

— Ха, — произносит Ник с улыбкой. — Я видел его. — Он смотрит на меня, а затем берет меня за плечи и падает на кровать, утягивая меня за собой. Мы вместе вздыхаем. — Он был весьма крутым. Ты полюбишь его, когда увидишь.

— Не увижу, — быстро отвечаю я. — Я не хочу ехать. — Он ничего не отвечает. Просто позволяет тишине повиснуть между нами, пока я не чувствую, что должна объяснить. — Мой папа собирался отвезти меня к нему этим летом. Я больше не хочу смотреть на него с кем-то еще.

— Хм-м. Понимаю, о чем ты. Я имею в виду, твой отец, скорее всего, был бы зол, если бы ты поехала без него, разве не так?

Я цокаю языком.

— Не начинай.

— Что? Это твое оправдание, да?

Я уставилась в потолок.

— Потому что я знаю, что твой отец был таким. Все время злился, что ты счастлива без него.

— Я знаю, что для тебя в этом нет смысла, но он есть для меня. Нет больше никого, с кем бы я хотела его увидеть.

Ник поворачивает голову в сторону.

— Саша, — произносит он. Я тоже поворачиваю свою, и наши лица всего лишь в дюймах друг от друга. — Я люблю тебя.

Я чувствую, как собираются мои слезы.

— Я люблю тебя и хочу самого лучшего для тебя. Я хочу, чтобы ты ходила в школу. И чтобы жила в доме. И никогда больше не брала в руки пистолет. Я хочу, чтобы ты носила платья и ходила на танцы. И чтобы у тебя были свидания с парнями, которые поведут тебя

есть гамбургеры. Я хочу, чтобы ты изучала динозавров, путешествовала по миру в поисках подсказок о прошлом, на которые всем остальным наплевать.

Он останавливается и сплывает. Будто ему нужно восстановить свое мужество. Еще одна слеза скатывается по моей щеке, пока его пальцы не перехватывают ее до того, как она стекает возле носа.

— И когда ты закончишь делать все это без меня, ты поймешь, что ты можешь любить больше, чем один раз за свою жизнь.

— Ты будешь там со мной, — выпаливаю я, пока слезы текут по лицу. — Ты — мое обещание.

Он качает головой.

— Больше нет никакого обещания. Тебе нужно забыть о нем. Нужно двигаться вперед и забыть об этом. И если бы твой отец был здесь, он бы сказал тебе повидать тот Священный Обруч.

— Мы можем поехать вместе, Ник. Мы можем подняться туда вместе, и ты можешь показать мне его.

Но он качает головой еще до того, как я заканчиваю.

— Я не вернусь.

— Я тоже не вернусь.

Он фыркает, от чего из его рта вылетает немного воздуха. Я не уверена, смех ли это или признак отказа.

— Ты голодная?

Я киваю.

— Что ты хочешь? — он пристально смотрит на меня. Смотрит в меня.

— Блинчики, — шепчу я.

— Значит, у тебя будут блинчики. Я пойду раздобуду их, а ты прими душ.

Затем он встает и походит к столу, чтобы взять ключи.

— Поднимайся, — выкрикивает он по пути к двери. — Я сейчас вернусь с едой.

Я залезаю в душ и позволяю горячей воде падать на меня. Я всего лишь споласкиваю волосы с кондиционером, когда слышу, как открывается и закрывается дверь комнаты. Я заканчиваю и выхожу из душа, крепко кутаясь в полотенце. Дверь открывается и закрывается снова, и я выглядываю из ванной.

— Ник?

В комнате никого нет.

— Ник?

Я выхожу и замечаю еду на столе. Она плотно обернута пластиковой пленкой, чтобы не остывала. Но то, что лежит рядом с едой, останавливает мое сердце.

Деньги.

Я подхожу и поднимаю их, пересчитывая в уме. Четыреста долларов. Под деньгами сложенный пополам листок бумаги, и хотя я не хочу поднимать его и читать записку, я знаю, что должна.

Руки дрожат, пока я читаю его слова:

Милая Саша,

Прости. Но ты и Харпер, вы двое, единственная причина, по которой я делаю это. И если бы я взял тебя с собой, я был бы таким же плохим, как твой отец. Я был бы таким же

плохим, как Джеймс. Я вернусь, не волнуйся. Я заплатил за комнату на две недели вперед, и я вернусь. Я найду тебе дом, Саша. Я клянусь. У тебя будет та жизнь, о которой я тебе говорил. Просто останься здесь. Не звони никому. Не уходи. Просто, пожалуйста, останься здесь, чтобы я знал, что ты в безопасности.

Я не могу быть твоим обещанием. Это неправильно. Но ты единственная девушка, которую я когда-либо хотел. Я надеюсь, ты это знаешь.

Ник.

Я беззвучно плачу, пока читаю ее снова и снова. Я так и не оделась. Просто упала на кровать в полотенце, пытаюсь смириться с тем, что происходит в моей жизни.

Мне тринадцать лет.

Я бездомная.

Моя семья — мертва.

Джеймс тоже может быть мертв.

У Харпер большие неприятности.

Мое обещание меня бросило.

Может стать еще хуже?

Я не имею понятия, сколько лежу здесь прежде, чем встаю, выуживаю телефон из кармана и звоню Мерку.

— Да, — произносит он после первого гудка.

— Мне нужно, чтобы ты приехал и забрал меня.

— Я еду в Джексон. Черт, я вышел. Вам с Ником придется разгребать все это самим. Я знаю, когда обрезать концы.

— Ник бросил меня в отеле в Рок-Спрингс. Он сам собирается спасти Харпер и получить флешку обратно. Как ты можешь выйти из игры? У тебя вторая половина файлов.

Он молчит несколько мгновений, а потом продолжительно выдыхает.

— Если я приеду тебя забрать, мы направимся в мой дом в Джексоне.

— Нет, — твердо отвечаю я. — Мы направимся в Санта-Барбару, где, Ник думает, они держат Харпер. Ты должен мне, Мерк. И это то, чего я хочу. Я хочу поехать в Санта-Барбару и помочь Нику.

— Ребенок, нам нужна будет армия, чтобы помочь Нику. Они чертовски серьезны в намерениях убить нас, и встретиться с ними на их территории — самая тупая идея, которая приходила Нику в голову за последнее время.

— Мне плевать. Я в игре, Мерк. У меня очень мало хороших вещей в жизни, чтобы не держаться за них. Джеймс, Харпер и Ник — почти все, что у меня есть. И я не позволю ему разбираться с этим дерьмом в одиночку. Ясно? Так что забери меня.

На другом конце трубки не доносится ничего, кроме тишины. Затем Мерк бурчит.

— Бл*дь. Я примерно в двух часах. Где ты, черт возьми?

Я говорю ему название отеля, затем кладу трубку и одеваюсь. Я ем блинчики, который принес Ник, но мне приходится запихивать их в себя. Затем сую деньги в карман вместе в ключами от комнаты и сижу перед окном, пока Мерк не паркуется на стоянке.

Выхожу за дверь и взбираюсь на пассажирское сидение. Мерк вытягивает сигарету и поджигает ее, выдувая кольца дыма в окно, пока мы едем назад на шоссе.

— Ты знаешь, где находится это место в Санта-Барбаре? Потому что я нет.

Я вздыхаю.

— Мне не стоило бы знать. Но я знаю.

Мерк смеется.

— Это история твоей жизни, ребенок.

Разве это не правда?

— Говоришь, нам нужна армия? — Я смотрю на него, но он пялится прямо на дорогу. — Я знаю, где мы можем раздобыть армию.

— Держу пари.

И затем он опускает очки на глаза и включает музыку.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Глава 11

Харпер

Раскачивание корабля вырывает меня из дремоты.

Я дома.

Эта мысль рикошетит у меня в голове, прежде чем я вспоминаю, что это — не дом. Я на яхте моего отца. Не открываю глаза и не прекращаю тяжело дышать. Вместо этого продолжительно и сонно выдыхаю, переворачиваясь. Приоткрываю один глаз, чтобы убедиться, что я одна в комнате.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает мой отец.

Не одна.

— Он теряет действие, Харпер. Врач ввел тебе препарат, чтобы вывести его действие. Надеюсь, ты понимаешь, что мы накачали тебя только для того, чтобы Тет мог спокойно уйти. Но ты начинала бороться последние несколько раз, когда мы очищали тебя от него...

Последние *несколько* раз?

— ...и поскольку ты известна тем, что принимаешь поспешные и опасные решения, нам пришлось утихомирить тебя.

Хорошо. Поскольку больше нет смысла притворяться спящей, я открываю оба глаза. Он пялится на меня и выглядит встревоженным, а затем улыбается.

Ненавижу признавать то, что это успокаивает. Он — мой отец. Тяжело отключить это чувство.

— Как ты себя чувствуешь? — снова спрашивает он. — Нормально? — Его улыбка заставляет уголки моего рта дернуться. У меня красивый отец, даже если ему пятьдесят один год. Его волосы — не седые, а все еще темные и густые. Хотя его костюм — серый. Когда я была маленькой, я всегда любила прикасаться к его волосам. — Харпер, ответь мне.

Выдерживаю паузу в несколько секунд, а затем киваю.

— Я нормально.

Его улыбка становится шире, и у меня появляется теплое чувство, которое я не сразу понимаю. То есть, кто этот мужчина? Как он может называть себя моим отцом, если является частью Организации, а все они хотят выдать меня замуж.

— Через час у нас ужин. Я попросил приготовить твое любимое блюдо в честь твоего возвращения домой.

Я не знаю, что на это ответить, поэтому отворачиваюсь.

— Харпер, — сурово произносит он, так что я снова фокусируюсь на нем. — Я рад, что ты дома.

На это я тоже не знаю, что ответить.

— Ты хоть скучала по мне?

Почему он спрашивает у меня такие вещи?

— Потому что этот корабль не является прежним, когда на нем нет вас двоих.

Я поднимаю взгляд на него.

— Ник здесь?

— Нет.

Я отворачиваюсь.

— Он скрывается. Но как только услышит, что ты вернулась, он придет за тобой, Харпер. Я знаю, что придет.

— Так меня поймали в ловушку, чтобы заманить его?

— Ради всего святого, почему ты думаешь, что я пытаюсь поймать его? Теперь он взрослый мужчина. Он может делать то, что ему захочется. Признаю, он испоганил мои планы на вас обоих. Но я не полностью недоволен этим.

Я снова смотрю на него.

— Разве?

— Почему мне быть несчастным от того, что тебя не отдали в твой день рождения, Харпер? Я люблю тебя. Я, может, и не идеальный отец, но находился рядом с тобой больше, чем другие родители в этом мире. Я занимался своими делами на корабле, чтобы оставаться рядом с тобой. Я на самом деле не понимаю, откуда происходит это недоверие.

— Ты обещал меня кому-то.

— Мне пришлось. Так востребовано. Вот почему я рад, что этого не произошло.

— Джеймс сказал мне, что ты обещал меня ему.

— Тет ошибся.

— Хотя я помню его. С вечеринки по поводу моего шестилетия.

— Он сказал «нет», Харпер. Я дал ему возможность, и он ответил «нет». Для меня это был конец.

— Но ты посылал за ним каждый год.

Это заставляет его колебаться.

— Тет рассказал тебе это?

— Это мне рассказал Джеймс.

Отец втягивает воздух через стиснутые зубы.

— Это будет большой ошибкой, Харпер — перепутать их. Джеймс — не Тет, а Тет — не Джеймс.

От его комментария я начинаю чувствовать тошноту.

— О чем ты говоришь?

— Он сумасшедший. И является таким уже долгое время. Годы.

— Тогда почему он до сих пор работает?

Отец улыбается, будто чувствует сожаление ко мне.

— Давай наверстаем разговоры за ужином. Ладно? Ты можешь сесть?

— Уверена, что могу.

— Я бы хотел, чтобы ты села, так смогу убедиться, что у тебя не кружится голова.

Я выпускаю весь воздух из легких и ерзаю, поднимаясь на руки. Я чувствую

головокружение, так что закрываю глаза и ощущаю его крепкую руку на своем плече.

— Я в порядке, — отвечаю я. Только что-то вдавливается в мою задницу, так что я тянусь к ней и вытаскиваю телефон из кармана.

Смотрю на отца и жду, пока он его заберет.

Он пожимает плечами:

— Ты взрослая женщина и не пленница здесь, Харпер. Если это твой телефон, можешь запросто им пользоваться, — несколько секунд он позволяет словам впитаться в меня, затем кивает и уходит в сторону двери каюты. — Один час, Харп. Умойся и оденься прилично, пожалуйста.

После он и доктор уходят, закрывая за собой дверь.

Я снова вздыхаю, осматриваясь. Моя прежняя комната. Моя любимая яхта. Парусное судно.

Почему он так мил? Не то чтобы мой отец когда-либо поднимал на меня руку, но я отравила тринадцать человек, когда исчезла. Сбежала без объяснений.

Правда в том, что он никогда не обращал внимания. Он никогда не был таким любящим. Но все это действие кажется... *тревожным*.

Это по-настоящему? Возможно ли, что Ник ввел меня в заблуждение о том, что мы были в опасности по необоснованным причинам?

Стоило ли мне начать сомневаться в доверии к своему близнецу?

У меня нет сил на это. Наркотик, может, и выветривается, но моя голова не работает так, как надо. Меня подташнивает. И легкое раскачивание яхты не помогает.

Я смотрю вниз на телефон и нажимаю маленькую кнопку, чтобы включить его. Там есть сообщение от Джеймса.

Я нервно оглядываюсь. Не могу поверить, что мой отец вот так просто позволил мне получать сообщения. То есть, я не понимаю. Он сказал, что я не пленница, но вы не накачиваете кого-то наркотиками, чтобы погрузить на свой корабль, если только не похищаете.

Но снова-таки... он мой отец, а это место... является... было... может, до сих пор есть... мой дом. Это все еще похищение?

Я открываю сообщение и читаю:

«Извини».

Могу поспорить, что так и есть. Придурок. Я хочу поговорить с ним, но не сейчас. Мне нужно пообедать, очистить голову и начать мыслить трезво. Мне нужно понять, что происходит.

Я свешиваю ноги с края койки, встаю и, спотыкаясь весь путь, иду к головной части моей каюты. Я отвыкла от плавания на корабле, так что потеря моего умения ходить при морской качке пугает и воодушевляет одновременно.

Пугает потому, что это было всей моей жизнью до того, как я сбежала. Море. Корабль. Паруса. Я не хочу терять эту часть меня. Это то, кто я такая.

Но меня воодушевляет то, что я так долго была вдалеке от этого. Жила на пляже. Видела мир с другого ракурса. Жила по-своему.

Это вызывает у меня улыбку. И да, во многом из этого у меня ничего не получалось. Но я пыталась.

Меня воодушевляет то, что я повстречала Джеймса и занялась сексом. Если мой отец узнает об этом, я не уверена, что он сделает. Не думаю, что Джеймса отправили, чтобы трахнуть меня.

Я на самом деле хочу поговорить с ним. Но мне нужно правильно разыграть свои карты. Я чувствую, что я — часть игры. Шахматная фигура. Карта, которую удерживают или выбрасывают. Но я не совсем уверена.

Я с точностью знаю одну вещь. У каждого действия есть последствие. Я не могу позволить себе испортить это.

Так что, ужин. Уже поздно, я знаю это. Потому что когда я смотрю в окошко, я не вижу ничего, кроме черноты. Корабль немного пошатывается, но я не чувствую, будто мы движемся, так что, вероятно, мы стоим в порту.

Ладно. Мне нужно одеться и подняться на палубу для ужина.

Иду к своему шкафу и открываю его. Узнаю насколько вещей. Купальник. Шлепки. Пляжная сумка. Но помимо этого, платья. Новые. Шесть. По одному на каждый день недели. Вот как это всегда было. У нас никогда не было ужинов по воскресеньям, так что мне никогда не нужно было седьмое платье. Установился, своего рода, стандарт того, сколько наборов одежды мне нужно. У меня шесть пар шорт, аккуратно сложенных на полке. Шесть маек на полке сверху. Помимо шлепок, есть две пары туфель. Одна — парадная, вторая — повседневная.

Джеймс спросил меня, баловали ли меня. Я ответила «да». Но только из-за того, в каких условиях я выросла. Не то чтобы у меня было много всего. У меня никогда не было избытка вещей. На корабле, пусть даже такого размера, не было места для коллекций.

Мы ходили по магазинам шесть раз в год. Каждые два месяца. И в каждую поездку покупки делались для меня. Шесть того, шесть этого. Шесть, шесть, шесть. Моя жизнь всегда вертелась вокруг шести.

Как странно.

То есть, в неделе семь дней. Почему не семь нарядов?

Я отталкиваю вешалки в сторону, чтобы иметь возможность посмотреть на каждый вариант, а затем я выбираю платье светло-желтого солнечного цвета, с верхом, сделанным под бежевый вязаный свитер, который едва ли прикрывает плечи.

Я скольжу ногами в красивые сандалии. Никаких каблуков. *«Только это может быть практично для молодой леди на яхте»*, — объясняла мне няня причину того, почему я не могла иметь каблуки на обуви. А затем я посмотрела на себя в зеркало в шкафу.

Я понятия не имела, кем была эта девушка.

Она — не Харпер Тейт, которая покинула это место год назад. Та девушка сбежала и сменила имя. И сама сняла квартиру в Хантингтон-Бич. И позволила мужчине трахнуть ее рот в коридоре.

Та девушка была девственницей, а эта — нет.

Боже, я скучаю по Джеймсу. Всепоглощающая острая булавка колет меня в грудь. Не физической болью. А той, которая скручивает мой разум, и которую можно описать только лишь как... разбитое сердце.

Предал ли меня Джеймс?

Оставил здесь, чтобы я защищалась в одиночку? Или он вернется за мной, как и обещал?

Это единственная вещь, за которую я могу держаться в данный момент. Он сказал мне это перед уходом, так что я запомнила.

Он вернется за мной.

Мне просто нужно побыть терпеливой.

Но я даже не знаю, сколько времени я была в отключке. По урчанию в моем животе и по желанию пописать, могу сказать, что прошло немало времени.

Телефон покоится на койке, где я и оставила его. Я так сильно хочу написать или позвонить Джеймсу.

Просто будь терпеливой, Харпер. Посмотри, в чем замешан твой отец. Потому что что-то здесь готовится. Что-то готовится, и мне нужно знать что, до того, как принимать решения.

Я делаю глубокий вдох и закрываю дверь шкафа. Ладно, это просто ужин. Ради Бога, это же мой отец. Я ужинала с ним столько, сколько себя помню.

По факту, все чувствуется по-старому.

Почти уютно.

Будто я не травила тринадцать человек ядом год назад, не крала шлюпку и не садилась на самолет в Лос-Анджелес, чтобы начать новую жизнь.

Чувствуется... будто этого никогда не было.

Чувствуется... будто меня простили.

Или, может... чувствуется, будто миссия завершена, и меня весело приветствуют дома.

Я спокойно иду по коридору и поднимаюсь по трапу, который ведет меня на главную палубу, затем поворачиваю за угол и взбираюсь наверх пока не чувствую прохладный морской бриз летней ночи.

Да. *Это* мой дом. Море пробуждает знакомые ощущения безопасности и комфорта.

Слышу, как отец разговаривает с персоналом в столовой на верхней палубе, и его голос звучит расслаблено и спокойно. А почему бы и нет? Он здесь один все полностью контролирует. Я выглядываю на огни округа Ориндж. Залив — занятное место, так что здесь есть много на что посмотреть. Я бы хотела оказаться там. Как бы я ни любила этот корабль, я пришла сюда не по собственной воле. Так что независимо от того, что говорит мой отец, я — *пленница*.

Столовая зона на верхней палубе на самом деле построена для того, чтобы устраивать там вечеринки. По факту, так она и называется на карте корабля, которая висит в обычной столовой палубой ниже. Палуба для вечеринок.

Зона открыта с трех сторон, наполовину ограждена стенами, чтобы создать впечатление комнаты и потолка с едва уловимым соответствующим освещением. Гостиная зона может вместить пятнадцать человек. Здесь есть камин, два дивана, набор стульев, журнальный столик и бар в стороне. Мебель — удобная и современная, но сделана так, чтобы не поддаваться стихиям. Соленому морю и палящему солнцу.

С другой стороны гостиной зоны стоит обеденный стол. Во главе стола и с противоположной стороны стульев нет. Там стоят маленькие кушетки, похожие на скамейки. Отец сидит на одной из них со стороны порта, пока мое место пустует справа.

— А, — произносит он и поднимается, кладя салфетку на стол, пока машет мне пройти к своему месту. — Ты выглядишь лучше. Как ты себя чувствуешь, Харпер?

— Хорошо, — я не собираюсь отвечать ему так поспешно. Вообще-то, я думаю, что разговаривать с ним — плохая идея, пока не разберусь что к чему.

Когда отец задает вам вопрос, вы вежливо на него отвечаете. И это именно то, что я сделала.

Я прохожу к месту, подготовленному для меня, и жду, пока персонал отодвинет для меня стул.

Я не узнаю своего обслуживающего, и мой отец, наверное, замечает, что мне интересно, кто это, потому что он говорит:

— Дэвис... больше не с нами.

— Оу. — Это значит, что он уволился? Или это значит, что я убила его с остальными, когда отравила воду прошлым летом?

Я не задаю вопросов, а он не предлагает. Но я знаю, что правильный вариант — последний.

Тяжело сглатываю, когда до меня доходит. Дэвис был частью моей жизни с момента моего рождения. Я — ужасный человек. Ужасный, плохой человек.

Я отталкиваю эту мысль и поднимаю салфетку, кладя ее на колени, как леди, которой являюсь. У меня безукоризненные манеры по части формальных приемов.

Официанты появляются с водой и ставят одну бутылку передо мной.

Я смотрю на своего отца, и он улыбается.

— Лишняя осторожность не помешает.

Я просто пялюсь на него в ответ.

— Ты уже позвонила Джеймсу?

Я качаю головой.

— Нет, сэр.

— Почему? — спрашивает он, пока передает пустой стакан, чтобы официант налил туда воду, а затем принимает напиток. Он предпочитает виски. Хороший крепкий американский виски. Это смешно, если вы спросите меня. Потому что он очень дешевый. Вы бы подумали, что мужчина, обладающий всеми деньгами мира, мог отдать предпочтение скотчу или бренди. Разве не это пьют благородные мужчины на яхтах в книгах?

— Мне нечего ему сказать, — шепчу я.

Официант приносит мне салат.

Огородная зелень — именно то, что приятно на вкус, и не горчит. Горькие листья отец забирает себе. Так он, правда, заказал это блюдо для меня. Почему?

Я поднимаю вилку для салата и начинаю есть.

— Харпер? — зовет отец, как только я кусаю, заставляя меня схватить салфетку и поспешно проглотить еду, чтобы я могла ответить.

— Да?

— Он прикасался к тебе?

— Кто? — спрашиваю я, пораженная его желчи и разозленная его вмешательством.

— Тет.

— Конечно, прикасался.

Мой отец пристально смотрит на меня. Наверное, он не уверен, что я имела в виду. Но мне плевать. Если он хочет знать, трахалась ли я с Джеймсом, пусть возьмет и спросит. Я снова кладу салат в рот и жду его реакцию.

Он удивляет меня, опуская взгляд вниз на свою еду и прекращая этот разговор.

Один-ноль в пользу Харпер. Потому что я не лгала. И бонусные очки мне за то, что заставила Адмирала поморщиться. Пусть даже не нарочно.

— Так... расскажи мне о своей жизни.

— Своей жизни? — вторю я, словно сбитая с толку. Но это не так. По крайней мере, не

этим вопросом. Меня сбивает с толку, что он на самом деле задумал. — По большей мере, она была весьма скучной. Я почти не выходила из дома.

— Это не то, что я слышал. Мне говорили, ты выходила каждое утро и вечер, чтобы позаниматься на пляже.

— Джеймс рассказал тебе этом?

— Нет. Номер Один.

Я бросаю вилку.

— Ты имеешь в виду парня, который накачал меня наркотиком?

— Да. Он не всегда не подчинялся. Он был моим лучшим наемником, пока Тет не вывел его из дела.

— Очевидно, что Джеймс не вывел его.

— Очевидно, Джеймс ничего не сделал. Я говорил тебе, не путайся с ним, — отец прожевывает пищу, а затем глотает. — Тет в полном беспорядке.

— Хммм.

Отец снисходительно улыбается, будто причины этого выходят за рамки моего понимания.

— Дай угадаю. Тет накормил тебя старой байкой об убийстве матерей и бездействии отцов.

Я просто пялюсь на свою тарелку, пока вожу зеленым листком по кругу.

— Он сумасшедший, Харпер. Уже давно. Он убил сотни людей Организации. И на самом деле, — произносит мой отец, останавливаясь и вытирая рот салфеткой, жестикулируя персоналу убрать его тарелку с салатом, — цифра намного выше, и может достигать тысяч.

— Я не верю тебе, — шепчу я.

— Я в этом уверен. Невероятно, что один безумный человек мог стать причиной стольких смертей и разрушений. Но он стал. Он был лучшим, кто у нас был. А знаешь почему, Харпер? — Отец не ждет моего ответа. — Потому что с самого его детства его заставляли не обращать внимания на людей. Заставляли врать и обманывать. Заставляли получать все, что ему было нужно любым способом, которым он мог. И он до сих пор жив только потому, что выучил урок лучше, чем кто-либо другой. Ты думаешь, я не пытался?

— Что пытался? — Я просто смотрю на отца, неуверенная, признал ли он только что на самом деле, что пытался убить Джеймса, или улучшить его.

— Но сейчас он стал послушной собачкой. Ищет для меня флешку. Хочет отомстить номеру Один. Она у него. Я хочу ее. Тет — идеальный для этой работы. И, — добавляет мой отец с ухмылкой, — это заставило его соблюсти сделку со мной, чтобы доставить тебя.

— Ты лжешь.

— Не лгу. Он согласился найти тебя и привезти обратно после того, как ты показала ему флешку. Но Один... — отец качает головой. А затем внезапно разражается смехом. Грубый хохот отражается от потолка. — Хочешь знать самую смешную часть этого?

Я подумываю, что не хочу, но отец явно не обращает внимания на то, чего я хочу.

— Самое смешное то, что за последние несколько лет я посылал всех своих наемных убийц убить Тета.

Он пялится на меня, улыбаясь, пока я обдумываю это несколько секунд.

— Не сработало, — произношу я, и мои слова настолько же неожиданные, как и его смех. — Он рассказывал мне... он сказал, что убил их всех.

— Всех, кроме одного.

— Номера Один?

— Нет, Харпер. Он *думал*, что убил номера Один, но у того были другие планы. Даже если Один и провел его, Тет все равно думает, что очко было зачтено ему. Нет, миссия так и не была завершена с номером *Ноль*.

— Я не знаю все их номера, — произношу я, будто мы говорим о делах насущных или погоде, а не о людях, которые по команде убивают других.

— Конечно, нет. Но ты с ней встречалась. Видела, как он прикончил ее пару часов назад.

Мой желудок бурчит, пока я в ужасе пялюсь на отца.

Саша.

Как я могла забыть, что Джеймс стрелял в Сашу?

И пока я думаю, корабль начинает двигаться.

— Мы уезжаем?

— Ты правда забыла? — спрашивает отец, игнорируя мой вопрос.

Мое дыхание ускоряется, и я чувствую знакомый трепет в сердце. Пот начинает собираться над бровью, и мне приходится закрыть глаза и сделать глубокий вдох, чтобы остановить цепную реакцию.

Крепкая рука опускается на мое плечо.

— Мне жаль. Я думал, ты играешь в игры. Я не понимал, что ты не помнила. Она была твоим другом?

Он передает мне бутылку воды, и я откручиваю крышку, пока пластиковая пробка не рвется, чтобы я могла сделать глоток.

— Я не знаю, почему Тет не убил ее, как был приказано. Я не понимаю, почему малышка не закончила свою работу, на которую я ее отправил. У нее был эффект неожиданности, и она очень хорошо себя вела, когда я отправил наемников убить ее бабушку с дедушкой. Единственное, что я могу предположить, они играют друг с другом. Ты знаешь, что они делают, Харпер?

Я глотаю воду и смотрю на возвышающегося надо мной отца. Он пугает меня. Впервые в своей жизни он меня пугает.

— Я не знаю.

— Нам нужно ехать, — произносит он, наконец-то отвечая на мой вопрос о корабле. — Ее тело не было найдено, и его не вынесло на берег. Но мы больше не можем рисковать поиском. Так что лучше выбраться в международные воды на случай, если местные власти начнут задавать вопросы, — он ставит на стол баночку с таблетками. Оранжевая баночка с белой крышкой того же размера и формы, как и все те, которые он давал мне годами.

— Я не буду их принимать, — произношу я и тут же беру себя в руки.

— Нет? — Он проходит назад к своему месту как раз тогда, когда официант ставит перед ним прикрытое крышкой блюдо. Передо мной ставится такое же, и двое официантов, поднимая серебряные крышки, открывают содержимое в виде стейка из акульего мяса, плова и двух ломтиков лайма. — Ты говорила это прежде, милая. Но ты знаешь, что таблетки помогают. Зачем отказывать себе?

Я смотрю на него во все глаза. *Отказывать себе?* Необычный способ, чтобы донести это.

— Я не стану заставлять тебя что-либо делать, Харпер. Теперь ты взрослая женщина. Я

уже говорил, ты — не пленница.

— Значит, отпусти меня.

— Мы движемся в море.

— У нас есть шлюпка.

— Да, но ее нужно починить. Поэтому Тету пришлось нанять лодку, чтобы доставить тебя на корабль.

Я прекращаю слушать, и вместо этого обращаю свое внимание на еду. Я умираю с голоду, и нет ни единого способа на земле, с помощью которого я смогла бы сопротивляться еде. Я не знаю, сколько дней не ела, но точно несколько, судя по боли у меня в животе. Я разрезаю нежный стейк из акульего мяса и собираюсь положить его на язык. Помимо одного обеда с Джеймсом, я не наслаждалась хорошей едой с тех пор, как покинула дом.

— Так что, — продолжает отец, — теперь, когда ты в безопасности, а Тет ищет твоего брата, чтобы он мог отдать мне флешку, я бы хотел сделать тебе предложение.

Я перестаю жевать и просто пялюсь на тарелку. И после собираю волю в кулак и проглатываю:

— Какого рода предложение?

— Твое обещание.

Я поднимаю голову, а отец цокает языком.

— Нет, Харпер. Милая. Ты обещана не Тету. Пожалуйста, имей в меня больше веры. Зачем мне отдавать тебя помешавшемуся убийце?

Понятия не имею.

— Тогда кому?

— Тому, кого нет сегодня на корабле. Он — секрет. Секрет настолько могущественный, что это всколыхнет Организацию в корне. Видишь ли, Харпер, независимо от того, что думает большинство людей, я не глава Организации. Я просто удобная фигура, на которой могут сфокусироваться наши враги, когда им нужна месть. Я... отвлечение. Настоящая *власть* принадлежит кое-кому другому.

— Кому?

— Увидишь.

— Как ты думаешь, что сделает Джеймс, когда выяснит? И что если я предпочту Джеймса этому... новому человеку?

— Харпер, я знаю, ты думаешь, что я хочу подобраться к тебе, но я хочу лишь твоей безопасности.

— Такой же, как и для моей матери?

Выражение его лица тут же становится суровым.

— Не упоминай ее больше.

— Почему? Потому что ты позволил ее убить?

Он бьет кулаком по столу, и все приборы подпрыгивают. Я тоже подскакиваю и ловлю себя на том, что пячусь от стола, готовая сорваться с места. Но затем понимаю, что я на гребаном корабле. Отсюда нет выхода.

— Ужин закончен, — затем он встает и делает несколько шагов, прежде чем повернуться. — Не забывай о своих таблетках, Харпер. Чем глубже ты копаешь и чем больше хочешь знать, тем больше тебе захочется их принять.

Харпер

— Я не закончила, — говорю я официанту, который подходит забрать мою тарелку. Будь я проклята, если меня отправят в свою каюту, как ребенка, да еще и голодного. — Принесите мне десерт, а после оставьте, чтобы я спокойно поела.

— Да, мэм, — произносит официант, стоящий ко мне ближе всех, а затем кивком сигнализирует своему коллеге уйти прочь.

Я съедаю каждый кусочек своего акульего стейка, большую часть риса и десерт — яблочный пирог с мороженым.

Продолжительно выдыхаю.

Ладно. Мой отец так и остался мерзавцем, и у него все еще есть власть. Я до сих пор торчу на корабле и не имею понятия, что он делает или куда направляется. Но... я должна подумать про «но», потому что сейчас мне нужно одно. Мне нужна внутренняя уверенность, что это еще не конец.

Но я не та слабая, напуганная девочка, которая покинула этот корабль в прошлом году. Я изменилась. Я не верю и в половину того, что он говорит о Джеймсе. Я понимаю, что Джеймс не может быть полностью в здравом уме. Он ответственен за столь большое количество зверств, что тяжело сопротивляться тому, чтобы это на тебя не повлияло.

Но Джеймс был нормальным и на сто процентов держал себя под контролем, когда мы были вместе. Разве это не все, что имеет значение? Он не колебался и не был сбит с толку. И даже если что-то из этого бреда о его психическом состоянии правда, имеет ли это значение, если не влияет на его повседневную жизнь?

Но, Харпер, — подает голос рациональная сторона меня. — Ты была с ним несколько дней. Ты видела лишь маленький кусочек того, какой он.

Правда. Но он всегда думал о нас.

Кроме того, что он убил Сашу.

Это заставляет меня вытереть рот салфеткой, чтобы подавить свой шок.

Как? Как он мог сделать это? Мы были вместе лишь короткое время, но мы были словно семья. Зачем ему беспокоиться о ней, если его заданием было выстрелить в нее и прикончить? Я не понимаю этого.

Боже, как бы я хотела иметь друга, с которым можно поговорить.

Мои мысли тут же возвращаются к телефону. Я так сильно хочу написать ему.

Я встаю и иду назад в свою каюту, чтобы переодеться. Телефон до сих пор там. Прямо там, где я его оставила. Поднимаю его и нахожу сообщение.

«Извини».

Я не могу удержать себя от обратного ответа.

«Зачем? Просто скажи мне, зачем ты делаешь все это?»

Нажимаю «отправить» и смотрю на маленькую зеленую решетку, пока телефон пытается отправить мое сообщение. Ничего не удается, и иконка сообщения исчезает. Проклятье. Я набираю номер Джеймса и переписываю сообщение, снова нажимая

«отправить». Я повторяю процесс и нажимаю ту же кнопку несколько раз, прежде чем понимаю, что мы далеко в море и мой телефон не работает.

— Один-один, очко в пользу отца, — бурчу я, бросая телефон на кровать.

Но я не собираюсь сидеть в каюте и киснуть, это уж точно. Поэтому надеваю чистые шорты и майку, скольжу в шлепки и поднимаюсь на верхнюю палубу. Когда добираюсь до зоны для вечеринок, плюхаюсь на один из диванов и подгибаю под себя ногу.

— *Господи Боже, Харпер, какого хера происходит?*

— Я не имел понятия, что у тебя настолько грязный ротик. Твой отец не упоминал об этом.

Я встаю, так что могу посмотреть через стол. Туда, откуда звучал незнакомый голос.

— Что, простите? — я не вижу ничего кроме пустой палубы и черного неба.

— Прости, — произносит мужчина, вставая из ванны на другой стороне палубы. Крепкие мышцы на его груди покрыты струйками воды, когда он выходит, а затем улыбается мне. Он хватает одно из больших белых полотенец с монограммой названия корабля, проводит им по лицу и груди и отбрасывает в сторону.

Я потеряла рассудок. Сердце разбивается и останавливается. Мне срочно нужно сесть, потому что я знаю, что сейчас потеряю сознание. Сильные руки подхватывают меня прежде, чем я могу упасть, я кладут меня на подушки на диване.

— Прости. Я не ожидал увидеть тебя так рано после ужина. Не так я планировал встретиться.

Я сажусь, потому что чувствую, что задыхаюсь. Его прикосновение посылает мороз по спине, и я поднимаю руки, чтобы оттолкнуть его.

Я храбро встречаюсь с ним взглядом, и голова кружится.

— Джеймс? — Я знаю, что это не он, но не могу перестать спрашивать. — Джеймс? Это ты?

Мужчина, который выглядит, как Джеймс, но точно им не является, качает головой.

— Нет, солнышко. Я — Винсент, — он улыбается мне, и в его зеленых глазах пляшут искорки, от которых у меня снова перехватывает дыхание. — Контроль.

Глава 13

Харпер

— Я не понимаю, — я все еще тяжело и сбивчиво дышу, а он все также прикасается ко мне. Страхиваю его руку и отталкиваю. — Я не понимаю.

Человек с внешностью Джеймса вздыхает.

— Ладно. Позволь начать сначала. В научном эксперименте у тебя есть три переменные. Есть продукт, реагент и контроль.

— Что?

— Мне говорили, что ты быстро схватываешь.

Я прищуриваюсь. О чем, мать его, он говорит?

— Ладно. Продукт — это...

— Я знаю, что такое сраный контроль. А вот чего я не знаю, — шиплю я, — это почему ты выглядишь как *Джеймс*.

Он тянется ко мне, и я пыхчу назад, пока не упираюсь в подушки дивана. Кончиками

пальцев он касается моей щеки и проводит костяшками пальцев под подбородком, нежно поднимая его вверх.

— Успокойся ради меня, пожалуйста. И я объясню.

— Я спокойная, — отвечаю, все еще кипя от злости.

Он улыбается и опускает руку.

— Джеймс — мой брат.

— Он никогда не говорил, что у него есть близнец.

— Он не знает, что у него есть близнец.

— Я не понимаю.

— Харпер, облегчи мне задачу. Ладно? — он делает паузу, будто я должна согласиться с ним. — Я не ожидал увидеть тебя сегодня. Твой отец сказал...

Мой отец *знал* об этом.

— ...что ты пойдешь к себе после ужина. Так что я воспользовался возможностью отдохнуть. Я живу в стрессовом мире, как и ты, я уверен. И я не испытываю возбуждения от того, что веду с тобой этот разговор. Я не чувствовал это место своим. Твой отец все прояснил в прошлом году...

О, боже мой. О чем он говорит?

— ...но поскольку ты уже увидела меня, думаю, что должен сделать все лучшим образом.

Я встаю, качая головой.

— Нет.

— Сядь на место, Харпер.

— Нет, — снова произношу я, делая шаг от дивана. Он остается там, где и был, так что я отхожу в дальнюю сторону гостиной зоны. — Я знаю, что ты собираешься сказать, но я тебе не верю.

— Это правда, Харпер. Я твое обещание, а не Джеймс.

— Нет. Я принадлежу ему. Он так сказал.

— У Джеймса галлюцинации. Кроме того, я не вижу тебя, как собственность, так что мне не очень нравится, что он заставил тебя поверить в то, что ты одна из его вещей.

— Кто ты, бл*дь, такой?

— Винсент. Финичи, — отвечает он очень медленно, будто я не способна понять, что происходит.

Но я понимаю. Я просто не хочу верить в это.

— Мы с Джеймсом близнецы. Когда нам исполнилось шестнадцать, нас привезли на остров, чтобы встретиться с тобой. Не вместе, конечно же. Нас разделили вскоре после того, как нам исполнилось по два года.

— Я не видела тебя там.

Он давится смешком.

— Конечно, видела, дорогая. Мы провели день вместе. Я видел, как ты задула свечи. Отдал тебе подарок перед тем, как уйти. Несколько цветных карандашей, чтобы ты могла рисовать в блокноте, который подарил тебе Джеймс.

Мне пришлось опереться на край барной стойки, чтобы не упасть.

— Джеймс был со мной в тот день, не ты.

— Прости, солнышко. Это был я. Джеймс отказался от предложения Адмирала. Он отослал его в тот же день. Я провел остаток дня с тобой. Не он.

Это было неправильно. Тот блокнот был у Джеймса все эти годы. Он украл его. Значит, он *был* там в тот день. Но этот парень... этот Винсент... он был тем, с кем я была? Я думаю, мой мир пошатывается. Нет. Думаю, мой мир перевернулся вверх тормашками.

— Ты в порядке?

Я с трудом сглатываю и смотрю на мужчину, который не является Джеймсом. Какого черта я должна делать с этим?

— Я обещана тебе. Не ему?

— Мне, — отвечает он. — Не ему.

Я пялюсь на него в тусклом освещении покрытия над головой. Огоньки свеч дрожат на столах, и огонь согревает одну сторону моего тела, пока океан обрызгивает своей прохладой вторую.

— Что если я не хочу тебя? Что если я хочу его?

— Он мертв, дорогая.

— Он не мертв! — кричу я. Все мое тело начинает дрожать, прежде чем я понимаю, что меня пробирает бесконтрольная дрожь. — Он не мертв!

— Весьма вероятно может быть. Он сумасшедший, и это неоспоримый факт. Харпер, послушай меня. Спроси сама себя. Кто, мать его, убивает собственного брата? Брата, на которого даже не был зол? Брата, которого любил и с которым вырос? Брата, который спасал тебе жизнь столько же раз, сколько ты спасали его? Своего партнера. Кто убивает своего *партнера*?

— Он рассказал мне, зачем он это сделал, и я согласилась с ним. У него была веская причина.

— Почему? — требует ответа мужчина с внешностью Джеймса. — Значит, скажи мне, почему он сделал это.

Я думаю о том, что Джеймс рассказал мне в ванной в доме в пустыне. О девушке Тони и ребенке. Он сделал это, чтобы уберечь их. Но если кто-то и узнает, что где-то есть еще один ребенок Организации, я не буду той, кто выложит эту правду.

— Это личное, — отвечаю я.

— Это не личное, Харпер. Мы знаем о ребенке. И ее вернут. Скоро. Как только мы разберемся, кто ответственен.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — мое лицо лишено эмоций. Ни единого выражения. Я надеваю самую лучшую маску лгуни, которую только могу.

Винсент улыбается и пожимает плечами, отпуская тему.

— Хочешь посидеть со мной? — спрашивает он.

Я отрицательно качаю головой.

— Я собираюсь лечь спать.

— Еще нет, Харпер. Иди сюда, пожалуйста. Сядь напротив меня, потому что нам нужно поговорить до того, как ты вернешься к себе и соберешь свои вещи.

Соберу свои вещи?

— Что?

О, черт. Мое сердце грохочет в груди.

— Иди присядь. Пожалуйста.

Я иду и сажусь, потому что мне нужны эти три секунды, чтобы пересечь комнату и подумать. Он увозит меня куда-то. И мне нужно собрать свои вещи.

Я сажусь на диван напротив длинного стеклянного кофейного столика и пытаюсь не

зацепиться коленями. Хотела бы я, чтобы сейчас у меня оказалась хоть одна таблетка.

— Ты была обещана мне в свой шестой день рождения. Это было соглашение высшей важности, потому как связывало твою семью с моей. Как в старые времена, когда принцессу выдавали замуж на принца-врага.

— Ты — враг?

От его улыбки у меня по коже расползается холод.

— В какой-то степени. Как и Джеймс. Мы приходим из одной семьи Организации. Пойми это. В этом отношении я от него не отличаюсь. Так что, пожалуйста... — он прекращает улыбаться, — не бойся. Я уверен, ты намного опасней, чем я.

— Кем ты работаешь?

Он колеблется, но улыбка так и не появляется.

— Это новая должность, вообще-то. Для новой эры бизнеса Организации. Иииии... я не уверен, как много ты знаешь, но вполне уверен, что ты понимаешь, почему я не могу разглашать информацию.

Улыбка снова на месте.

— Что это значит? — Я решаю, что тупые вопросы подойдут для этого парня наилучшим образом. Ему нравится чувствовать себя главным. Почему бы не сыграть на его же зоне комфорта?

— Это значит, что тебе не нужно переживать об этом. А теперь давай поговорим об оптимизации, ладно? Ты здесь. Я здесь. Мы разговариваем. Неизбежное обсуждено. Так что даже если по графику ты должна была отбыть со мной завтра, вертолет уже готов и ждет. Думаю, для тебя будет лучше отбыть сегодня. Что думаете, Адмирал?

Я оборачиваюсь, чтобы обнаружить своего отца, стоящим позади меня. С улыбкой на лице.

— Харпер. Прости, что утаил это от тебя. Я бы, наверное, сохранил тринадцать жизней, если бы напрямую выложил перед тобой, кто был твоим обещанием. Но думать об этом было тяжело. Мне было тяжело провести этот разговор.

— А теперь чувствуешь себя хорошо, отдавая меня чужому человеку? — выплевываю я. — Я просто должна уехать с ним? Прямо сейчас?

— Он уже понравился тебе в лице Джеймса, Харпер. Он и *есть* Джеймс, только лучше.

— Каким образом? Тем, что говорит со мной, как с младенцем? Тем, какие у меня мурашки от того, что я хочу избегать прикосновения к нему? Или, может, он...

— Хватит, — рычит мой отец.

Это полностью останавливает меня. Всю жизнь я прожила с заткнутым ртом. Я не могу отключить свою мгновенную реакцию заткнуться.

— Вот теперь хватит. Джеймс — псих, Харпер. Он убьет тебя или тебя убьют из-за него. С ним не безопасно. Он не материал для продолжения рода. Не материал для отцовства. Мы отправили команду для слежки за ним и вывели его из игры. Если они еще не убили его, то убьют. Очень скоро. Можешь считать его мертвым. Так что, чем быстрее ты примешь тот факт, что Винсент — твое обещание, что Винсент — тот человек, который любит тебя выше всего, и что Винсент обезопасит тебя, тем быстрее ты сможешь сделать шаг в свою новую жизнь.

— Какую жизнь? Если я его собственность, о какой жизни может быть речь?

— Дети, Харпер. Твоя работа, как женщины Организации, родить детей. И, — Адмирал смотрит на Винсента и улыбается, — Винсент говорит, что хотел бы взять тебя в долю.

Видишь? Он уже любит и заботится о тебе в достаточной мере, что обдумывает идею о том, чтобы позволить тебе работать.

— Позволить мне... — я не могу думать трезво. — Дети? — Он, наверное, шутит. — Ты хотел сказать, рабы? Как я? Дочери, которые будут проданы, когда им исполнится восемнадцать? Сыновья, которые будут отданы кому бы то ни было, чтобы их можно было превратить в киллеров?

— Твои сыновья не будут киллерами, Харпер. Не горячись. Твои сыновья будут верхушкой Организации.

— Как Ник? — выплевываю я. — Который был обучен убивать и который научил убивать меня?

— Ник, — смеется мой отец. — Ник — не верхушка, милая. И ты не верхушка. Но твои дети, в которых наполовину будет течь кровь Винсента, будут ею. Ты — новое начало Организации. Две сильнейшие семьи объединятся после сегодняшней ночи, и новая эра власти обретет начало. Мы владеем всем, Харпер. У нас есть люди на всех постах правительств в мире. Мы управляем сенатом США и следующим президентом станет человек Организации, независимо от того, какую партию изберут. Мы владеем частными электрокомпаниями, тюрьмами, станциями водоснабжения, больницами и миллионами акров фермерских земель. Мы контролируем все, кроме сердец и умов людей. Но это будет следующим шагом. Ты, Харпер, вместе с Винсентом, захватите их воображение. Красивая девочка с красивым политиком. Дорога к власти и твое место в истории — это мой долговечный подарок тебе.

О, боже мой. Он будто злодей из комиксов, которые читали мы с Ником.

— Готова? — Винсент берет меня под локоть. Не крепко, а нежно. И это даже не вопрос. Это давно принятое заключение.

Я позволяю вести меня вперед, не зная, что еще мне делать.

— Харпер, — произносит Винсент, наклоняясь к моему уху. — Ты хочешь взять что-то из своей комнаты?

Я обдумываю это. Думаю о телефоне. Но чем больше я думаю о нем, тем менее вероятно, что в моей каюте тот самый телефон, который был у меня прежде. Скорее всего, я все пустила коту под хвост, когда пыталась отправить Джеймсу сообщение.

— Нет, спасибо, — отвечаю я, возвращаясь назад к своим манерам, чтобы они помогли мне разобраться во всем.

Мой обещанный мужчина обнимает меня рукой и ведет к трапу на нижнюю палубу.

— Я думала, здесь есть вертолет? — Но прежде, чем слова слетают с моего языка, я знаю, что нас не ждет никакой вертолет. Это гребаная лодка.

— Как только мы доберемся до моей яхты, мы полетим домой на вертолете. *В наш дом,* — акцентирует он. — Он будет прекрасным, вот увидишь. Скоро Тет исчезнет, и ты перестанешь думать о нем.

Он натягивает капюшон на голову, скользит в пару серых парусиновых туфель и хватается мою руку. Мы проходим вниз три этажа, двигаясь к гаражу. Там нас ждут мужчины. Мое тело горит от понимания, что все они знают, что меня доставили на борт только, чтобы передать. Им, скорее всего, нравится тот факт, что я наказана. Я убила тринадцать людей, кого-то из их команды. Они, наверняка, ненавидят меня.

— Ступай осторожно, — произносит Винсент, протягивая руку, чтобы помочь мне ступить в лодку, но не нашу. Его.

Я сажусь рядом с Винсентом по его просьбе, и он закидывает руку мне за спину.

— Ты замерзла, Рыба-лев?

— Как ты меня только что назвал? — Наглость с его стороны.

— Рыба-лев, — отвечает он, проводя носом по моему уху, пока нас увозят в черноту. —

Ты помнишь, как я дал тебе это имя на пляже? После того, как ты сказала мне, что прикасалась к иголкам.

— Я рассказывала эту историю Джеймсу, а не тебе.

— Малышка, — произносит он, и его рука скользит между моих ног, в то время как его рот накрывает мой на самый краткий миг. — Я — Джеймс. Как ты можешь не узнавать меня?

Я вскидываю голову, чтобы ответить «нет», но его рот уже здесь. Он накрывает мой. Его язык скользит между моих губ, переплетаясь с моим. Его руки настойчиво трут мои бедра с внутренних сторон, а затем его пальцы скользят прямо в мои трусики.

Я отталкиваю его и отодвигаюсь дальше.

— Ты — не он, — произношу я с некой неуверенностью.

— Но так и есть. И когда мы доберемся домой, мы снова поговорим о власти.

Глава 14

Харпер

Он не Джеймс. Он не Джеймс. Он не Джеймс.

Я знаю, что он не Джеймс, и мне не нужна мантра, чтобы убедить себя в этом. Я говорю это, потому что мне нужно удержать мой мозг от хаотичных мыслей, пока мы находимся на лодке. Добраться до его яхты занимает много времени, но как только мы оказываемся там, он желает мне спокойной ночи.

И все. Только спокойной ночи.

В шкафу висят два наряда. Скромный ночной набор для сна — майка и шорты. Второй — наряд на выход. Джинсы, сапоги, простая хлопковая футболка и легкая куртка.

У меня складывается ощущение, что мы не останемся на яхте слишком долго.

Ванная комната оборудована круглой ванной, и несмотря на все те события, которые произошли со мной в последнее время, я отмокаю в ней. Мне нужно что-то, что успокоит меня. Вернет на место. Горячая вода и баночка с таблетками в оранжевой упаковке на тумбочке — все, что у меня есть, но я не хочу принимать эти таблетки. Я не могу снова начать их принимать.

Так что я немного отмокаю, а затем переодеваюсь ко сну. Когда я выхожу из ванной, вижу поднос с какао и печеньем.

Какао и печенье. Словно мне шесть лет.

Выпиваю какао и беру одно печенье, пока иду в постель. Корабль движется быстро — на полной скорости, если судить по тому, что я чувствую. В желудке зарождается тошнотворное чувство, когда я думаю об этом. Прошло слишком много времени с тех пор, как я была в море, но поворочавшись и покрутившись несколько минут, я наконец-то засыпаю.

Некоторое время спустя меня будит Винсент. Когда я открываю глаза, проходит несколько секунд, прежде чем я фокусируюсь на его лице.

— Мы готовы. Пожалуйста, оденься, — от его руки на моем предплечье у меня мороз расплзается по коже, и я отодвигаюсь от него. Включается лампа на прикроватном столике, и у меня появляется возможность хорошо рассмотреть его прежде, чем он покидает мою комнату.

Почему он должен выглядеть в точности, как Джеймс?

Я послушно одеваюсь и выхожу из каюты.

Винсент одет в темно-синий костюм и галстук в тон. Никакого худи или парусиновых туфель. Он выглядит, как бизнесмен, а не человек, который постоянно бездельничает на пляже.

Он дарит мне кратковременную улыбку, а затем меня проводят к посадочной площадке и ожидающему меня вертолету до того, как у меня есть время подумать. Я не знаю, как долго спала, но чувство такое, что сейчас поздний вечер. Почти весь день, как я могу догадаться.

Он опоил меня? С помощью какао?

Я не спрашиваю, куда мы едем. Я перестала разговаривать с ним после того, как он сказал мне, что он Джеймс. То есть, я вас умоляю. Эти люди угрожают мне, словно я идиотка. Он думает, я не пойму разницу между незнакомцем и человеком, в которого я влюблена?

Боже, я только что признала, что влюблена в Джеймса?

Я поворачиваю голову к вертолету так, что самозванец не может меня видеть, и улыбаюсь. Я едва ли провела время с Джеймсом вообще, но знаю, что я чувствую, и это любовь.

Я так сильно по нему скучаю.

Почему он отдал меня им?

То есть, да, я могу понять логику. Он явно был вне себя, когда парень ввел мне наркотик и, может быть, думал, что на яхте будет безопасней.

Мне, скорее всего, и *было бы* безопасно на яхте.

Но я не на гребаной яхте. Я в проклятом вертолете, лечу в черт знает каком направлении. И вся эта чушь о сумасшествии Джеймса — да, я тоже это вижу. Он явно псих. Я снова улыбаюсь. Это часть его шарма.

Какая девушка не фантазирует о том, чтобы приручить дикаря? Ну, я никогда не фантазировала до текущего момента. Но это то, что я чувствую к Джеймсу. Джеймс Финичи — один из самых опасных мужчин в мире, и он хочет заботиться обо мне. Он хочет любить меня и спать со мной. Он слушает то, что я говорю, и забывает о жестокости, когда я рядом с ним.

Взрослые мужчины боятся его. Глобальные организации не были в силах убить его. И позволяя мне обхватить его член своим ртом, он дает мне всю силу.

Я могла бы опьянеть от силы, которую я имею над ним. Я могла бы также кончить от этой силы.

Я хочу *своего* Джеймса.

Я даже отдаленно не заинтересована в том, что у этого незнакомца, который выглядит как он, есть что сказать. Мне плевать, если он — тот, кому я была обещана. Какой мужчина принимает шестилетнюю девочку в качестве будущей жены?

Извращение. Одно сплошное извращение.

Джеймс был тем, кто сказал нет. Джеймс был тем, кто остался честным. Джеймс не был сумасшедшим, когда ему «исполнилось шесть» в том году. Он был не тронутым всеми этими

убийствами, которые последовали позже. И он был взят в плен в тот же год. Дневник говорил, что он оставался в каком-то ужасающем месте. Это изменило бы каждого. И это не его вина.

Вертолет наконец-то снижается, когда солнце начинает садиться, и хоть я и проспала весь день, чувствую усталость.

— Мы собираемся на посадку, — хрипит голос Винсента в наушниках на мне.

Я смотрю на него прежде, чем остановить себя, и улыбаюсь. Его лицо немного застаёт меня врасплох. То есть, они идентичны. Глаза. Прическа. Широкие плечи, которые плавно переходят в его талию внизу.

— Надеюсь, тебе нравится.

Я прекращаю улыбаться, и киваю. Что он хочет мне сказать? Я не останусь здесь. Я не собираюсь быть его женой. Мне насрать, какое обещание он дал. Я принадлежу другому.

Несколько минут спустя мы оказываемся на земле, и все происходит очень, очень быстро. Я никогда не понимала, зачем спешить после посадки и высадки из вертолета. Почему они должны тащить меня, словно мы в какой-то военной зоне?

Я все равно следую. Хватка Винсента на моей руке — крепкая. Крепче, чем обычно. И я задаюсь вопросом, насколько встревожено он себя чувствует, что я сбегу в незнакомый лес, пока он тащит меня подальше от вращающихся лопастей и тянет к ряду ступенек, которые ведут к заднему дворику внушительного поместья в средиземноморском стиле.

Даже если крыша из испанской черепицы и теплый экстерьер и выглядят приветливыми на фоне солнечных лучей, сумерки заставляют их казаться зловещими.

— Где мы? — наконец-то спрашиваю я, когда мы замедляем наш шаг, и он поправляет воротник рубашки.

— К северу от Санта-Барбары.

— Как, черт возьми, мы добрались до Санта-Барбары от Ньюпорт Бич на яхте? — но что более важно, как Джеймс найдет меня здесь? Я не особо сильна в географии западного побережья Америки, но мне кажется, это не малое расстояние.

— Мы плыли вдоль берега на моторной лодке, — отвечает он. — Тяжело ходить вдоль побережья Калифорнии на яхте.

— Мы, наверное, неслись на большой скорости.

— Следи за речью, Харпер, — отвечает он, всего лишь наполовину уделяя мне внимание, когда тянется к моей руке.

Я отталкиваю ее.

— Не смей, — рычу я на него. — Может, сейчас я и являюсь твоей пленницей, но я не твой гребаный ребенок, чтобы ты мне выговаривал.

Он дергает мою руку и привлекает к своей груди.

— Манеры, Харпер Тейт, — холодная сталь в его взгляде пронзает меня. Зеленые сферы загораются в них. — Мне говорили, что они у тебя есть. Мне солгали?

Я смотрю на него так же, как и он смотрит на меня, и пытаюсь отклониться.

— У меня *есть* манеры. Но я не уверена, что ты их заслуживаешь.

Он ослабевает хватку на моей руке и вздыхает.

— Пожалуйста, — произносит он, сжимая переносицу кончиками пальцев, будто у него мигрень. — Мне не нравится нецензурная лексика, и мне не нравится некорректное поведение. Мы оба устали. Через многое прошли. Давай освежимся и хорошо пообедаем, чтобы мы могли поговорить.

— Если ты до сих пор настаиваешь на том, что ты и есть Джеймс, значит, я отказываюсь разговаривать.

Он скрипит зубами.

— Если Джеймс — тот единственный, которого, ты думаешь, хочешь, значит, я и есть Джеймс.

— Откуда ты узнал о разговоре о власти и контроле, который у нас был?

Он немного посмеивается про себя и наклоняется к моему уху.

— Я был там, Харпер. Это был я.

— Это был не ты!

— Откуда ты знаешь?

Я просто пялюсь на него.

— Знаю.

Он прижимает руку к бугру у себя между ног.

— Скажи мне, откуда ты знаешь.

Я отдергиваю руку и делаю шаг назад.

— Ты наблюдал за нами. У тебя были камеры. И я скажу тебе, откуда я знаю. Потому что хоть даже Джеймс и сделал все возможное, чтобы доказать, что я принадлежу ему, он не относится ко мне, как к собственности. Он уважает меня.

— Ха, — смеется Винсент, — это хорошо. Ну, ты меня раскусила. Я — Винсент. И мне не жаль, что я Винсент, а не Джеймс. Мне жаль, что я не добрался до тебя раньше него. Жаль, что ты сосала его член прежде, чем отсосать мне. Но у нас есть все время мира, чтобы наверстать упущенное.

Я даже не могу пошевелиться, настолько застигнутой врасплох себя чувствую. Стоит ли мне бороться против него? Но куда я пойду? Я даже не знаю, где я. Санта-Барбара. Я просто не уверена, куда мне отсюда идти.

Он скользит рукой по моей талии, сжимая кожу, когда притягивает ближе к своей груди.

— Забудь о Джеймсе, Харпер. Джеймс — покойник. Он сумасшедший, понятно? Он потерял связь с реальностью. Убивает людей, больше не ища для этого причину. Он выследил всех своих друзей в Организации и попытался убить их, одного за другим. Мы знаем это уже год. И единственная хорошая вещь, которую он сделал с тех пор, — это убил своего брата Тони. Потому что Тони был таким же неменяемым, как и Джеймс.

— Это не его вина, что он вынужден убивать людей, чтобы выжить. Это не его вина в том, что Организация повернулась против него.

— Харпер, — шепчет Винсент. — Послушай меня. Это *его* вина. Он был любимчиком, Харп. Наши родители ставили Джеймса превыше всего. Я не вырос с ним в одном доме, но я знал, кем он был. Наш отец возложил все надежды Организации на Джеймса. Все, что ему нужно было сделать, — это пойти на пляж, когда ему «исполнилось шесть», и сказать: «*Да, Адмирал. Я беру ее*». И его жизнь была бы моей. А вся моя жизнь была бы его. Ты была бы влюблена в меня сейчас, если бы он сказал «да», потому что я был бы тем, кто сошел с ума и нашел бы тебя на пляже.

— Но он не сказал «да». Это сделал ты.

Винсент отталкивает меня и делает шаг назад.

— Ты ошибаешься. Меня никогда не спрашивали. Я говорил тебе, у меня была власть. Я не участвовал ни в чем другом. Меня изолировали от Организации. Меня растили как

обычного американского мальчика. Я никогда никого не убивал. Никогда не был на заданиях. Я просто существовал. У меня безукоризненная история. Свидетельство моей деятельности, за которой можно проследить с момента, как мне исполнилось шестнадцать и до сегодняшнего дня. Так что, когда начинается проверка множества политических офисов, которыми я владею, меня не трогают. Идеально. Идеальный мужчина. Выращенный в идеальной семье. Обрученный с идеальной женщиной, у которой вообще нет истории. Которую растили на гребаной яхте посреди океана. Которая никогда не ходила в школу. Которая никогда не фотографировалась и не появлялась на страницах светских журналов. Ты, — шепчет он, — идеальное пустое полотно.

Он снова строго смотрит на меня, и в этот раз его взгляд не вызывает во мне дерзости. Он заставляет меня поинтересоваться.

— Чего ты хочешь от меня?

— Я хочу того, что мне было обещано.

— Я ничего тебе не обещала.

— Ты думаешь, что любишь его, но ты абсолютно не знаешь его. Ты знаешь *меня*.

— Ты не тот парень, с которым я проводила время, Винсент.

— Я парень с вечеринки твоего дня рождения, Харпер. Я тот самый парень, в которого ты влюбилась, — он медленно двигает руками к моему лицу и берет мои щеки в ладони. — Я заслуживаю того же шанса, который ты дала Джеймсу. Это все, о чем я прошу. Будь справедливой, Харпер. Ты пока не знаешь меня. Я не собираюсь причинить тебе вред. Я просто хочу свой шанс.

Глава 15

Харпер

Он не отпускает мое лицо, и я не могу перестать смотреть в его красивые зеленые глаза. Почему? Почему он смотрит на меня так, как мужчина, которого я люблю?

— Всего лишь шанс, Харпер. Это все, о чем я прошу. Мы заключим с тобой сделку, ладно? Я не стану давить на тебя. Я дам тебе пространство и некоторую приватность. Дам тебе свободу в этом доме. Я даже дам тебе телефон, чтобы ты могла позвонить мужчине, которого, ты думаешь, что любишь.

Я набираю полную грудь воздуха от его предложения.

— Я знаю, что ты хочешь поговорить с Джеймсом. Я понимаю. Если ты дашь мне несколько дней, не борясь против меня и не устраивая бунт, я позволю тебе позвонить ему.

— Почему не сейчас? — Я знаю, что давлею, но каким бы киллером я тогда была, если бы не надавила?

Винсент вздыхает, но не говорит «нет», что дает мне надежду.

— Если я позволю позвонить Джеймсу сейчас, ты будешь меня слушаться? Ты дашь мне шанс? — Он смотрит на меня сверху-вниз. Его руки становятся мягкими на моих щеках.

— Прямо сейчас?

— Настоящий шанс.

— Ладно, — натянуто отвечаю я. Винсент серьезен? Или это какого-то рода шутка? — Если ты позволишь мне позвонить ему, я дам тебе шанс.

— Один звонок. Двадцать секунд. Ты не можешь говорить ему, что ты со мной, где ты

или что ты делаешь. Ты не можешь звучать расстроено. Этот звонок для того, чтобы ты услышала его голос. И если он не ответит, он может быть мертвым. Если он не ответит, ты будешь *предполагать*, что он мертв. Ты оставишь это и сосредоточишься на жизни со мной. Я доверюсь тебе в этом, если ты обещаешь мне. Потому что я уверен в одной вещи, мисс Тейт — он не тот человек, с которым тебе суждено быть. Это я. Так что давай, звони ему.

Винсент тянется в карман и вытаскивает телефон. Он проводит пальцем по экрану, чтобы разблокировать его, и нажимает на приложение на рабочем столе.

— Это переадресует звонок так, чтобы выглядело, что звонишь с другого номера.

Я ввожу его номер и слушаю гудки.

— Харпер...

Я делаю глубокий вдох, чтобы предотвратить слезы, так что Винсент не делает попытки прервать звонок, если Джеймс подумает, что я расстроена.

— Харпер? Ты там?

Я сглатываю и киваю.

— Они сказали, что ты мертв!

Он смеется.

— Бл*дь. Я в порядке. Они — дилетанты. Я беспокоюсь только о тебе.

— Почему ты бросил меня, Джеймс? Я не пойму, что пошло не так.

Он колеблется.

— Ты должна доверять мне, малышка. Ты мне доверяешь?

Слеза скатывается по моей щеке, но Винсент тянется, чтобы убрать ее.

— Ага, — я выдыхаю через сдержанное рыдание. — Доверяю. Я не могу говорить. Я просто хотела, чтобы ты знал, что я люблю...

Я слышу три коротких гудка, что говорит мне, что звонок был сброшен, и я смотрю на экран, где приложение показывает мне иконку о потере сигнала.

— Нас разъединили.

— Мне жаль, — произносит Винсент. — Мне жаль, что звонок был коротким. Ты чувствуешь себя лучше теперь?

Я отдаю ему телефон и отворачиваюсь. Когда он тянется к моей руке, я позволяю ему переплести свои пальцы с моими, потому что внезапно я растеряна.

Джеймс.

Меня затрясло всего лишь от звука его голоса. Он делает это со мной. Он сотрясает меня до основания и раскачивает мою ось. Он может успокоить меня и зажечь одним вдохом. Он единственный человек на этой планете, который нужен мне прямо сейчас. Он единственный человек на этой планете, который имеет смысл.

И когда я поднимаю взгляд и смотрю в эти зеленые глаза мужчины, который говорит, что я принадлежу ему, я теряюсь в них. Мой мир вращается. Реальность крошится. Мышцы в моих ногах становятся слабыми, и колени подкашиваются, когда я падаю. Падаю в руки мужчины, который хочет, чтобы я была его.

Почему он должен выглядеть, как он?

— Я держу тебя, Харпер.

Но не тот человек ловит меня и укачивает в своих руках. Не тот человек успокаивающе шепчет мне на ухо. Не тот человек сидит на крыльце и крепко держит меня, пока я не перестану трястись.

— Это наркотики. Просто расслабься и позволь действию пройти.

Я отталкиваю его, пока он не отпускает меня, и встаю на ноги.

— Я в порядке, — произношу я, отказываясь встретиться с ним взглядом. — Мне просто нужно отдохнуть.

— Ты не в порядке, мисс Тейт. Но я согласен. Чем быстрее ты сможешь отдохнуть, тем быстрее наркотик выветрится, — Винсент встает и ведет меня в дом через массивную французскую дверь. Мы останавливаемся в гостиной. Или, может быть, это бальная комната. Она настолько большая, что у меня начинает кружиться голова, когда я смотрю на потолок. Мы входим через заднюю дверь дома, так что стоим лицом к задней части лестницы. Две прихожие с обеих сторон лестницы, и на верхнем этаже, и на нижнем. Словно у дома есть крылья.

— Идем, я проведу тебя в твою комнату. Мне нужно понести тебя? Или ты сможешь пройти по лестнице?

«Что за смехотворный вопрос?» — думаю я, когда следую за ним по лестнице. Но я дохожу лишь до середины, когда мой шаг замедляется от истощения.

— Лучше не спеши, Харпер. Тебя слишком много раз накачивали наркотиками за последние несколько дней, — и затем он подхватывает меня на руки и с легкостью несет вверх остаток лестницы.

Он снова ставит меня на ноги, когда мы оказываемся наверху, и он опять берет мою руку в свою, чтобы провести меня налево. Мы идем до конца крыла и останавливаемся перед двойной дверью.

— Это моя комната, — произносит он, и, открывая дверь, взмахом руки приглашает зайти внутрь. — Ты можешь остаться здесь, а я посплю в кабинете.

Я оглядываюсь на коридор.

— Почему у меня не может быть моей собственной комнаты?

— Потому что *это* твоя комната, Рыба-лев.

— Не называй меня так, — рычу я. — И я не хочу оставаться в твоей комнате. Здесь неуютно.

— Мы можем изменить это завтра. Но все твои вещи здесь. Так что на сегодня это твоя комната.

— Мне не нужны вещи, — шиплю я. Я не могу сдержать этого. Я устала и меня начинает тошнить. Скорее всего, от всех наркотиков, о которых он так внимательно мне напомнил.

— Все это место заполнено твоими вещами, Харпер. Этот дом Организация построила для нас. Позволь мне показать твой шкаф, чтобы ты могла выбрать платье для ужина.

Ужина? Бл*дь. Я не могу пойти на ужин. Пожалуйста, нет.

— Я не могу поесть в своей комнате?

— Нет, — он отвечает нежно, но настойчиво. — Тебе лучше не оставаться много времени наедине собой, чтобы подумать. Особенно, если ты не приняла таблетки.

Я прищуриваюсь.

— Они мне больше не нужны. Джеймс не хочет, чтобы я принимала их.

— Я тоже не хочу, чтобы ты принимала их, Харпер. Я хочу, чтобы ты могла иметь контроль над собой все время. Я даже не хочу предлагать тебе выпить за обедом, но моя мать настаивала, чтобы мы выпили, чтобы отпраздновать.

— Твоя мать?

Мое отвращение, наверное, было слышно в голосе, потому что он давится смешком.

— Не переживай, она не здесь. У нас много времени, чтобы узнать друг друга прежде, чем я выпущу этот ужас к тебе.

Я не могу не выдохнуть от облегчения, а затем улыбка появляется на моем лице раньше, чем я могу ее остановить.

— Видишь, — говорит Винсент, — видишь, здесь не так уж и плохо. А теперь смотри, — произносит он, ведя меня в огромную комнату. Дизайн традиционный, как и внизу. Древесина темная и толстая. Ткани богатой цветовой палитры — от кроваво-красного до темно-коричневого, глубокий горчичный, желтый и изумрудно-зеленый. Шторы закрыты так плотно, что нет ни единой щели, через которую можно увидеть внешний мир. Но судя по шторам, которые спадают от потолка до пола, растекаясь небольшими лужицами тяжелой ткани на полу, окна должны быть невероятными. В дальнем конце комнаты есть зона отдыха. Она больше, чем моя комната в Хантингтон-Бич. — Вот шкафы, — произносит Винсент, ведя меня в другую сторону комнаты. — Мой с этой стороны, а твой — с той.

Он открывает двойную дверь, которая ведет в мой шкаф и тянется за угол, чтобы включить свет. Он заполнен одеждой и обувью. Сумками. Я никогда не носила сумок. Сапогами. Не такими, которые можно носить на лодке. Высокими. Короткими. Роскошными. Здесь так много ящичков и тумбочек, что я и понятия не имею, что думать.

— Шесть, — произношу я.

— Что? — смеется Винсент.

— Шесть нарядов. У меня никогда в своей жизни не было больше шести нарядов.

— О, да. Думаю, на яхтене так и много места для всех этих вещей.

— Зачем мне столько много одежды? Я не пытаюсь быть сложной, просто не понимаю.

Он обнимает меня руками за талию и притягивает к своей груди.

— Мисс Тейт, твоя жизнь вот-вот изменится. Однажды — не сегодня или завтра, или даже через неделю, когда у нас будет первая вечеринка в качестве пары, обладающей главной властью — тебе придется видеться со стольким количеством людей, что ты согласишься на этот шкаф и подумаешь, что этого недостаточно. У тебя есть платья для балов. Для благотворительных вечеров. Для выезда в город со своим мужем для того, чтобы выпить. У тебя есть шорты и купальные костюмы для бассейна и пляжа, или для путешествий к своему отцу на его яхту. У тебя будут все пальто и сапоги для любой погоды, когда ты поедешь в Нью-Йорк или Чикаго, потому что многие, многие собрания директоров потребуют твоего личного присутствия. Твоя жизнь будет наполнена интересными людьми, особыми обедами и вечеринками. Ты увидишь несправедливость мира и захочешь восстать против нее. Ты будешь командовать людьми, которые помогут тебе сделать это, и изменишь будущее. Ты придашь ему форму, Харпер. Ты будешь говорить с людьми и заставишь их слушать. Ты не потерпишь плохого поведения, и все изменится. Ты станешь силой, мисс Тейт. Ты будешь силой, и все эти действия потребуют одежды.

Я пытаюсь представить себя таким человеком, которого он описывает, но не могу. Я пытаюсь представить себя в будущем и понимаю, что не могу сделать и этого. Не думаю, что я вообще когда-либо думала о своем будущем.

— Одежда заставит тебя чувствовать это, Харпер. А теперь я хочу, чтобы ты выбрала платье ради меня. Что-то, что заставит тебя чувствовать себя сегодня особенно. Я не хочу, чтобы ты была под действием наркотиков, молчала или глупила. Я хочу, чтобы ты была собой. Поэтому я наполнил шкаф всей одеждой, до которой могли добраться мои руки, чтобы ты нашла себя. Так что выбирай, мисс Тейт. Кем бы ты хотела быть сегодня вечером?

Я не могу перестать смотреть в его лицо все время, пока он говорит. Клянусь Богом, не могу. И это больше не из-за того, что он выглядит как Джеймс. Это не из-за его зеленых глаз, или темных волос, или идеального тела, которое, я знаю, скрыто под этим костюмом.

Это из-за того, что он рисует картину, о которой я не думала прежде. До текущего момента мое будущее вертелось вокруг того, чтобы снова увидеть Ника. Или лежать рядом с Джеймсом в маленькой квартирке, убегая от одной опасности к другой. Или, может, если бы я мечтала о чем-то большем, это был бы дом. Как у Мерка в пустыне. Место с удобными диванами и кондиционером, чтобы жара была сносной. С мягкими простынями и картинами в рамках, наполненными моментами, где мы радовались вместе.

Простота.

Моя жизнь всегда была простой.

И я не говорю, что одна жизнь лучше другой. Я даже не чувствую сомнения. Я просто... обдумываю варианты.

— Я не знаю, — наконец-то отвечаю. — Я на самом деле не имею понятия, кто я, не говоря уже о том, кем хочу быть.

Лицо Винсента меняется в момент, когда он понимает.

— Я понимаю. Хочешь увидеть мой выбор из этого шкафа?

Я киваю. Потому что на самом деле могу использовать сейчас некоторую помощь, а он все, что у меня есть на данный момент.

— Это, — произносит он с улыбкой, когда его пальцы прикасаются к светло-зеленой ткани, — вот это красивое платье. По факту, мое любимое, — он снимает вешалку, чтобы я могла увидеть его.

Оно очень красивое. Не сексуальное. Но уточненное. Бледный зеленый цвет напоминает мне цвет мускатной белой дыни. И оно больше похоже на свободную тунику, чем на платье. Мягкий шифон с корсетом, на котором ткань собрана мелкими складочками, и юбки, спадающие к полу, словно колонна.

— Оно очень красивое.

— Да, — отвечает Винсент. — Но, может, сегодня ты хотела бы что-то более удобное? — Он вытаскивает футболку с какой-то надписью на ней. Неопрятный стиль. Немного надорванная на рукаве, чтобы придать ей вид любимой и заношенной до дыр вещи. А затем он открывает ящик одной из многих тумбочек и находит пару джинсовых шорт. — Это ты обычно носишь, да?

Я улыбаюсь, выдыхая, и смеюсь.

— Ага. Я не очень модная.

— Значит, надень сегодня на ужин это.

Я смотрю на него и улыбаюсь.

— А что ты наденешь?

— Я прекрасно выгляжу и в этом, — отвечает он, указывая на свой костюм. — Мне нравится быть модным. Но если ты предпочтешь эту удобную одежду, я переоденусь.

Я вздыхаю и поворачиваюсь к зеленому платью. Я понимаю, что ему хорошо. Очень-очень хорошо в этом. И вот я здесь: стою и интересуюсь, что он наденет на ужин, когда десять минут назад я была зла на то, что он насильно заставил меня остаться в этом доме.

Я не знаю, что с этим делать.

— Харпер, — произносит он мягко позади меня. — Это не тяжелый выбор. Просто выбирай одежду под настроение или цель.

— Что если я не знаю, что чувствую? Или чего хочу?

— Ну, это можно понять. Для этого нужно время. Мне жаль, что я был груб с тобой ранее. Я сделал все неправильно. Сделал так, чтобы ты сопротивлялась, и я прошу прощения. Я не хочу бороться. Просто хочу узнать тебя. Так что решай, что ты хочешь чувствовать сегодня, прямо сейчас. Остальное придет. Просто наслались тем, что у тебя есть. Обедом. Со мной.

— Я хочу увидеть себя в этом платье, — шепчу я. — Я никогда не носила ничего настолько... взрослого.

— Значит, надень его. И спускайся вниз. Мы поедем снаружи, поскольку погода прекрасная. Я буду ждать тебя там.

И затем он отходит назад, пятясь от моего шкафа, пока я стою на месте и слышу, как закрывается дверь моей спальни.

Я смотрю на одежду.

Проигрываю его слова.

Вижу его намерения.

И ни одно из них меня не пугает.

И это именно то, что меня тревожит.

Глава 16

Харпер

Я не узнаю себя, когда смотрю в зеркало, и меня на несколько минут охватывает неуверенность в том, хорошо это или плохо. Конечно, это едва ли мое отражение. Обычно, когда кто-то смотрится в зеркало, он приходит к какому-то выводу. Кажется, я не могу прийти ни к одному.

Я вздыхаю, глядя на свое отражение. Чувствую радость от того, как смотрюсь. Мое телосложение немного спортивное. Сильные ноги, но платье спадает до самого пола, так что их не видно. Мои руки немного крепче, чем у простой девушки. Но они загорелые от солнца, а волоски на них посветлели до бледно-желтого оттенка, что напоминает мне о Нике. У него была такого же цвета щетина.

Боже, я скучаю по нему. Знает ли он, где я? Как он теперь найдет меня? Данный мне год почти истек. По факту, это даже может быть тот самый день, когда Джеймс обещал мне прийти за мной. Но я здесь, в Санта-Барбаре, а двое самых дорогих мне людей будут искать меня не в том месте.

Я стряхиваю свои переживания. Нельзя волноваться сейчас. Мне нужно сделать вдох. Нужен перерыв.

Мне просто нужно выяснить, кто такая эта девушка в зеркале.

Мое внимание переключается к волосам. Они немного отросли, поскольку я ничего не делала с ними в последние дни.

О чем я говорю? Я никогда и ничего не делала с ними, кроме как расчесывала.

Кожа на лице еще не утратила бледно-розовый оттенок после использования скраба. Я не делаю макияж, так что не знаю, что приемлемо, а что нет.

А еще туфли. Я понятия не имею, что надеть на ноги, так что надеваю балетки мягкого желтого цвета.

Понравится ли Винсенту мой выбор? Есть ли мне дело до того, понравится ли ему? Какого черта я вообще задаюсь этим вопросом?

Я отворачиваюсь от зеркала и выхожу из гардеробной. С меня хватит. Это всего лишь платье. И всего лишь обед. Я носила сотни платьев и посещала столько же обедов.

Я выхожу из комнаты и взбираюсь по лестнице. Он сказал, что будет снаружи, так что когда я достигаю первого этажа, иду к задней части дома и прищуриваю глаза, пытаюсь увидеть его через стеклянную дверь. Бесполезно. Внутри все освещено, а снаружи темнота. И поэтому я ничего не вижу.

Я спокойно прохожу к французской двери, через которую вошла в этот дом некоторое время назад, и открываю ее. На террасе никого нет, но я вижу мелькающий огонь немного в стороне от того места, где приземлялся вертолет.

— Винсент? — зову я.

Ответа нет. Но я вижу тень перед пламенем. Я могла бы крикнуть и заставить его самого отозваться. Или могла бы спуститься вниз и перестать быть ребенком.

Я убила четырнадцать человек, так что я выбираю второй вариант. Но с каждым шагом мое сердце бьется все яростней.

Я прохожу лишь половину пути, когда он поворачивается, и да, это Винсент. Мое сердце успокаивается. Почему? Я не уверена. Этот мужчина забрал меня от всего, что я знала, и вовлек меня в жизнь, о которой я не просила и которой не хотела.

Почему я так нервничаю? Как этот незнакомец так легко может заставить меня чувствовать себя лучше?

Меня опоили наркотиками? Я не чувствую себя в таком состоянии в данный момент. Но почти каждый опаивал меня наркотиками в последнее время. Так что, эй, это не странный вопрос. Мне стоит перестать принимать напитки от незнакомцев.

— Оно мне нравится, — произносит Винсент, как только я подхожу к нему достаточно близко, чтобы он потянулся и схватил меня за руку. Его взгляд медленно опускается по моему худому телу, затем поднимается и останавливается на груди, прежде чем скользит к моему лицу. — Ты потрясающая.

Я хочу улыбнуться от удовольствия, что смогла собраться надлежащим образом, или может быть, даже от похвалы или желания, которые я слышу в его голосе. Но сдерживаюсь.

Это неправильно. Боже, это все настолько испорчено.

— Думаю, Джеймсу бы тоже понравилось платье, — отвечаю я, чтобы позлорадствовать.

Но Винсент даже не моргает.

— Уверен, что понравилось бы. Как и любому мужчине, сумасшедший он или нет.

Насмешка. Маленькая. Не стоит ссоры. Мне плевать на то, что Винсент думает с Джеймсе. Я знаю, что Джеймс — не сумасшедший, когда мы вместе, а это все, что считается.

— Готова поесть? — спрашивает Винсент после паузы, которую он дал мне, чтобы обдумать его ответ.

— Где? Я не вижу стола.

Он обнимает меня сзади за талию и ведет немного вперед по уложенной булыжником тропинке.

— Через деревья отсюда прекрасный вид на океан. У меня есть площадка немного внизу с видом на пристань для яхт, и я подумал, что это могло бы оказаться потрясающим местом

для обеда.

Небольшую часть пути мы идем молча, а затем показывается прореха среди деревьев, и, конечно же, луна светит в ночном небе, а ее свет падает на воду внизу. Пристань для яхт — небольшая, как и лодки в ней.

— Здесь по соседству располагается Организация, Харпер. И они тоже владеют пристанью.

Я не уверена, говорит ли он мне это просто для информации, чтобы дать понять, как здесь ведутся дела. Или предостерегает меня от побега и мольбы о помощи. Так что я не реагирую.

— Сюда, — произносит Винсент, отодвигая для меня стул за столом для двоих человек. — Официанты скоро будут здесь. Но мы можем выпить, пока ждем их.

— Я не пью, — произношу я, когда кладу белую салфетку на колени.

— Это просто знак внимания, Харпер. Уверен, твой отец давал тебе пригубить шампанское за обедом.

— Никогда.

Винсент садится напротив меня. Стол — маленький, так что он очень близко. Слишком близко, полагаю. Слишком близко для меня, чтобы держать дистанцию от того, что он старается заставить меня почувствовать. Он прилагает все усилия, чтобы оставаться непреклонным, а я бы хотела приложить все усилия, чтобы воспротивиться ему. Но когда я смотрю через стол, я вижу Джеймса. Его зеленые глаза. Темные волосы. Тени под глазами.

— Значит, сегодня будет твой первый раз, — произносит Винсент, наполняя высокий узкий бокал светлой жидкостью медового цвета. Она пенится, множество пузырьков лопаются в бокале, и со своего места я могу услышать запах фруктов в купаже. Он поднимает свой бокал и тянется им ко мне. Я делаю тот же самый жест.

— За наши начинания. Надеюсь, для них у нас будет целая жизнь.

Я немного прищуриваю глаза, а он притворяется, что не видит этого, когда делает глоток. Я ставлю свой бокал на стол, не сделав ни глотка.

— Я предпочту воду, спасибо. У нас есть вода? В бутылке. С запечатанной крышкой.

— Конечно. Официанты принесут ее с едой. Теперь скажи мне, тебе нравится платье? Потому что мне очень.

— Что тебе в нем нравится? — мне по-настоящему интересно.

— Серьезно? — спрашивает он в ответ со смешком. — Его цвет превращает тебя в лесную фею. Он контрастирует с янтарным цветом твоих глаз, заставляя их светиться, словно два блестящих драгоценных камня. Оно отрывает твои плечи, предоставляет взору бронзовый цвет твоей кожи. И хоть платье и очень сексуальное, совсем мало кожи выставлено напоказ. Это то платье, в котором я хотел бы показаться с тобой на публичном приеме. Платье, которое позволит другим увидеть твою красоту, не открывая слишком много для их взора. Оно идеально. Теперь, когда ты его надела, конечно.

— Ого. Да у тебя здесь целая речь, Винсент. Джеймс просто сказал бы: «Харпер, тебя хочется трахнуть, когда ты без одежды. Но это платье заставляет меня хотеть сорвать его с тебя».

Винсент уставился на меня.

Я уставилась на него. Мне стоит скрыть свою улыбку, но он не сильно переживает, чтобы скрывать свою.

— Ты хочешь, чтобы я относился к тебе как Джеймс? Хочешь, чтобы я трахнул твой рот

в коридоре?

Все мое тело охватывает смущение. Я забыла, что он сказал, что видел это.

— Откуда ты знаешь, что он это сделал? Ты преследовал меня?

— Нет, — рычит он. — Я наблюдал за Джеймсом, а Джеймс наблюдал за тобой. В его квартире есть запись вашей маленькой сцены.

Я не могу дышать. Вот, как это поражает меня.

— Он не мог.

— Она все еще там. Он так и не привел в порядок место. Он сбежал, Харпер. Потерял остатки разума. Он легкомысленный и глупый, и то, что он с тобой сделал... — Винсент запинается, чтобы покачать головой, — это извращение.

Извращение. Слово рикошетит внутри моей головы.

Я извращенка, потому что завелась от этого?

Я смотрю вниз на колени, когда официанты появляются со стороны тропинки. Здесь целая команда, что странно, потому что я не видела ни единой души с тех пор, как вошла в дом. Они ставят тарелки с крышками на них. Приносят воду. На столик рядом ставят графин, потому что наш на самом деле маленький, чтобы уместить его. Они *не принесли* воду в бутылке.

Двое официантов поднимают крышки с наших тарелок, и насыщенный аромат лобстера и масла заполняет мои ноздри.

Господи, я умираю с голоду. Я буквально истекаю слюной, когда смотрю на еду. Официант, обслуживающий Винсента, повязывает салфетку вокруг его шеи, и тот, который обслуживает меня, делает то же самое.

Когда они заканчивают, Винсент отвечает «спасибо», и они покидают нас.

Я голодна и, правда, хочу поесть. Но до сих пор думаю о том, что Джеймс снял видео меня в том коридоре.

— Прости, — произносит Винсент. Его тон теперь приглушенный, а злость исчезла. — Мне не стоило говорить тебе о видео. Я просто хотел услышать что-то о тебе. Когда ты пропала в прошлом году, Харпер, я был потерян. Имею в виду, я понимаю, что то, как они все провернули, неправильно. Но с тобой я сорвал джекпот. Я хотел тебя. Хочу, — поправляет он себя. — Я хочу тебя. А затем твой отец сказал мне, что мне нужно выждать время. Что они продолжают следить за тобой, но никому не позволено приближаться. Я был упрямым. Сходил с ума от тревоги. Но проходили месяцы, и ты обжилась. Казалось, ничего не происходит. На самом деле, казалось, что ты хотела побыть одна.

Я подняла глаза на него, зная, к чему он клонит.

— Но затем показался Джеймс, и я вышел из себя. Что он мог войти в твою жизнь после того, как я дал тебе все пространство, и забрать... — Винсент перестает говорить. Он качает головой, а затем опускает взгляд на свою еду и начинает есть.

— Забрать что? — спрашиваю я.

— Не обращай внимания.

— Мою девственность?

— Нет, — отвечает он, качая головой. — Твое самоуважение.

Глава 17

Харпер

Это поражает меня настолько, что я теряю дар речи.

Винсент все еще продолжает свой ужин. В тишине.

Все, что я вижу перед глазами, — это Джеймс, который оседлал мои бедра, приближаясь к моему лицу своим членом.

Твое самоуважение.

— Бл*дь. Прости. Еще раз, — Винсент тянется рукой через стол и похлопывает по моей. — Ты в порядке?

Я киваю. Улыбаюсь. Снова киваю, и на этот раз улыбка становится шире.

— В порядке. Просто... — мне нужно сменить тему. Прямо сейчас. — Я не уверена, что здесь происходит. Есть какого-то рода... контракт?

Всю мою жизнь мой отец использовал это слово. *Контракту нужно следовать. Контракт нужно обсуждать. Контракт был нарушен.*

Нарушен. Я слышала это лишь единожды, в день, когда ушел Ник. Как раз перед тем, как нам исполнилось восемнадцать.

Винсент смотрит на меня, прищуриваясь. Будто что-то подозревает. Что сразу же наталкивает на подозрения меня.

— Почему ты это сказала?

— Ну, ты говоришь, что ты — мое обещание. Разве не должно быть контрактов для обещаний?

— Харпер, — произносит он тоном, который больше похож на предупреждение. — Обещание отдавать девушек на их восемнадцатилетие даже не является законным. Зачем нам нужен контракт, которого нельзя было бы придерживаться?

Я могу придумать дюжину причин прямо сейчас. Но самое очевидное, чтобы иметь власть над кем-то, когда они облажаются. *«Видите, — скажет кто-то, — у меня ваша обещанная дочь, и бла-бла-бла. Это была хорошая партия, да? Но если вы не выполните вашу часть сделки, она получит пятидесятиоднолетнего извращенца из вот этой папки разврата».*

— Не знаю, — говорю я вместо этого. Очевидно, то, что происходит с этой... сделкой... мне никто не расскажет. Я имею в виду, да ладно. Винсент — копия парня моей мечты, только он не сумасшедший и не убийца. Он до тошноты богатый, имеет что-то типа власти в Организации, и, если я стану его женой, я превращусь из маленькой девочки во властную женщину за один вдох.

Такое чувство...

Ого.

Его палец ласкает мое запястье снизу, пока он ждет, что я закончу, но внезапное покалывание, которое пробегает по моему телу, крадет мои слова.

Я смотрю вниз на его пальцы, а затем поднимаю взгляд к его зеленым глазам. Они улыбаются.

— Хмм?

Я качаю головой.

— Ничего.

— Почему ты так покраснела? — поддевает он.

Он, наверное, знает почему, потому что делает еще один жест, берет клубнику из маленькой чаши с фруктами на моей тарелке и прикладывает ее к моим губам. Я открываю

их, неуверенная, какой выбор у меня есть, и кусаю.

Сок течет по губам, а затем он встает, наклоняется через стол и слизывает его.

Я моргаю, глядя на него.

Затем его руки оказываются на моем лице, а язык вторгается в мой рот. Он сладкий от шампанского и мягкий, когда дразнит меня, чтобы посмотреть, как далеко я зайду.

Я правда не хочу заходить слишком далеко, но проблема в том, что я не знаю, как сказать «нет». У меня так мало опыта с мужчинами. Джеймс — тот тип парней, которые говорят, чего они хотят, даже если ты не хочешь этого. И мне нравится следовать приказам. Я делаю это машинально.

Винсент, скорее всего, знает это. Он, вероятно, пользуется преимуществом того факта, что мной так легко манипулировать.

Но как только появляется эта мысль, он отстраняется.

— Что не так? — спрашивает он и наклоняется немного дальше, чтобы иметь возможность прошептать слова мне на ухо. — Тебе это не нравится?

У меня не было шанса понять, *нравится* ли мне это.

— Прости... я просто... просто не знаю, что должна здесь делать, — я вдыхаю глубоко, и его запах заполняет мои ноздри. Это аромат, которого я раньше не чувствовала. От него у меня кружится голова.

Он отклоняется назад и снова садится на свое место.

— Ужинать, — просто отвечает он. — Я думал, тебе понравится немного фруктов до того, как мы приступим к основному блюду.

Я немного прикусываю губу.

— Это был поцелуй, и все. Я не уверена, что должна делать, когда ты меня целуешь.

Это заставляет его усмехнуться, и я ненавижу себя за то, что считаю это приятным урчащим звуком. Я представляю Джеймса, который издает такой же звук, когда лежит на груди в кровати.

— Ты можешь поцеловать меня в ответ, Харпер.

Я сжимаю губы и сглатываю.

— Ты можешь сказать мне «нет».

Я смотрю Винсенту в глаза. Они напоминают мне Джеймса. Как двое мужчин могут быть настолько похожими? И как может быть справедливым то, что у меня проблемы с пониманием, почему этот мужчина, который выглядит в точности как тот, которого я люблю, им не является? Особенно, когда мне до отчаяния хочется его успокаивающего прикосновения и командного тона. Мне не нравится контролировать вещи. Я в этом не разбираюсь. У меня панические атаки, и я не мыслю трезво. Я — боец, потому что была выращена такой, как и мой брат. Но это просто внешняя оболочка меня. Девушка внутри очень и очень слабая.

— Я не очень хорошо умею говорить «нет».

— Это потому что ты хочешь сказать «да», Харп.

Прозвище выдергивает меня из моего кратковременного транса. Оно так мне знакомо.

— Ты наблюдал за мной каждый год, как и Джеймс? Ты приходил на мои дни рождения и наблюдал издалека?

— Боже, — на этот раз Винсент смеется громче. — Я не могу поверить, что этот урод делал подобное. Это же извращение.

— Что? — я сбита с толку.

— Харпер, он преследовал тебя все эти годы. У твоего отца была паранойя, что он может похитить тебя или убить во сне.

— Что? В этом нет смысла. Джеймс любит меня. Мой отец отправлял ему билеты на самолет в тот уголок мира, где бы ни отмечали мой день рождения. Ему просто никогда не было позволено видеть меня лично.

— Это он тебе такое рассказал? — Винсент качает головой. — Нет, детка, случилось не это. Джеймс был одержим тобой с первого года. Он отклонил предложение, и я стал твоим обещанием. Джеймс стал агентом Шесть. Его захватили в какой-то крысиной дыре в тот же год. Они пытали его, так сильно шрамировали его тело...

— Подожди, — я поднимаю руку. — У него нет никаких шрамов. Я видела его тело, и оно идеально.

Винсент прищуривается, когда понимает весь смысл моих слов.

— Значит, ты смотрела недостаточно внимательно. Он прошел лазерную терапию после того, как Один вызволил его, но их не удалили полностью. — Выражение лица Винсента меняется, и на мгновение он хмурится. — Ты знаешь, я любил его. Я мог так никогда и не узнать его, поскольку нас разделили, когда нам было по два года. Но я знал *о нем*, любил его. И также скучал по нему. Мне жаль, что наши жизни так сложились. Я бы отдал все, чтобы быть со своим близнецом. Я бы даже присоединился к нему, если бы нам позволили. Ты бы это поняла, Харп. Как близнец чувствует своего близнеца.

И это то, на *что* я могу положиться. Я пытаюсь представить жизнь без Ника. Ника, который защищал меня. Ника, который любил меня без причин. Ника, который научил меня давать отпор и быть сильной. Каким бы человеком я была бы без Ника?

— Прости, — говорю я. — Спорю, это было сложно.

— Было. Я не получаю удовольствия от того факта, что ты моя, а не его. Я не ревную к нему. Зачем мне это, Харпер? Зачем мне ревновать к нему? Я выгляжу в точности, как он. У меня те же самые черты. Тот же самый состав ума. Те же самые естественные способности. Но у тебя и понятия нет, насколько чертовски он поврежден. Находиться рядом с ним не безопасно. Он нестабилен в каждом смысле этого слова. Ему нельзя доверять, Харпер. Не принимай то, что вы с ним сделали, за нечто существенное. Потому что Организация наблюдает за ним уже больше десятилетия. Он берет женщин на каждом задании. Дружится с ними. Трахает их до потери рассудка. А затем убивает каждого вокруг них. И это именно то, что он сделал бы с тобой.

Я не могу сделать вдох.

— Он использовал тебя, Харпер. Он хотел флешку, которая была у тебя, чтобы добраться до твоего отца за то, что тот отдал тебя мне. За то, что сделал ошибку в шестнадцать, которая изменила всю его жизнь. Он так и не простил их за то, что они не вызволили его быстрее, хоть и знал — если облажался на задании, единственный ответ, который ты получишь свыше, — это отказ. Он знал, что, если он пойдет туда, и его поймут, его бросят. И Один рисковал своей жизнью, чтобы спасти его.

— Тогда почему он был рядом так долго? Почему бы не убить его много лет назад?

— Потому что он — другой, Харпер. Нельзя просто взять и натренировать парня вроде Тета. Все двадцать восемь лет жизни сделали из него того, кем он является сейчас. Машиной для убийств. Идеальным наемным убийцей, — Винсент снова наклоняется, беря мои щеки в ладони. — Мне нужно, чтобы ты это поняла, Харп. Он не тот человек, которым ты его считаешь. Он манипулирующий, корыстный и смертельно опасный. Я не могу винить тебя за

то, что ты повелась на это. Даже мировые лидеры велись на это...

Мой мозг перестает слушать, когда я вспоминаю, как Джеймс подсчитывал своих жертв в пустыне. Он сказал, что подрывал целые правительства. Он сказал, их слишком много, чтобы сосчитать. То, что он сделал в Мехико, считается геноцидом.

Он сказал все это там. Рассказал мне все, что Винсент рассказывает мне сейчас, только я никогда не видела это четко.

— ...так что не думай, что у тебя когда-либо был шанс, Харпер. Потому что его не было. Он планировал это с первого года, как пришел на твой день рождения.

— Что планировал? — спрашиваю я, отчаянно желая узнать, что же на самом деле происходит.

— Использовать тебя, Харпер. Он собирается убить всю твою семью и использует тебя для этого.

Глава 18

Харпер

Я обдумываю это секунду. Мой первый инстинкт — защитить Джеймса. Он не использует меня для мести. Не использует меня для того, чтобы убить мою семью. Он любит меня.

Но я не могу заставить себя сказать это вслух, когда смотрю Винсенту в глаза, и он знает это. Знает, что я сомневаюсь в Джеймсе.

— Ешь, — наконец-то произносит он. — Ты не ела.

— Как я могу есть, если ты только что сказал мне, что он собирается убить моего брата?

Винсент тянется, чтобы погладить мою щеку.

— Харпер, позволь мне позаботиться об этом, ладно? Мы знаем план Тета. Знаем, как он работает. И знаем, что ему нужно. Так что, если ты просто доверишь нам позаботиться обо всем, тебе никогда не придется думать об этом снова.

— Но каждый раз, когда я вижу тебя, я думаю о нем. Как я могу не думать, если вы близнецы?

— Прости за это. Мне очень жаль. Мы можем поговорить об этом позже, когда будет более подходящее время. Но сейчас время ужина. Тебе нужно питаться.

Питаться? Кто вообще так говорит? Он звучит, как мой отец, если моему отцу вообще есть дело до того, что я не ем. Джеймс сказал бы: *«Ешь свой сраный ужин, и после того, как мы займемся сексом, мы сможем поговорить»*.

— Ешь, — повторяет Винсент.

Я ковыряюсь в своем лобстере. У меня просто нет настроения волноваться о еде.

После нескольких минут наблюдения за тем, как я гоняю еду по тарелке, Винсент опускает свою вилку.

— Тебе нравится лобстер, Харпер. Я знаю, что нравится. Так в чем проблема?

— Я больше не голодна.

— Поешь. Если не хочешь его, скажи мне, что хочешь.

Я хочу, чтобы Джеймс не был сумасшедшим. Хочу, чтобы он меня любил. Хочу, чтобы Джеймс показался здесь, подорвал это место и забрал меня отсюда. Мне даже плевать куда. Куда угодно, только бы не оставаться здесь. В любое место, которое не было бы наполнено

всем этим притворным дерьмом.

Ужины из лобстеров? Я думаю о множестве раз, когда я ела лобстера. Множество и множество раз. Это было то, что я ела постоянно. Каждые две недели минимум. Но в Хантингтон я ела дрянь. Целый год я могла сама себе выбирать еду и ела дрянь. Я ела ее, пока ждала, когда появится мой брат и спасет меня от унылой жизни, которая пугала меня так сильно, что хотелось принять таблетки, чтобы снять стресс.

И тогда... Джеймс Финичи ворвался в мою жизнь и сбил меня с ног. Он предъявил мне свои требования. У него были ожидания. Были планы. И я любила это в нем. Любила, когда он водил свой «Хаммер». Я любила тот факт, что место, в которое нам нужно было отправиться, было крысиной дырой в пустыне. Любила тот факт, что не имело значения, где мы находились, жизнь была *реальной*. И возбуждающей. Я люблю каждый момент той жизни с Джеймсом. Ничего унылого или бесцветного. Жизнь с Джеймсом была полна красок и мчалась на всех парах.

Я влюбилась в того человека. Влюбилась. Я влюбилась в Джеймса, которого все ненавидят. И никакое количество ужинов из лобстера и поместье в Южной Калифорнии не могут с этим сравниться.

У меня всю жизнь были обеды из лобстеров. Я не хочу их. Хочу дрянной еды. Хочу все те вещи, которые делают мою жизнь реальной. Хочу все вещи, которые плохи для меня.

— Харпер? — зовет Винсент.

Я смотрю на него. Почему он должен выглядеть, как Джеймс?

— Харпер, я не сам с собой разговариваю. Я задал тебе вопрос. Пожалуйста, ответь. Что ты хочешь съесть, если не это?

— Я хочу... эм... — Я не знаю даже, хочу ли я объяснять. Зачем волноваться об этом? Он всего лишь разозлится на меня за то, что я хочу Джеймса.

— Хочешь что, Харпер?

Я пожимаю плечами.

— Я хочу назад свою жизнь. И моя жизнь больше не крутится вокруг обедов из лобстера. Она крутится вокруг дрянной еды.

Винсент просто пялится на меня, потому что я несу бред.

Я оттягиваю свою салфетку для лобстера, пока она не рвется, и бросаю ее на тарелку. Смотрю Винсенту в глаза, когда откидываюсь назад на своем месте, и тереблю вторую салфетку на коленях.

— Я не голодна. И не буду есть. Я бы хотела пойти в постель, если можно.

Я ожидаю, что он разозлится, но он удивляет меня, когда улыбается с пониманием.

Боже, я не могу переварить такое смятение. Я не могу понять этого.

Он стягивает с себя салфетку, встает и проходит ко мне, беря мою руку в свою.

— Ладно.

И все. Мы начинаем свой путь по тропинке обратно к дому. Поскольку теперь мы двигаемся к нему лицом, на расстоянии я вижу, что он полностью освещен. Конечно же, он огромен. И захватывает своим величием.

Я выросла на яхте в очень роскошном окружении, потому что — давайте посмотрим правде в лицо — мегаяхты весьма особенные. Но неважно, насколько большой твой корабль, он никогда не будет *большим*. Он все равно остается лодкой, когда ты привыкаешь к нему. В нем все равно будет ограниченное количество пространства, внутри которого ты можешь разместить все, что твое.

Так что это поместье — для меня — является воплощение могущества.

Я выросла богатой, но у меня не было критериев, чтобы сравнить свою жизнь с чем-то, кроме местных туземных населений островов, на которые мы часто наведывались. Они были бедными, но, если подумать об этом, все мы живем в одном месте. Рай. Мы ели на одних и тех же пляжах. Мы плавали в тех же бирюзовых водах океана. В моей каюте, пожалуй, было то же самое количество квадратных метров, как и в спальнях других девочек на пляже, в которых они жили.

В моих глазах мы не особо отличались. Я уверена, с их точки зрения все выглядит по-другому. Но моя точка зрения тоже считается. И так оно и есть. Так что переехать на пляж — в маленькую захудалую комнатку — ну, не было для меня тяжелым шагом. С домом Джеймса в пустыне было то же самое. Он был весьма просторным. Не то чтобы мы провели в нем много времени. Но он был уютным местом с открытой пустыней вокруг. Он словно отражение нашей лодки, окруженной морем.

Дом Мерка? Это было совершенство. Он был простым снаружи, но уютным внутри. Я никогда не встречалась с Мерком, но он, наверное, весьма крутой парень, раз у него есть такой дом. Он был словно... убежище.

Я смотрю вверх на возвышающийся передо мной дом и пытаюсь передать словами чувство, которое он во мне вызывает. Это вроде... цитадели... башни... Вроде...

— Харпер?

— Да? — я отвечаю, отгоняя свои мысли.

— Если ты не настроена на ужин, не против сходить на кухню и перекусить что-нибудь со мной?

Когда я смотрю вверх, его глаза кажутся такими мягкими, и улыбка на губах становится такой легкой.

— Какой у тебя обычно перекус?

— Хмммм, — обдумывает он. — Я не любитель перекусывать. Мне нравится полноценный прием пищи. Но я могу проявить гибкость, Харпер. Я не каменный. И может быть ты хотела бы яблоко? Или каких-нибудь крекеров с сыром? Там даже могут быть пирожные.

Я должна улыбнуться на это. Смотрю на этого парня и могу поспорить, что он никогда не ест печенье. Конечно, его тело почти такое же, как и у Джеймса. Но я уверена, что Джеймс поддерживает свое тело работой. Ставлю на то, что Винсент следит за формой с помощью диеты и упражнений, как и большинство людей.

— Ладно. Я голодна и просто... — мои слова подводят меня, и я осматриваю огромную гостиную, когда мы входим через французские двери.

— Просто это слишком, — отвечает Винсент, ведя меня вниз по темному коридору.

— Да, на самом деле слишком. Это захватывает с головой. — Мы останавливаемся в проходе, и Винсент находит выключатель, потому что темнота внезапно исчезает. Кухня... похожа на ресторанную. Не теплая или домашняя, как в доме у Мерка. Я разочарована.

— Посмотрим, — произносит Винсент, глядя в открытый ящик, встроенный в стену. — Круассаны?

Я кривлюсь.

— Датские слойки?

На этот раз я пожимаю плечами.

Он тянется вниз и вытаскивает пакет с рогаликами.

— Хлеб и масло? — От этого мне хочется смеяться, потому что знаю, что я смешная и своевольная. — Я могу добавить еще и воды из-под крана, если ты хочешь настоящих условий для заключенного.

Я хмурюсь. Потому что это то слово, которое я искала снаружи, когда мы шли к дому.

Тюрьма. Это место напоминает мне тюрьму.

— Харпер, просто скажи мне, чего ты хочешь. Я достану это.

— Джеймса, — отвечаю я прежде, чем могу остановить свой язык.

— Оу, — он бросает рогалики назад в ящик и закрывает его.— Ладно. Ну, думаю, я просто отведу тебя назад в спальню, и затем я собираюсь лечь спать. Может, мы можем попробовать утром снова.

— Что попробовать снова, Винсент? Чего именно ты от меня ожидаешь? Я влюблена в твоего брата. Как ты вообще можешь ожидать, что я забуду это? Только то, что ты выглядишь, как он, не делает тебя им. Людей нельзя взаимозаменить. И мне жаль, что ты был обещан мне. Это он меня нашел. Он пришел за мной. Он тот, кто заклеил меня. И я позволила ему. Так что никакое количество вина или ужинов не отменит тот факт, что ты пришел в мою жизнь слишком поздно.

Он указывает мне выходить из кухни и выключает свет, когда мы покидаем ее. Возвращение назад в спальню наполнено молчанием и тяжелым сожалением. Мне жаль, что я так грубо говорила с ним, и я уверена, что ему жаль, что его брат подрос к мне на пляж раньше. Но что я могу с этим поделать? Я не собираюсь бросать Джеймса до того, как у него появится хотя бы шанс поговорить со мной о том, что говорят эти люди. Это глупо.

Когда мы добираемся до комнаты Винсента, он входит со мной. Но прежде чем я могу возразить по поводу того, что он останется здесь на ночь, он поднимает руки.

— Не волнуйся. Я только возьму свои вещи и оставлю тебя одну.

И затем он поворачивается и уходит в свою гардеробную.

Несколько минут спустя он появляется с охапкой одежды и дарит мне улыбку.

— Спокойной ночи, Харпер. Надеюсь, ты мирно поспишь.

Он прикрывает дверь за собой, и наконец-то я остаюсь одна.

Я с облегчением выдыхаю воздух, наполняющий грудь, и высвобождаюсь из платья. Я вешаю его, восхищаясь изделием, пока возвращаю на место. Оно очень красивое. Я должна была подольше посмотреть на себя в зеркало, чтобы запомнить его. Сомневаюсь, что у меня будет много возможностей, для которых нужно будет раздеться, когда Джеймс вернется за мной.

Я вытряхиваю меланхолию из мыслей и выбираю майку и пару мягких шортов, в которых буду спать. Как только умываюсь и чищу зубы новой зубной щеткой, которую достала только что из упаковки, забираюсь в постель. Ожидаю, что простыни будут пахнуть Винсентом. Его одеколоном. Но не чувствую запаха. Они пахнут стиральным порошком. Он постелил для меня новые простыни.

Ну и денек, — думаю я, когда опускаю голову на мягкую подушку. В моем желудке пусто и урчит, но веки тяжелые, и в итоге они выигрывают битву. Потому что как только я закрываю глаза, во сне я снова вижу Ника. Приближение нашего дня рождения. Сашу и уютные дома в пустыне, вроде дома Мерка.

И моя жизнь наполнена Джеймсом Финичи.

Потому что жизнь без него не стоит того, чтобы ее прожить.

Нет ничего, что могло бы заменить моего Джеймса.

Глава 19

Харпер

Когда я просыпаюсь утром, то не имею понятия, что с собой делать. Лежа в кровати и обдумывая события, через которые я прошла за последние несколько дней, я понимаю, что жду появления Винсента, который скажет мне, что делать.

Как только эта мысль вторгается в мой мозг, телефон на столике рядом начинает звонить.

Я смотрю на него. Ответить ли мне? Я даже оглядываюсь, чтобы посмотреть, не ворвется ли Винсент в комнату, но он этого не делает. Я считаю звонки, и когда насчитываю семь, то понимаю, что автоответчика нет. Я поднимаю трубку, чтобы просто прекратить звук.

— Алло?

Слышу множество звуков на фоне.

— Харп? — спрашивает Ник, звуча очень отдаленно.

— Ник? О боже, это ты?

— Это я, — отвечает он через грохот транспорта. — Это я!

— Где ты? Откуда ты знаешь, что я здесь?

— Винсент звонил мне прошлой ночью. Он сказал, что у тебя некоторые проблемы с адаптацией...

Я прекращаю слушать. Винсент звонил ему? Звонил ему? Вроде как... просто набрал несколько номеров, и вуаля — связался с моим братом, который считается пропавшим в течение года?

— Харпер?

— Да, — отвечаю я. — Прости, я не услышала.

— Я сказал, что он переживал о тебе. И как время, проведенное с Тетом, повлияло на тебя.

— Мое время с Тетом. — Ник продолжает говорить, но я ничего не слышу. Он знал. Он знал, что я была с Джеймсом. И Саша тоже знала, где он был. Он ездил увидеть ее. И мой отец знал, что Джеймс был со мной, они связывались, и поэтому Джеймс оставил меня на яхте.

— Харпер? Ты все еще там?

Каким-то образом все эти ниточки связаны. Они торчат в разные стороны, но как-то, все между собой имеет связь. Я просто пока не могу понять какую.

— Харпер! — в этот раз он кричит на меня.

— Прости, — быстро отвечаю я. — Думаю, я потерялась на секунду. Линия затихла. Скажи еще раз.

— Я говорил, что тебе нужно держаться подальше от Тета.

— Почему? — мое сердце бьется так быстро, что становится тяжело дышать.

— Послушай, Харп. Тет — на задании, только он не знает этого. Они промыли ему мозг несколько лет назад, Харпер. Тебе нужно держаться подальше, как можно дальше от него, ты понимаешь?

— На каком задании? — думаю, я звучу истерично.

— Я знаю, что ты неверишь мне, но его запрограммировали. Они все запрограммированы. Ты понимаешь? Все наемные убийцы запрограммированы. Им промывают мозг, когда те еще молоды. И так они растут. Им говорят вещи, чтобы сделать их верными, а затем, когда им исполняется шестнадцать, программирование активируется, и они становятся наемниками.

— Но ты...

— Я никогда не был запрограммирован, и ты знаешь это, *сестра*. Я был с тобой. Мы — другие. Мы — дети Адмирала. У нас обоих есть роль, которую нам нужно сыграть, но у меня нет времени, чтобы рассказать об этом сейчас. Мне нужно вернуться назад на дорогу. Я должен был сказать тебе, что Тет — опасен. Знаю, что сейчас, наверное, ты думаешь о том, кому доверять, но, *сестра*, — использование Ником формального «сестра» останавливает мою панику и заставляет слушать. Он всегда получал мое внимание таким образом, когда мы были младше, потому что ему нельзя было называть меня по имени в присутствии других. «*Сестра*», — называл меня он. Это означало, что нас слышали. — Ты должна доверять мне. Слушай Винсента. Пожалуйста. Он говорит тебе правду. Я еду, чтобы встретиться с тобой.

— Когда? — перебиваю я. — Когда ты будешь здесь?

— Через два дня, хорошо? Просто продержись два дня, и я все объясню. Но сейчас, Харп, пожалуйста, послушай Винсента. Дай ему шанс и позволь позаботиться обо всем. Просто расслабься. Сейчас ты в большей безопасности, чем была раньше. Ты с ним в большей безопасности, чем даже с отцом. Хорошо?

— Хорошо, — я просто отвечаю ему. Но он принимает это за завершение разговора и вешает трубку. Звук транспорта обрывается, и на его месте вырастает тишина.

Я пялюсь на телефон.

Мне только что звонил мой брат. *Запомни все это, Харпер. Запомни все. Тету промыли мозг. Тет опасен. Тет на задании. Винсент — хороший. Ник будет здесь через два дня.*

Сестра.

Есть только одно слово, которое имеет значение.

Я кладу трубку и буквально падаю назад на подушки. Какая часть из этого правда? А что всего лишь прикрытие для того, что он планирует?

Я смотрю на телефон и усаживаюсь в кровати с идеей. Я сама могу позвонить Джеймсу. У меня есть его номер. Я тянусь к телефону, когда в дверь стучат.

Бл*дь.

— Да?

Она осторожно открывается, и Винсент просовывает голову в щель.

— Я слышал телефон. Кто это был?

— Ник, — отвечаю я, свешивая ноги с кровати. Винсент смотрит на них мгновение, прежде чем перевести взгляд на мое лицо. — Он сказал, что ты звонил ему вчера.

Винсент открывает дверь полностью и входит в комнату, закрывая ее за собой. Он улыбается мне пока идет к кровати и садится так близко, что наши ноги соприкасаются.

— Звонил. Я переживал о тебе. Переживал о влиянии Тета на тебя. И за то, что он тебе рассказал.

— Рассказал мне о чем?

— Обо всем. Все, что он говорил, ложь, Харпер. Он ничего не может с этим поделать. Вся его жизнь — ложь. Ложь удерживает его в живых. Он всего лишь продукт более десятка лет лжи и секретов. Он убил сотни людей. Он подрывал правительства. Ради Бога, Харпер,

он убил собственного брата. Это должно тебя беспокоить. Даже если ты думаешь, что у него были веские причины на это.

Я начинаю говорить, но застываю с открытым ртом. Вместо того чтобы защитить Джеймса, слова застают меня врасплох.

— Я знаю, — произносит Винсент, — это ужасно. Ужасно то, что они с ним сделали. Но, Харпер, он выбрал эту жизнь. Ты должна понять это.

— А ты выбрал эту, — безучастно говорю я.

— Я не выбирал. Он это сделал. Он выбрал ее за меня, став Шесть. Я всегда был во власти...

— Подожди. Контроль. Это твое кодовое имя?

— Кодовое имя? — он странно смотрит на меня.

— Твое кодовое имя. Ты знаешь, от Организации.

— Я не знаю, о чем ты говоришь. У меня нет кодового имени.

Точно. Секреты. Но контроль. Это и существительное, и глагол (прим. пер. — в английском языке слово «*control*» является и существительным, и глаголом — «*иметь власть, управлять*» и «*власть, контроль*».) И то, как Винсент использовал его, это отчасти означает...

— Харпер? — рычит он. — Ты меня слушаешь?

«Приходи» тоже может быть и существительным, и глаголом (прим. пер. — «*come*» в английском может быть глаголом «*приходить*» или «*кончатся*», а также существительным в значении «*высший момент удовольствия*»). Но — я давлюсь смешком про себя — единственный раз, когда его можно использовать в качестве существительного, касается спермы.

— Я слушаю.

— Что сказал Ник?

Я смотрю на него с подозрением.

— Ты знаешь, что он сказал. Ты практически сказал ему позвонить мне и сказать мне эти вещи.

— Я попросил его позвонить тебе. Сказал, что переживал из-за влияния Тета на тебя. И у меня было право переживать, потому что вчера, прямо перед тем, как ты позвонила ему, он пытался убить Ника, взорвав дом, в котором они находились.

Я отворачиваюсь.

— Что? — Он был с Ником? — Зачем ему это делать?

— Ему не нужна причина, Харпер. Он хладнокровный убийца.

Мы все здесь хладнокровные.

— ...он безумен. Несколько лет назад в него была запрограммирована какая-то тайная месть, и он начинает воплощать ее. Он не прошел свой последний тест на психическую уравновешенность. После того как он убил своего брата, но провалил тест, на него объявлена охота.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что?

— Да. На него объявлена охота, но наемник струсила. Если бы она сделала свою работу...

Она?

— ...нам бы не пришлось сходить с ума от паранойи прямо сейчас.

— В Организации есть девушка-наемник?

Винсент смеется.

— И это твой вопрос? После всего, что я тебе только что сказал? Это твой вопрос?

— Кто эта наемница?

— Я, — мягкий голос доносится со стороны открытой двери. Молодая женщина, пожалуй, моего возраста, заходит в комнату. У нее длинные темные волосы, а глаза — зеленого блестящего цвета. — Я наемница, назначенная убить Джеймса.

— И кто ты такая? — спрашиваю я с явным раздражением.

— Сестра Винсента.

Я смотрю на Винсента.

— Она — пропавшая сестра Джеймса? Та, которую, он думает, похитили?

Винсент вздыхает, слегка качая головой. Будто он пытался объяснить мне что-то. Или, может, если быть более точной, устал объяснять мне то, что говорил Джеймс.

— Харпер, позволь мне представить тебе мою сестру, Николу. Это Харпер Тейт.

— Рада знакомству, — отвечает она в раздражительной манере, и мне хочется ударить ее по лицу. — Тет знает, где я. Точнее, где я была. Я встречалась с ним несколько раз, пока он рос. Мы проводили вместе праздники после того, как меня... отослали. И я провела первые шесть лет жизни, будучи его сестрой, а не Винсента. Но, к сожалению, память Тета, — она заменяет слова взглядом, полным грусти, и качает головой. — Его воспоминания настолько спутаны в эти дни, что он не имеет понятия, где верх, а где низ.

Она лжет. Я это чувствую. Я встаю и иду к окну. Сегодня прекрасный день и сейчас светло, я вижу Тихий океан. Виднеется небольшая группка прилегающих домов, которые окружают линию леса на территории этого поместья. Это тоже поместья, но не такие большие, как это. Из окна я также вижу пришвартованные лодки. Они зывают ко мне, подобного я не чувствовала уже давно. Мне нравится вид.

— Я не верю тебе.

— А чему здесь не верить? Он живет от момента к моменту, — Никола становится рядом со мной. Она подобралась тихо и быстро. Я уверена, как и большинство наемников. — Я имею в виду, с какой частью у тебя проблемы? Может, я могу прояснить.

Слова Джеймса в пустыне, после того как он трахнул меня в уборной, всплывают в голове. *Иногда просто нужно воспользоваться и насладиться моментом. Я не могу знать, когда жизнь решит устроить нам «резкий поворот», поэтому веду себя соответственно.*

Это звучит весьма похоже на Джеймса.

— Я тоже его любила, Харпер Тейт. Я очень сильно его любила. Он был хорошим братом, когда я была маленькой. Он научил меня ездить на велосипеде. Плавать. И определять время по часам. Я привыкла называть его Тук-Тук.

То послание на телефоне в пустыне. *Тук-Тук.* Сообщение, которое пришло на телефон, который я нашла в маленьком зимнем саду Джеймса. *Тук-Тук.* Это была она. Никола. Она отправила сообщение.

Мы скоро поговорим. Не забывай, почему все это происходит.

Что происходит? Очевидно, Никола не была похитителем Саши, потому что я убила того парня, когда свернула ему шею. Но Никола видела того человека, потому что это она отправила то сообщение.

— ...ты знаешь, Харпер, что все это правда. Глубоко внутри ты знаешь, что то, что мы говорим, правда.

Она права. Ничего из сказанного ими не удивляет. Он сумасшедший? Может быть. Вероятно, немного, по крайней мере. Он делал ужасающие вещи. И у меня на самом деле нет проблем с тем, чтобы представить, что он сделал все те вещи, о которых они говорят.

Кроме того, когда дело касается меня.

У меня галлюцинации? Я уплываю в ту сказочную страну, где женщины вводят себя в заблуждение тем, что их похититель — хороший парень? Как это называют? Стокгольмский синдром? У меня он есть? Джеймс похитил меня, не зная, и затем промыл мне мозг сексом, чтобы я была податливой?

Это именно то, что он и сделал. Он поцеловал меня. Под пирсом. Будто *клеймил меня*. Черт, он даже раз или два использовал это слово.

Я поворачиваюсь и быстро иду к кровати, чтобы сесть, пока не потеряла сознание.

— Никола, — произносит Винсент. — Пожалуйста, можешь оставить нас ненадолго?

Я поднимаю голову и вижу сожаление на ее лице, когда она смотрит на своего брата, а затем кивает ему и выходит.

— Харпер, — Винсент звучит устало. Я задаюсь вопросом, удалось ли ему поспать прошлой ночью. — Мне жаль, хорошо? Не знаю, насколько это важно для тебя, но мне жаль, что ты должна услышать это. Я знаю, ты думаешь, что любишь его, но он использовал тебя. С момента, когда увидел тебя на пляже, он строил схему. Спроси сама себя, Харпер. Зачем ему отвозить тебя обратно к отцу, если он любит тебя и хотел оставить для себя? Зачем?

Я не думаю, что это на самом деле вопрос, так что ничего не говорю.

— Он передал тебя обратно, потому что Адмирал нанял его сделать это. Для него ты — задание. Адмирал хотел оставить тебя в покое на пляже. Все знали, где ты, Харпер. Какими глупцами ты нас считаешь? Но постоянный приказ был наблюдать за тобой и не приближаться. А затем Тет сошел с ума и убил Ци.

— Кто такой Ци?

— Я имею в виду Тони. Нашего брата Тони. Номер Пять. У нас всех есть визитные карточки, которые связаны с методом убийства. Тони был Ци из-за цианида. Это была его визитная карточка для убийств, если ему немедленно нужно было убить человека. Он отравлял их цианидом.

Извращение. И Джеймс говорил, что его яд связан с каким-то «тет». Что-то с тетро. Яд рыбы фугу.

— Подожди. Ты сказал, что ты не наемник.

— Я и не наемник.

— Но ты сказал, у нас есть визитные карточки. И я спрашивала тебя, какое у тебя кодовое имя, а ты сделал из меня дурочку.

Он поднимает руки.

— Я солгал, ладно? Нам не разрешено говорить об этом. Даже тебе.

— Так ты являешься наемником?

— Нет. Я сказал тебе, я — контроль.

— Так Контроль — твое кодовое имя?

— Я не могу сказать, Харпер. Не могу сказать.

— И ты знаешь, какое у меня кодовое имя?

— У тебя его нет. Ты просто девушка.

— Никола тоже девушка, но у нее, очевидно, есть кодовое имя. Какой у нее номер?

— Два. Она — номер Два.

— Так если она девушка и наемник, и у нее есть кодовое имя, почему ты думаешь, что у меня его нет?

Он смотрит на меня с грустью. Сердце пропускает удар от этого взгляда. Он говорит так много без слов, что мне приходится ухватить немного воздуха, пока я не забыла, как дышать.

— Потому что, если бы у тебя на самом деле было кодовое имя, Харпер, тогда ты тоже была бы частью игры. А это означало бы, что мы в большей опасности, чем я изначально думал.

Глава 20

Харпер

Я остаюсь в комнате целый день, думая о словах Винсента. Правда ли, что у девушек нет кодовых имен? Мне стоит быть честной, я никогда не думала об этом прежде. У меня всегда было кодовое имя. Это не то, что придумали между собой мы с Ником. Отец сказал мне сделать это. Он предупредил меня о неразглашении имен. Сказал, что кодовое имя самая значимая вещь, что у меня есть. Что просто... какого хера? Кто вообще говорит подобное маленькому ребенку?

Я никогда и никому не должна была говорить. Конечно же, Нику я сказала. А он назвал мне свое. Но у него была жизнь наемника. Он был Одиннадцать. Это всегда был он. Мы привыкли шутить о том, что в один прекрасный день он выбьет одну цифру и станет агентом Один. Он всегда хотел быть Один.

А я была Приходи.

Джеймс — Шесть. И Тет.

Саша была... она никогда не говорила мне. Хммм. Может, тогда у нее не было кодового имени? Может, это правда, что у девушек его нет.

Приходи.

Приди сюда. Вернись. Иди ко мне. Появление. Так много способов передать значение слова. Но просто Приходи? Не знаю. Я не понимаю этого.

Приходи... Оно должно что-то значить.

Стук в дверь вытягивает меня из моих мыслей.

— Входи, — произношу я, а затем качаю головой. Видите, у меня много возможностей.

— Прости, — начинает Винсент. — Я просто собирался на пляж и хотел поинтересоваться, не хотела бы ты присоединиться ко мне.

— Пляж. Эммм... — очень тяжело сказать «нет» пляжу. А я просидела взаперти в гостевой комнате весь день. Винсент — человек слова. Он сказал кому-то подготовить комнату для меня дальше по коридору. Даже моя новая одежда висит на вешалках в гардеробной. В этот раз я, и правда, видела прислугу, но они не настроены на дружелюбность. По факту, я не думаю, что кто-то из них говорит по-английски. — Конечно.

Его лицо загорается от моего ответа.

— Отлично. Я соберу немного еды, чтобы мы могли пообедать там. Спускайся вниз, когда будешь готова.

Я улыбаюсь, когда он уходит. *Спускайся вниз* (прим. пер. — «спускаться вниз» — *come downstairs*).

Само слово подразумевает движение к чему-то. Или... может быть, назад к чему-то. Я

качаю головой и встаю, чтобы найти цельный купальник в гардеробной, копаясь в своих мыслях. Из того, что я знаю, кодовые имена не имеют определенного значения. Это всего лишь форма слова, которое имеет значение. Глагол — ты никто. Существительное — ты немного больше, чем никто. Ранг — ты некто. А номера означают, что ты — хладнокровный убийца.

Джеймс.

Ник.

И это заставляет меня остановиться, пока я рыскаю по ящикам в поисках цельного купальника, чтобы я могла не чувствовать себя слишком раскрытой перед Винсентом. Чем Ник отличается от Джеймса?

Ничем. Кроме того, что он — мой брат. Мой близнец.

Но... я смотрю на дверь. Винсент — близнец Джеймса. И предельно ясно, что они не на одной стороне. Не думаю, что дело в том, кому достанусь я. Я не так много значу, чтобы все вертелось вокруг меня.

Я думаю, они были рождены для разных целей.

Как мы с Ником.

Я была рождена, чтобы стать разменной монетой. Чтобы привлечь союзников для Организации. Как принцесса в Старой Европе. Чтобы укрепить отношения. Вот поэтому я никогда не купилась на тот факт, что Джеймс на самом деле был моим обещанием. В этом никогда не было смысла. Но Винсент? В этом был смысл. Он тот тип мужчины, за которого мой отец выдал бы меня замуж. Он богат, благороден, и, кажется, живет в настоящем мире, противоположном тому, в котором живет Джеймс.

Думаю, в итоге у нас есть что-то общее.

Я переодеваюсь в цельный купальник и натягиваю майку и шорты поверх него, затем скольжу в сандалии. Когда спускаюсь вниз, нахожу Винсента на улице с пивом и за чтением газеты.

— Готова? — спрашивает он, складывая газету и отодвигая ее в сторону.

— Мое кодовое имя Приходи. Я хочу знать твое.

Он пялится на меня мгновение. Мы не должны говорить об этом, но мне плевать.

— Харпер, — начинает он, качая головой. — Ты знаешь, что я не могу сказать тебе. И ты не должна говорить мне свое.

— Что это значит? Приходи? Я знаю, что они не должны иметь много значений. Но у меня такое чувство, будто имеют. Что оно означает? — в этот раз я словно задаю риторический вопрос. Почти думаю вслух. Поэтому, когда Винсент открывает рот, я застигнута врасплох.

— Это призыв к действию, которое ты должна сделать на свое восемнадцатилетие.

— Что? — Я просто пялюсь на него, как идиотка.

— Приходи. Это указание, правильно? Приходи увидеть мою дочь. Приходи посмотреть на ее вклад в общество. Приходи увидеть, как я положу свою верность превыше семьи. Приходи увидеть мою жертву.

— Ты выдумал это.

Он пожимает плечами, когда встает.

— Кое-что из этого. Я не помню точных слов из приглашения.

— Что? — Я кладу ладонь на сердце.

Винсент пересекает несколько ступенек между нами и берет мою ладонь.

— Приглашение на вечеринку в прошлом году. Это было указание. Я имею в виду, я понятия не имел, что это твое кодовое имя, так что принял это за то, чем оно было. Но я получил приглашение в ту ночь. И мне было сказано ждать до следующего дня. Неплохо, не так ли? — смеется он. — Если бы поехал, сейчас я был бы мертв.

А затем мои собственные слова возвращаются ко мне. Когда я сказала Джеймсу, что знала, что он — мое обещание, я сделала это по-другому. Не убив никого.

Я поднимаю глаза на Винсента и задаюсь вопросом... Хотела бы я так отчаянно уйти, если бы увидела его в тот день? Если бы знала, что могла уехать с ним в тот вечер, вернуться домой или на яхту, или куда угодно?

— Я бы не проходила через все это, если бы увидела тебя тогда, Винсент.

— Нет? — он широко улыбается и берет мою руку. — Приятно это знать.

А затем мы идем в тишине вниз по тропинке, ведущей на пляж.

Но я не могу перестать думать о словах Джеймса. Что мой отец использовал меня, чтобы убить всех важных людей в тот день. Что Ник преподнес мне идею с Визином, чтобы убить их, а мой отец так и не пил воду тогда.

Джеймс сказал, что Ник его предупредил.

А я считала это абсурдом, поскольку Адмирал все это время был нашим врагом. Мы пытались сбежать от него.

Разве не так?

Я до сих пор думаю об этом, пока мы взбирается по ступенькам, ведущим на пляж.

Я сканирую горизонт, но скалы с обеих сторон мешают мне это сделать. Будто мы внутри какой-то пещеры, которая на четверть мили скрывает этот пляж и пристань для яхт от сильного течения Тихого океана.

— Где твоя яхта?

— Стоит на якоре подальше от глаз, вон там, — отвечает он, указывая на юг. — Эта пристань только для маленьких лодок.

— Оу. Может, мы можем взять посыльный катер и позависать там?

— Не сегодня, милая. Мы устроим пикник на пляже, если ты не против.

Милая? Я хмурюсь. Мы продолжаем путь, пока наконец-то не достигаем песка.

Я тут же снимаю сандалии и раздеваюсь, дикая девчонка-сорванец во мне берет верх, когда я получаю удовольствие от песка под моими пальцами на ногах. Когда я смотрю вверх на Винсента, он улыбается.

— Я слышал слухи.

— Какие слухи? — спрашиваю я, падая на песок и протягивая ноги под поздним солнцем.

— О твоей дикой натуре на пляже.

Я давлюсь смешком от его характеристики, когда Винсент снимает рубашку.

Пресвятой Боже. Я не могу оторвать от него глаз. Его грудные мышцы в точности, как у Джеймса. Он замечает, когда я пялюсь на него, но я не отворачиваюсь, как и он.

— Я не плох, да? От тебя тоже тяжело оторвать взгляд. Но... — он окидывает мое тело в цельном купальнике, — я бы предпочел, чтобы ты надевала бикини, когда мы на нашем частном пляже.

— *Нашем* пляже? — я ухмыляюсь ему. — Ты опережаешь сам себя, не думаешь?

А затем он оказывает сверху на мне, заставляя мое тело откинуться назад на горячий песок, вдавливаясь грудью в мою, а его рот приближается все ближе и ближе к моему, с

каждой проходящей секундой.

— Это твой пляж, Харпер. Это твой дом. Я — твое будущее. Не Джеймс. И все, что тебе нужно сделать, — это дать мне одну ночь. Сегодня. Дай мне всего лишь одну ночь, чтобы я показал тебе, что я — идеальный мужчина для тебя.

Я могу только смотреть на него. Он не наваливается настолько, чтобы затруднить мое дыхание, но мне все равно тяжело дышать.

— Я не могу, — наконец-то получается прошептать.

— Можешь, — шепчет он в ответ. Он разводит ноги, так что теперь садится на мои бедра. — Ты можешь, Харпер. Все, что тебе нужно сделать, это разрешить мне.

— Разрешить тебе что?

— Для начала поцеловать тебя.

— Ты уже целовал меня.

— Я украл тот поцелуй. Следующий должен быть подарком. Потому что я хочу поцеловать тебя, вложив в поцелуй все, что я имею в виду. А такой я украсть не могу. Я не хочу, чтобы он был неожиданным или чем-то, что застанет тебя врасплох. Я хочу, чтобы у него была цель, чтобы он был желанным, и ты ответила мне. — Мы палимся друг на друга несколько секунд, и затем он скатывается с меня и садится так же, как и я, вытягивая ноги на горячем песке. Он опирается на локти и смотрит в небо. — Хотя не спеши. Я могу подождать.

Затем он подпрыгивает на ноги, бежит по пляжу и скрывается в волнах. Я сажусь, поэтому могу видеть его. И я наблюдаю за этим красивым атлетическим телом, когда он ныряет и исчезает.

Он так сильно похож на Джеймса. По факту, он милее Джеймса. Он терпеливее, и он хочет моего разрешения.

Джеймс брал. Он брал меня так, как хотел, и никогда ни о чем не спрашивал. Он просто предполагал, что я принадлежу ему, потому что... потому что он думал, что мой отец отдал меня ему еще маленькой девочкой.

Винсент появляется среди волн и плывет дальше в море. Думаю, он сильный пловец. Сильный, потому что плыть в открытое море — не то, что кто-то может сделать, а Джеймс делает это...

Погодите. Не Джеймс. *Винсент*. Винсент делает это без труда. Милый Боже, я начинаю их путать.

Я наблюдаю за тем, как он плывет, и, когда возвращается, больше никто не вспоминает о поцелуе. Мы едим нашу еду, собранную для пикника, и наблюдаем за закатом над океаном. Винсент болтает, и я думаю об этом теперь, сидя на пледе и пытаюсь вспомнить вещи, которые заставили меня принадлежать Джеймсу, а не Винсенту, и это одна из них.

Закаты.

Мои закаты принадлежат Джеймсу.

Глава 21

Харпер

На следующий день я иду на пляж сама. Винсент чем-то занят. Я даже не уверена, что он делает, но он оставил записку на прикроватном столике, в которой сказал, что его не

будет, и мне можно развлекать себя самой целый день.

Никаких ограничений. Никакого сопровождения. Никаких правил.

Странно.

Так что я на пристани для яхт, смотрю на море. Вдалеке виднеется лодка, но по опыту могу сказать, что это на самом деле. Мегаяхта. По верхушке вижу, что на ней есть взлетно-посадочная площадка для вертолета, так что предполагаю, что на этой самой яхте мы прибыли сюда.

Я смотрю на маленькие лодки, пришвартованные небольшими рядами. Их немного, это маленькая пристань. Не осознавая, я начинаю идти. Док — металлический, и я слышу шлепки своих стоп, пока иду вдоль всего него, осматривая каждую лодку. Я знаю, как выглядит посыльный катер. То есть они бывают всех размеров и форм, но я хорошо помню, как выглядел тот, который мы взяли, чтобы добраться с яхты отца до яхты Винсента. Он был большим. Таким, в котором поместится много людей. И в нем была кабина для рулевого.

Взглядом сканирую доступные лодки, пока не останавливаюсь на одной в конце дока. Я иду к ней и читаю название: «Нелегальный тендер». Мило. Но очень красноречиво. Это хороший посыльный катер. И означает, что он принадлежит яхте, которая стоит на якоре за пределами береговой линии. Я ступаю внутрь и осматриваю его. Глаза тут же следуют к панели управления. К зажиганию. К ящику с ключом, встроенному в борт лодки. Я открываю его, и вот он — ключ. По крайней мере, один. Это то место, где мы храним наши ключи, когда пришвартовываемся в частном секторе. Так что думаю, кем бы ни был человек, который сейчас на том корабле, он имеет что-то общее с моей семьей.

Кроме меня, конечно же.

Я смотрю назад на пляж, а затем на верхушку крыши поместья, которая едва видна с такого маленького угла. Я сажусь на место рулевого и завожу лодку.

Она мурчит.

Я улыбаюсь.

Боже, я соскучилась по воде. Пляж — не то же самое. Выпрыгиваю, отвязываю лодку, затем занимаю свое место и выруливаю на ней в открытое море. Течение в Тихом океане сильное, а волны манят, но у меня есть время. Так что я не тороплюсь. Просто обыденно виляю к яхте. Понадобилось немало времени, чтобы достаточно приблизиться и увидеть ее название — «Едва ли легально», еще один весьма красноречивый знак о том, что это люди из Организации, — а затем несколько минут спустя я вижу члена команды, ожидающего меня в гараже.

У мегаяхт всегда есть посыльный катер. Это транспорт с рулевым, используемый для переправки пассажиров на берег. У наших яхт вообще-то было два таких, но это были парусные судна, а на том, с которого я сбежала в прошлом году, был один. Быстрый взгляд на гараж дает мне понять, что он рассчитан на два катера, но на борту сейчас нет ни одного.

Рабочий ничего мне не говорит, пока привязывает катер, но я все равно его игнорирую. Я выросла с прислугой вокруг себя и научилась их с легкостью игнорировать. Не из-за самовлюбленности, а потому что это было правилом. Мне не позволялось разговаривать с людьми, несмотря на их статус, и это было тем, что я принимала всерьез. Джеймс даже имени моего не знал, пока я не сказала ему в то утро под пирсом. Он спрашивал меня тогда на пляже, когда стал Шестым, но я сохранила его в секрете, как и должна была.

Вообще-то — мои мысли путаются, пока я проделываю путь через гараж к входу в головную часть корабля — Ник видел, что я рисовала на песке. Я пыталась намекнуть

Джеймсу, так что рисовала все музыкальные инструменты, которые могла вспомнить. Последней была арфа, и я надеялась, он угадает мое имя, когда посмотрит на нее.

Но пришел Ник, назвал меня «сестра», что означало, что он был зол. А затем он прогнал меня от Джеймса назад на яхту.

Где я продолжила проводить день не с Джеймсом, как я думала, а с Винсентом.

Я не могла увидеть разницу.

Конечно, мне же было шесть.

Я открываю затвор и вхожу на яхту. Там лестница, так что я взбираюсь, потому что хорошо знаю, что не найду владельца внизу. На еще один этаж наверху тоже ведет лестница, я взбираюсь и по ней. На этом этаже есть палубы. Но нет той, что я ищу. Так что я поднимаюсь дальше наверх еще на один уровень. Это та еще огромная лодка.

Я слышу мягкую музыку, играющую со стороны бара и, когда ступаю на палубу, вижу, как открывается сходной люк в комнату, уставленную гламурной современной мебелью.

— Вот и она, — женский голос слева застает меня врасплох. Она среднего возраста, может, за пятьдесят. У нее темные волосы, высоко заколотые в экстравагантную прическу, которая контрастирует с пляжным нарядом. Она опускает свои солнцезащитные очки по носу и пялится на меня изумрудно-зелеными глазами.

Так они получили их от своей матери, — думаю я про себя, когда она встает и протягивает руку, двигаясь на меня.

— Харпер Тейт, — воркует она, ожидая, что я пожму ей руку. Я делаю это на автопилоте, и ее хватка такая мягкая, как и кожа ладони. — Наконец-то мы можем лицезреть золотое дитя.

Я делаю шаг назад.

— Простите, — вежливо отвечаю я. — Я здесь только помеха.

— Оу, — снова воркует мать. — Альберт, я на самом деле думаю, что твой сын пренебрег своими манерами, — она смотрит мне через плечо, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть Альберта.

Я так рада, что стою спиной к матери, потому что Альберт — старик в инвалидном кресле, пускающий слюни. Его голова склонена к плечу, а руки прикреплены на подлокотниках кресла с помощью липучек.

На нем слюнявчик.

Это. Отец. Джеймса.

Должностное лицо семьи Организации. И из того, что говорил мой отец, только эта семья соперничает с нашей по рангу. Верхушка Организации, как он называл моих будущих детей.

Я смотрю обратно на мать и снова сканирую ее взглядом, видя на это раз, какая она на самом деле. *Настоящая* глава глобального теневого правительства. Женщина, которая не только обменивает жизни девочек, но и отправляет своих сыновей убивать по команде.

— Мистер Альберт Финичи, — начинает она, когда наблюдает за мной. — А теперь скажи мне, что я могу для тебя сделать? — Если мое сраженное наповал молчание заботит ее, она не подает виду. — О, давай же, Харпер. Расслабься. Теперь мы практически семья. Мне говорили, ты нервная девушка. Выпей со мной и посиди на диванчике, — она указывает на него, и я машинально бреду к месту.

Я не знаю, почему настолько застигнута врасплох. Я просто... поражена знанием, что во главе всего, за всеми этими зверствами стоит женщина.

— Как Винсент относится к тебе, дорогая? Хорошо? — Я не отвечаю. — И как твой отец? Сто лет его не видела, — она улыбается и позволяет себе слабый смешок, пока бросает кубики льда в бокал без ножки за баром. — Какой яд предпочитаешь?

— Что? — спрашиваю я в ответ, выходя из ступора.

— Твой напиток, дорогая. Что бы ты хотела выпить?

— Воду в бутылке, пожалуйста.

Она снова смеется и смело наливает мне что-то из бутылки. Но это не вода.

— Попробуй это, — она подходит ко мне, ее просвечивающийся халат развеивается за ней, а шпильки босоножек цокают по деревянной палубе. В конце концов, моя няня была права. Туфли на шпильках идеально приемлемы для корабля.

Я поднимаю руку в жесте, что не могу принять напиток.

— Не могу, простите. Я сегодня приняла «Ативан», а мне не стоит пить, когда я принимаю таблетки.

— Оу, — она по-новому смотрит на меня. Изучает меня. Будто пытается увидеть действие таблеток. Но спустя несколько секунд, относит напиток назад к бару и ставит его на каменную столешницу.

Думаю, тот яд, что она выбрала для меня, ей не по душе.

— Ты не любишь говорить, дорогая?

— Как? — это все, что у меня получается произнести.

— Что как? — она моргает, глядя на меня.

Я обдумываю свой выбор слов в данный момент.

— Как вы живете в мире с собой, зная, что вы отправили человека убивать?

Я могу сыграть в ее игру.

Ее улыбка исчезает, а челюсти сжимаются.

— Имеешь в виду, Джеймса? Или Тони? Или, может, ты о моей дочери Николе?

Или расположить ее к себе.

— Всех их.

— Это политика Организации, дорогая. Ты точно так же отправишь своих детей. Скоро, — произносит она, указывая своим бокалом на мой живот.

Или убить ее.

— Я могу сломать вашу шею прямо сейчас.

— Что?

— Просто свернуть ее, что я и сделала с наемником на грязном байке, который пытался украсть Сашу.

— Ты уверена, что знаешь, на какой ты стороне? На *чьей* ты стороне?

Знакомый звук вращения лопастей вертолета, приближаясь, вклинивается в наш разговор.

— Могу сделать это за то, что вы сделали с ним. Могу...

Я говорю больше и больше, но звук вертолета такой громкий, что крадет мои слова. Но я смотрю ей в лицо, и это все, что мне нужно. Я запомню страх, который она чувствует в этот момент, когда понимает, что недооценила меня. Когда понимает, что наполовину мертвый мужчина в инвалидном кресле не сможет спасти ее, если я решу положить конец ее террористическому правлению.

Яхта раскачивается из стороны в сторону, и она проливает свой напиток, потому что эти каблуки явно неподходящая обувь, и из-за них она спотыкается.

— Харпер, — Винсент кричит поверх грохота лопастей, хватаясь за края трапа и спрыгивая на палубу. Он пересекает ее и становится между мной и своей матерью. Его волосы растрепаны. По факту, он вообще в беспорядке. Рубашка расстегнута сверху, и на нем нет ни пиджака, ни галстука. Будто он только что выбрался из кровати.

Ублюдок. У него, вероятно, есть девушка в том доме, которая трахает его. Скорее всего, он провел день с ней.

— Идем, — настаивает он, наклоняясь к моему уху. Его хватка на моей руке ни на секунду не ослабляется. Она жесткая и крепкая. Второй рукой он берет меня за локоть, направляя мимо своей матери, пока мы преодолеваем путь к трапу, ведущему внутрь вертолета.

Ее рука делает выпад вперед, когда я прохожу мимо, и она выплескивает ледяное содержимое своего стакана мне в лицо.

— Прекрати это, — рычит Винсент, отталкивая ее назад, когда она приближается ко мне.

— Как смеет эта мелочная шлюха говорить мне подобные вещи!

Я ерзаю в стальной хватке Винсента, и мне удается вывернуться достаточно, чтобы прорычать ей:

— Сука. Ты та сука, которая заслуживает сдохнуть, что ты и сделаешь! Я убью тебя! Мать твою, я убью тебя!

Винсент фактически отрывает меня от земли и поднимает по трапу, затем ставит на ноги на третьей ступеньке и приказывает мне забираться внутрь.

Я исполняю. Но мое сердце стучит с бешеной скоростью. И когда меня ведут в вертолет, словно мы в военной зоне, я понимаю, что это не от страха.

Это от ненависти.

Вот как чувствуется ненависть.

Глава 22

Харпер

Возвращение назад к дому занимает всего лишь несколько минут. Мы даже не заботимся о том, чтобы надеть наушники. И по взгляду на лицо Винсента я понимаю, что он не в настроении разговаривать.

Я тоже.

Когда вертолет приземляется, Винсент подталкивает меня, чтобы я быстрее шла, и следует за мной. Он кладет руки мне на плечи и выводит из-под вращающихся лопастей.

Мы не говорим. Просто идем по тропинке к дому, и я жду, пока он откроет для меня дверь и предложит пройти вперед.

— Ты не хочешь рассказать мне, к чему было все это? — спрашивает, как только мы оказывается внутри.

Я не хочу думать об этом.

— Я устала.

— Очень плохо.

Я смотрю на него с презрительной улыбкой.

— Ага, очень плохо для тебя, если ты хочешь знать. Потому что я не настроена на

разговор.

Его челюсти сжимаются, но вместо того, чтобы продолжить схватку, он берет мою руку и ведет по коридору на кухню.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь поесть. — Мы останавливаемся у входа на кухню, и он ищет выключатель. После темноты дома свет кажется ослепительным. Я наклоняю голову и закрываю глаза, будучи слишком истощенной после конфронтации, чтобы заботиться о еде.

— Сядь, Харпер. Я что-нибудь приготовлю.

Я иду к островку из нержавеющей стали и сажусь на стул из такого же материала, когда Винсент шарит по кухне в поисках принадлежностей. Мои ноги так замерзли от металла, что я начинаю содрогаться.

— Я не голодна, Винсент. Я просто хочу пойти в постель.

— Ты очень скоро окажешься в постели. Но сначала мы поедим, — он пялится на набор кухонной утвари, которую набрал в ящике, а затем ищет что-то еще. — Скажи мне кое-что, Харпер.

— Что? — я сердито смотрю на его спину. — Я вообще не настроена на разговор, ладно? Тебе все равно не понравится ответ.

— Забудь о суке, которой является моя мать, — произносит он, вытаскивая вафельницу из шкафчика. — Скажи мне, почему я недостаточно хорош для тебя? — Он начинает отмерять некоторое количество муки и высыпает ее в миску. И пока он занимается этим, я изучаю его со спины. У него хорошо сложенная спина. Вижу, как работают мышцы под его белоснежной рубашкой. Он прерывает свое занятие, закатывает рукава, а затем вновь продолжает готовку. — Я выгляжу, как он. Звучу, как он, — его голос снижается на этом. Глубокий ропот, заставляющий меня сглотнуть. Потому что он выглядит и звучит чертовски похожим на Джеймса. — Я, черт возьми, милее, чем он. — После он прекращает готовить и смотрит через плечо. — Ты должна согласиться с этим.

Я пожимаю плечами.

— Джеймс тоже очень милый.

— Он — сумасшедший. Все они сумасшедшие. Он ушел в тот первый год убивать и вернулся поврежденным и непригодным для восстановления.

— Ты знаешь, что случилось? — Я прикусываю губу, неуверенная, на самом ли деле хочу знать.

— Все знают, что случилось.

— Все, кроме меня.

Он молчит, пока взбивает тесто, его движения неторопливые и взвешенные. Будто он приготовил множество вафель в своей жизни и просто знает, что делать. Рецепта рядом тоже нет. Он просто побросал некоторые ингредиенты в миску.

— Ты расскажешь мне?

— Ты правда хочешь знать? — Он снова смотрит на меня через плечо. — Я должен рассказать тебе. Тогда, может, ты изменишь свое мнение обо мне и согласишься на эту жизнь.

— Ты захочешь меня, если я соглашусь на нее?

— Я хочу тебя любым способом, каким могу получить, — он заканчивает смешивать и отставляет миску в сторону, поворачиваясь ко мне лицом. — Но нечестно брать тебя. Это нечестно по отношению к тебе и ко мне, и нечестно по отношению к нашим будущим детям.

Боже. Он красивый. Я не могу отрицать этого. Он так сильно похож на Джеймса.

— Не думаю, что изменю свое мнение, если буду знать, что с ним случилось. Думаю, это заставит меня любить его еще больше.

— Ха, — хмыкает Винсент, скрещивая руки на груди. — Сомневаюсь в том.

— Значит, расскажи. Может, это твой шанс расположить меня к себе.

Он сердито пялится на меня. Его взгляд словно сталь. Холодный и жесткий. Он не выглядит как мужчина, который пытался расположить меня к себе последние пару дней. Он выглядит мужчиной, которого я толкнула через его собственную границу. Будто конфронтация с его матерью была последней каплей.

— Двенадцать лет назад Джеймс Финичи отправился на задание в Центральную Америку и не вернулся.

— Он вернулся. Просто позже, чем все ожидали.

Но Винсент качает головой.

— Нет, Джеймс так и не вернулся. Вернулся Тет.

— Он — не два человека, Винсент. Он просто Джеймс.

— Ты права. Он — не два человека. Он просто Тет. Джеймс умер в той тюрьме в Гондурасе. Они морили его голодом. Не давали ему воды. Лишали основных удобств. Они запирали его в камере, места в которой хватало только чтобы вытянуться, и не хватало, чтобы стать в полный рост. А когда стало понятно, что Организация не собиралась вести переговоры о его возвращении, даже если он и был сыном одного из самых элитных членов, они сделали его рабом и пытали его.

Я застреваю на слове *раб*.

— Но у нас всех есть наставники, когда мы достигаем определенного возраста. И наставником Джеймса был Один. Человек, который пытался убить тебя на прошлой неделе, это тот самый человек, который спас Джеймса в том году. Это стало огромным долгом. Это ты понимаешь?

Я не прекращаю смотреть на Винсента. Не могу оторвать от него глаз. Мышцы его скрещенных рук сжимаются, даже если он пытается сохранять их расслабленными на груди. Он снова стискивает челюсти. Ладони сжаты в кулаки.

— Я не понимаю, Винсент. Я не знаю, что означает иметь огромный долг.

— Как и Джеймс не понимал.

Винсент поворачивается и начинает наливать тесто в вафельницу. Я наблюдаю за его работой, а затем, когда заканчивает, он закрывает крышку и нажимает на кнопку прежде, чем повернуться ко мне. Он выглядит немного спокойнее, но все равно очень напряженным.

— Это означает, что он обязан Один своей жизнью. Обязан своей верностью. Он всем ему обязан. Так что каждый раз, когда Один приходил к нему с просьбой, Джеймсу приходилось говорить «да».

Теперь мое сердце колотится быстрее.

— Чему он говорил «да»?

— Убийствам из мести. Поставкам наркотиков. Пыткам. И... — вафельница издает писк, и он поворачивается перевернуть ее.

— И чему еще?

— И... он хранил секреты. Секреты Один. Секреты, которые нужно раскрыть.

Я ожидаю, пока Винсент расскажет подробности, но он стоит ко мне спиной.

— Этого недостаточно, — обращаюсь я к его спине. — Этого недостаточно, чтобы

изменить мое мнение о нем.

— Это потому что у тебя нет подробностей, мисс Тейт, — он снова возвращает свое внимание на меня. — Подробности — это то, что меняет сердца и умы людей.

— Он рассказал мне, что убил сотни людей. Рассказал, что сделал все это. Но я тоже киллер. Ты знаешь это. Я не невинна. У меня есть секреты. Много секретов. Секреты с плохих людях.

— Джеймс Финичи — самый худший из этих людей, Харпер. Самый. Худший.

— Тогда какие секреты? Если зло в подробностях, значит, дай мне подробности.

Винсент вытаскивает вафлю из вафельницы и бросает ее на тарелку. Ароматный запах — сильный контраст с разговором между нами. Он ощущается сюрреалистичным. Он распределяет немного масла по маленькому узору в клеточку, а затем поливает кленовым сиропом сверху. Его пальцы тянутся к мешочку с сахарной пудрой, и он посыпает ее поверх сиропа, пока тот не становится покрыт белыми пятнышками.

Он подносит тарелку ко мне и ставит на металлическую столешницу со звоном, который эхом раскатывается по комнате.

— Вилку? — спрашивает он, протягивая мне ее.

— Спасибо, — я беру вилку и отламываю ею маленький кусочек вафли, пока он наклоняется над столешницей и наблюдает. Я подношу его ко рту, и по какой-то причине то, что я ем перед ним, волнует меня. Моя киска пульсирует на мгновение, пока я наслаждаюсь едой, и понимаю, что его взгляд сосредоточен на мне. Только на мне. — Ты не собираешься поесть?

Улыбка стирает напряжение разговора, и в ту же секунду он немного оживляется.

— Накорми меня.

И затем он посылает мне похотливую улыбку, от которой я снова чувствую, как растет пульсация.

Я накальваю еще один кусочек вафли и подношу к его губам.

— Расскажи мне секреты, которые хранил Джеймс.

Он открывает рот, и я кладу еду на его язык, не в силах смотреть на его губы, на то, как они обхватывают вилку. Я оттягиваю ее и напоминаю себе, как дышать.

Он указывает на тарелку.

— Как насчет того, чтобы я покормил тебя? Ты ешь — я говорю.

Я удивлена, что мне так легко удастся получить ответы, которые я ищу, но я не настроена спорить, так что киваю и передаю ему вилку.

Он отламывает кусочек вафли и подносит к моему рту. Я открываю рот для него, но в последнюю секунду он наклоняется и целует меня. На вкус он, как сироп и лакомство. На вкус он, как завтрак с кем-то, кого ты любишь. На вкус он, как жизнь, которую я себе хочу. Нормальная жизнь, без секретов. Я никогда не хотела секретов. Никогда не хотела знать их. Всю свою жизнь я убегала от фактов, и вот она я, выпрашиваю их.

— Тебе придется целовать меня после каждого секрета, — шепчет он в мой рот. — Тебе придется целовать меня, когда я расскажу тебе о некоторых вещах, иначе я не смогу сделать этого. — Затем он отодвигается назад и выдвигает вилку вперед. Открываю рот для еды, и он кладет ее мне на язык, пока я не захватываю ее зубами и начинаю жевать.

— Скажи «да» этому, Харпер Тейт, и я расскажу тебе все, что ты хочешь знать за цену поцелуя.

Кивок. Знаю, что поцелуй — это неправильно, но сейчас он не чувствуется

неправильным. Он чувствует себя правильным во всех смыслах.

— Ладно, — шепчу я ответ.

— Николу отдали, когда ей было шесть. И Джеймс был тем, кто передал ее, — Винсент наблюдает за моей реакцией, но все что я могу, — это смотреть ему в глаза. — Один знал, что он никогда не получит свое обещание, так что попросил Джеймса отдать ему свою сестру.

— Но... он сказал мне, что его мать и отец отдали ее. Он сказал мне...

— Он солгал, — прерывает он. Вот насколько могущественное это заявление. — Он много лжет, Харпер. Даже тебе. Особенно тебе. Он и себе тоже лжет. Блокнот был ложью, Харпер. Вымышленным, фальшивым мирком, в который он заставил себя поверить... потому что он не мог справиться с правдой.

Последние несколько слов слетают с уст мягко. Почти шепотом.

— Какой правдой, Винсент?

Он пялится на меня. Вероятно, обдумывая — настало время сказать правду или солгать. Затем он тяжело вздыхает, и я знаю, что сейчас последует правда.

— Правдой о том, что он получил то, что просил. Он выбрал ту жизнь, и получил все, что к ней прилагается.

— А его сестра? Какая правда о ней?

— Джеймс передал свою сестру, чтобы выплатить свой долг. Это секрет номер один, и я жду свой поцелуй, — Винсент наклоняется и касается моих губ своими. Мягко. Как и его слова. Нежно. Как и его прикосновение. Они не требовательные и не жесткие. Словно он просит прощение. — Ты не хочешь Джеймса. Ты хочешь Винсента.

Я отталкиваю его от себя и качаю головой.

— Он должен был знать, что о ней позаботятся. Что Один позаботится о ней.

Винсент пытается улыбнуться, но тщетно, так что он отламывает еще один кусочек вафли и скармливает его мне. Я медленно жую, пытаюсь выяснить, что мы здесь делаем.

— Ты хочешь больше?

— Да, — отвечаю я. — Если есть больше, я должна знать.

Он выпячивает подбородок немного вперед, будто это задевает его. Уверена, он рассчитывал на то, что вобьет клин между мной и моей любовью к Джеймсу, но это не может быть концом истории. Должно быть больше.

— Мне нужно услышать все, — произношу я. — Если все это было ложью, тогда мне нужна правда. Я не могу принимать решение, полагаясь на вранье.

— Я это знаю, — начинает он, снова глядя на еду. — Поэтому я здесь.

— Значит, расскажи мне остальное.

— Один тренировал ее драться. Он учил ее убивать. Учил лгать, красть и обманывать. Он превратил ее в одну из нас. Но прежде чем все это случилось, маленькую девочку нужно было успокоить. Ее вырвали из дома. Оторвали от семьи. Она ничего не делала, кроме как плакала неделями. Месяцами. И Джеймс был тем, кто привел ее в норму.

— Как? — Я рисую картину этой потерянной малышки, плачущей по своей семье, запертой где-то в темном и страшном месте.

— Он солгал ей, Харпер. Он лгал ей годы и годы. Говорил ей, как она отправится домой и увидит семью. Говорил, что она будет жить, как принцесса, если подчинится. Говорил все, что хотела услышать маленькая девочка.

— Сколько было Джеймсу, когда он сделал это?

Винсент пожимает плечами и, предположительно, считает годы.

— Это началось в шестнадцать и продолжалось, пока ему не исполнилось восемнадцать или девятнадцать.

— А затем в один прекрасный день мы с Николой встречаемся? Именно с ней?

Винсент пялится на меня, но ничего не говорит.

— Потому что, как по мне, выглядела она нормально. По факту, она говорила, словно самовлюбленная богатая девочка. Ты сказал, что она — наемник. Ей хорошо, полагаю. Как и Нику. Как и Джеймсу. Это просто работа, Винсент. Это то, что они всегда нам говорят? У всех в Организации есть задание. У меня есть задание. Я должна выйти за тебя и родить детей. Ты хоть спросил меня, хочу ли я детей? Что если я не хочу ходить на совещания директоров? Что если я хочу быть морским биологом? Или кинологом? Может, я бы предпочла быть кем угодно, только не этой девочкой, сидящей в этой тупой, похожей на ресторанную, кухне. Может, жизнь Николы лучше, потому что она наемник. Ты вообще спрашивал ее? Может, Джеймс сделал правильную вещь, отняв ее у той нечестивой матери. Ты хоть думал об этом?

Я пялюсь на него, и он улыбается, наклоняясь для поцелуя.

— Ты, и правда, рыба-лев, ты знаешь это? — А затем его язык скользит в мой рот, а его руки тянутся к моему затылку, удерживая меня на месте. Я открываю рот для него, отвечая на его просьбу, он стонет и обхватывает меня обеими руками. Подвигает табурет ближе к себе, скользя одной рукой вниз, чтобы сжать мою задницу, а второй крепко удерживая меня за затылок. — Я хочу тебя так чертовски сильно. Хочу перевернуть тебя и трахнуть прямо сейчас.

Я ерзаю, чтобы отстраниться и упираюсь рукой в его грудь, но он хватается за мои запястья и дергает их мне за спину.

— Это был секрет, так что я получаю поцелуй. — Я отворачиваю голову, когда он пытается это сделать, и затем он отпускает и отступает. — Ты жульничаешь.

— Это ты жульничаешь, — парирую я. — Это было не секретом. Я хочу еще один. Может, я просто хладнокровная сука, но, бл*дь, посмотри на свою сестру. Она хорошо выглядит. Я имею в виду, меня тоже тренировал мой брат. В чем разница? Меня отдали тебе. В чем разница? В том, что у нее другие родители? По тому, что я могу сказать, та сука, что зовет себя твоей матерью, не заслуживает детей.

Он качает головой все время, пока я говорю, так что, когда я останавливаюсь, ожидаю возражений. Вместо этого он окутывает меня тишиной. Винсент отворачивается, затем смотрит на меня, и затем снова отворачивается.

— Один бил ее, — наконец произносит он.

Я проглатываю эту горькую правду.

— Ну, естественно, мне жаль слышать это. Прости. Никто не заслуживает, чтобы его били. Но на прошлой неделе Один душил меня, пока я не потеряла сознание. Мне ввели наркотик. Слишком высокую дозу, по факту. Так что выглядит это так, что к тем, кому Один хочет навредить, он относится так же. И если он один из старших, более закаленных наемников, это означает, что если он хотел твою сестру, он бы получил ее. С помощью или без помощи Джеймса, — я прекращаю тираду и пялюсь на него. — Дальше.

Винсент перестает улыбаться, чтобы ответить:

— Ты хочешь больше поцелуев, не так ли?

Я смеюсь про себя.

— Нет, я просто хочу знать больше о Джеймсе. Я хочу знать все о Джеймсе.

— В этом нет ничего хорошего, Харпер. Зачем тебе знать? Почему он? Когда я прямо здесь? Зачем заботиться о бракованном, когда у тебя может быть идеальное?

— Никто не идеален, Винсент. Ты не можешь сказать мне, что, живя в этой извращенной семейке, ты стал идеальным. Неважно, как мило выглядит все снаружи, это ложь. И мы оба это знаем.

— Он утопил нашего отца. Он пытался убить его, но провалился.

Теперь мое внимание приковано к нему.

Винсент кивает.

— Он тот, кто утопил его, Харпер. Джеймс держал его под водой так долго, что он вернулся к жизни с повреждением мозга...

— Мне плевать.

Винсент смотрит на меня и трясет головой.

— Да что, бл*дь, с тобой не так?

— Мне плевать.

— Он преследовал тебя, Харпер. Лгал тебе о том, что ты его обещаю. Он знал, что Адмирал забрал свое предложение. Он преследовал тебя все время, пока ты росла. Он опасен, и в один день он тебя убьет.

— Мне плевать.

— Он — зло, Харпер. У него нет души. У него нет морали...

— *Мне плевать.*

Винсент тянется и хватается за мою руку. Я резко хватаю воздух от внезапного движения, а затем еще раз, когда он помещает ее на свой твердый член.

— Джеймс использовал тебя. Он использует, чтобы отомстить. Ты знаешь, что означает Приходи? Приди и возьми меня. Приди сюда. Приди и найди меня. Это визитная карточка, чтобы соединить людей вместе для того, чтобы их могли убить. Ты гребаная приманка! Как и Джеймс был рожден, чтобы убивать, ты была рождена, чтобы заманивать. Поэтому твой отец может убивать. Поэтому моя мать может убивать. И он знает это. Он подставил тебя.

— Я сказала, мне плевать, и мне, мать твою, плевать.

Он сжимает мою руку, заставляя сжать его член. Или может, я просто *хочу* сжимать его. Размер его члена такой же большой, как и у Джеймса. И когда я смотрю вверх, в его глаза, на его волосы, его тело — все это говорит мне о Джеймсе.

Он снимает мою футболку через голову до того, как я даже понимаю, что он больше не заставляет меня сжимать его член. И все равно я крепко удерживаю его в своей хватке. Он щелкает по соску, и затем его рот оказывается на нем, кусая и выкручивая плоть.

— Бл*дь, — рычит он и перемещается ртом на мою шею. — Я трахну тебя, если ты не начнешь сопротивляться мне. Ты понимаешь? Я больше не могу терпеть. Не могу терпеть ни минутой дольше.

Во мне появляется уверенное намерение отстраниться и прекратить все это, но затем он отвешивает шлепок по моей груди, заставляя кожу покалывать. Меня охватывает шок. Слишком сильный, чтобы реагировать, и затем он снова это делает. Он хватается мой подбородок и удерживает его немного сильнее, чем нужно. Достаточно, чтобы заставить влажность, прибывающую у меня между ног, взорваться.

— О, боже, — из меня рвется стон.

— Джеймс любит грубость, Харпер. Ты хочешь этого грубо? Винсент будет трахать тебя

нежно.

— Я хочу грубости. Мне нравится грубость, — выкрикиваю я. — Я хочу этого жестко. Я так чертовски хочу этого.

Он подхватывает меня на руки и несет прочь из кухни.

Глава 23

Харпер

Он ставит меня на ноги в коридоре и толкает к стене.

— Бл*дь, — вырывается у него, когда он делает паузу, чтобы набрать полную грудь воздуха. — Мне нужно знать, хочешь ли ты этого, Харпер. Я не могу продолжить, пока не буду знать, что ты хочешь трахнуть меня так же, как и я хочу трахнуть тебя.

Его голова наклонена, и волосы спадают вперед, затемняя глаза. Грудь поднимается и опадает, словно его сердце бьется так же быстро, как и мое.

Я не знаю, что сказать. Я не хочу его, я хочу Джеймса. Но он — это все, что у меня есть сейчас.

— Тебе это не понравится.

Он прижимает лоб к моему, так и глядя в пол.

— Просто скажи это. Мне нужно услышать правду.

Я так возбуждена. Скольжу пальцами у себя между ног и начинаю выводить маленькие круги, потирая себя. Если бы я просто могла получить освобождение, я бы снова могла думать трезво. Я знаю это. Если бы могла...

Винсент убирает мою руку и подносит мои пальцы к своему рту. Он смотрит мне в глаза, пока сосет их, затем целует кончики и кладет мою ладонь на свое сердце.

— Почувствуй меня. Ты можешь это сделать? Мне нужно знать, о чем ты думаешь? Нужно знать отныне и навсегда, что ты будешь моей, — затем он берет мою ладонь и кладет ее мне на сердце. Я слышу такой же бешеный ритм, как и у него.

Это слишком, — шепчет мое сердце. Но я не могу солгать.

— Я влюблена в Джеймса, Винсент. Влюблена. Прости. Я знаю, что ты выглядишь, как он, и, Господи, ты иногда ведешь себя, как он. Но ты — не он.

Он пялится на меня мгновение, а затем поворачивает меня и накрепко притягивает меня к своему телу.

— Но тебе нужно кончить? Тебе нужно освобождение? Потому что я сделаю это для тебя, Харпер. Я заберу это напряжение, чтобы ты снова могла думать ясно.

Прежде, чем я могу ответить, одной рукой он скользит между моих складок, начиная потирать их, пока второй хватает и грубо сжимает мою грудь. Так жестко, что я стону от боли. Он отпускает и снова отвешивает шлепок по груди. И когда его пальцы скользят в меня, я настолько влажная, что едва ли могу их почувствовать.

— Больше, — стону я. — Больше.

Еще два пальца погружаются в мою киску, и он проводит ртом по моей шее и шепчет мне на ухо, пока играет мной, словно на инструменте.

— Ты такая красивая. Такая красивая, Харпер. Ты и понятия не имеешь, как отчаянно я хочу трахнуть твою киску. Я хочу засунуть свой член в твою задницу и заставить тебя сжать его, когда ты кончишь.

Матерь Божья.

— Я собираюсь кончить прямо сейчас.

Он кусает мое плечо, и это все, что требуется, чтобы толкнуть меня через край. Боль от его рта. Удовольствие от его пальцев. Жесткая выпуклость, вдавливающаяся в мою задницу, пока он прижимает меня лицом к стене.

— Кончай, — командует он. — Кончай сейчас же, Харпер.

Я не могла бы остановить оргазм, даже если бы попыталась. Я пропадаю. Меня взрывает. Моему самоконтролю приходит конец. Спина выгибается, и вся ширина его ладони в шлепке приходится на мою киску. Я кончаю, снова и снова. Волна за волной дрожащее удовлетворение выливается из меня. К тому времени, когда прекращаю кончать, я больше не могу стоять и падаю на колени.

Руки Винсента на моей голове, и он вынуждает меня развернуться. Я плюхаюсь на задницу и поворачиваюсь к нему лицом, вжимаясь спиной в стену коридора. Я поднимаю взгляд к его глазам, но он падает на его член. Бугор под штанами огромен. Он возбужден. И его лицо выглядит так, будто ему тоже нужно освобождение.

Он не просит меня. Просто ждет.

Мои руки тянутся к его ширинке, и я расстегиваю ее, позволяя ткани слаксов соскользнуть по бедрам. Я вожусь с пуговицей, а затем с молнией. Тянусь внутрь и вытаскиваю его член.

Он огромен. Такой же, как я помню.

— Джеймс, — произношу я, прежде чем вспомнить, что это не Джеймс.

Ожидая, что Винсент разозлится за то, что я перепутала имена, но он даже не замечает. Он просто подталкивает меня ртом вперед и слегка надавливает на мою голову.

— Возьми его, Харпер. Возьми полностью.

Я открываю рот, и он проталкивает член между моих губ, пока не упирается в мягкое небо, заставляя меня поперхнуться.

— Дыши, — шепчет он. — Просто дыши.

Я слушаюсь. Наблюдаю за ним. Мои глаза ни на секунду не отрываются от его глаз, когда он начинает двигаться бедрами вперед и назад. Каждый раз, когда его конец достигает чувствительного места, и я начинаю давиться, он поглаживает мои волосы.

— Ты такая красивая. Такая чертовски красивая. Твой красивый рот заглатывает мой член, Харпер. Это дико сводит меня с ума.

Я стону в ответ его грязным словам, и это заставляет его откинуть голову назад и вколачиваться в меня еще глубже.

— Возьми его, Харпер. Возьми.

Открываю рот шире. Расслабляя язык под его длинным, толстым стержнем. И беру его всего. Он входит еще несколько раз, а затем издает рык, сигнализирующий об освобождении. Его член пульсирует на моем языке, и соленая жидкость стекает вниз по горлу.

Я глотаю и глотаю. Затем чувствую, как он расслабляется и выходит.

Теперь мои глаза закрыты, но я распахиваю их, когда он низко наклоняется, чтобы оставить поцелуй на моих губах.

— Следующей я собираюсь взять твою милую тугую киску, Харпер Тейт. А затем задницу.

Он выпрямляется и заправляет член обратно в штаны.

А потом уходит.

Глава 24

Харпер

На следующее утро я просыпаюсь рано. Когда проверяю часы, на них всего лишь 5:18. Я правда отсосала Винсенту в коридоре прошлой ночью? Как же чертовски унижительно. После того, как он высказал свои грязные замечания по поводу меня и Джеймса. Он сказал, что видел нас. А затем специально увел меня из кухни, чтобы получить возможность трахнуть мой рот в коридоре.

Меня переполняет ярость. И позор. И сожаление.

Господи Боже. В конце концов, я точно также могу быть с ним, потому что просрала все с Джеймсом. Я глубоко сомневаюсь, что он простит. Боже правый, по тому, что я знаю, он просто убьет меня за то, что я сделала прошлой ночью.

Они говорят, он сумасшедший.

То есть да, я четко это вижу. Нужно быть сумасшедшим, чтобы вот так убивать людей. И вся эта история с военнопленным. Винсент предоставил мне много информации прошлой ночью. Много ужасной информации о Джеймсе. Он хочет, чтобы я ненавидела Джеймса. Как минимум, хочет, чтобы я боялась его.

И я боюсь Джеймса. На самом деле. Боюсь, что он узнает, что я сделала прошлой ночью, и никогда не захочет меня снова. Боюсь, что он может быть где-то мертвым. Что Организация добралась до него и убила прежде, чем он смог вернуться ко мне.

Боюсь того, что совершила ошибку, которая навсегда изменит мою жизнь. Ошибку, которую нельзя исправить.

И признание Винсента касательно Николы. Если все это правда, я могу представить, как она ненавидит Джеймса. По факту, я не могу вспомнить ни одного живого человека, кроме себя, который бы не ненавидел Джеймса. Мое сердце падает в пятки. Жизнь кажется законченной. Я презираю Организацию. Презираю этот дом. Я хочу вернуться назад в пустыню и трахаться в жару. Я хочу в «Хаммер». И к Саше.

Это вызывает у меня слезы.

Саша — мертва. И никакое количество моего желания не вернет ее.

А теперь я возвращаюсь на круги своя, думая о том, что Джеймс — дьявол. Злой демон, убивающий по команде. Потому что он хладнокровно выстрелил в маленькую девочку.

Мне нужно убираться отсюда.

Сбрасываю с себя одеяло, одеваюсь во вчерашнюю одежду и направляюсь на кухню. Снаружи все еще темно, но я чувствую, как рассвет подкрадывается из-за горизонта, когда выглядываю в окна, выходящие на восток.

На кухне горит свет, и я слышу, как кто-то возится с посудой.

Мы забыли убрать бардак прошлой ночью. Мы даже не доели вафли. Вхожу на кухню, ожидая увидеть горничную, убирающую тарелки в раковину, и затем останавливаюсь, как вкопанная, когда вижу, что это делает Винсент.

Он смотрит на меня и улыбается. А я не могу выдавить из себя ничего.

— Кто-то проголодался вчера, — он стреляет в меня доброжелательной улыбкой и из головы пропадают все мысли.

— Что?

— Это, — говорит он, указывая на бардак. — Если бы я знал, что ты умеешь готовить, я бы уже попросил у тебя что-нибудь особенное.

— Что? — я не могу вдохнуть.

— Ты в порядке, Харпер? — На мгновение он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Мне жаль, что я так и не показался к ужину. Мне просто было нехорошо, и я пораньше отправился спать. Но ничего страшного, — продолжает он, взмахивая рукой над мукой и яйцами, оставленными на столешнице. — Это и твой дом тоже. Так что не стесняйся, если проголодалась. Тебе не нужно ждать меня, чтобы поесть самой.

Я не могу сделать вдох.

— Так что ты делала прошлой ночью? — Он включает воду и набирает немного в миску, до сих пор наполовину наполненную неиспользованным тестом. — Кроме как развела бардак на кухне? — Он улыбается мне через плечо.

— Во сколько ты отправился в постель?

— Мне было нехорошо. Скорее всего, от морской еды, которую я ел на ланч вчера. Хорошо, что я не взял тебя с собой, иначе вчера нам обоим было бы плохо.

Он шутит сейчас?

— Детка, ты выглядишь уставшей. Тебе лучше вернуться в постель. Люди не придут до вечера.

— Что? — О боже мой, я словно в альтернативной Вселенной.

— Харпер, — смеется он. — Что в тебя вселилось? Завтра вечеринка, малышка. Ник сказал, что будет здесь сегодня. Это должно тебя осчастливить.

— Ник будет здесь, — я подпрыгиваю и хлопаю в ладоши, и запутанность момента забыта. — Не могу дождаться!

— Так-то лучше. — Затем он подходит ко мне и целует в губы, будто мы женатая пара и встречаемся на кухне каждое утро до его работы, чтобы поговорить о грядущем дне.

Запутанность возвращается. Но Винсент уже уходит.

— Веди себя хорошо, Харп.

Затем я остаюсь одна.

Я быстро возвращаюсь к себе в комнату и запираю дверь, так как пытаюсь сложить кусочки пазла воедино. Я выдумала вчерашнюю ночь? Нет! Точно нет! Бардак был прямо там на кухне.

Он забыл? Ему было так плохо, что он забыл, как я отсосала ему в коридоре?

Но затем скрипит дверь ванной, и кто-то открывает ее.

— Я думал, он, бл*дь, никогда не уйдет, — рокочет глубокий голос, от которого все мое тело покалывает. — Я же сказал тебе. Я собираюсь трахнуть твою милую маленькую киску, а также взять твою задницу.

Я слишком ошарашена, чтобы двигаться, но мужчина в моей комнате — нет. Он подходит ко мне, будто владеет целым миром, и останавливается, когда оказывается так близко ко мне, чтобы заставить меня поднять глаза и внимательно посмотреть на него.

— Я сказал тебе, что вернусь за тобой.

Это сказал мне Джеймс.

Но это не Джеймс. Я могу увидеть разницу в его глазах.

Передо мной Тет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 25

Саша

Не думаю, что возможно искусать мои ногти дальше ногтевой кожицы, но, кажется, мой рот не понимает этого, когда мы паркуемся на стоянке городка Кабазон на междуштатной трассе 10, около огромного парка рептилий.

Я была здесь всего несколько дней назад, и чувство такое, будто моя жизнь движется по кругу.

— Это они, — говорю я Мерку. — В красном фургоне.

Мерк бурчит под нос.

— Бл*дь.

Он сворачивает на парковку. Двое мужчин выходят из красного грузовичка и идут под брюхо бронтозавра.

— Припаркуйся поближе, чтобы я могла слышать. Сразу рядом с ним.

Мерк не паркуется. Вместо этого он проезжает мимо мужчин и оценивает их взглядом. Затем въезжает на место в добрых ста футах от места нашей встречи.

— Мерк.

— Заткнись, — рывкает он мне в ответ. — Не вытаскивай свою задницу из этого грузовика и не шевелись, ты меня слышишь?

— Я единственная знаю их.

— Мне насрать. Я единственный, кто здесь решает дела. Малявки не заключают сделки с международными уличными бандами. Мне плевать, какой закаленной ты себя считаешь, Черлин, для меня ты все равно Ноль. Так что закрой свой рот и даже не думай выбираться отсюда.

Я скрещиваю руки на груди и выдыхаю.

— Это была моя идея.

— Ага, ну, идея не сохранит тебе жизнь, если ты начнешь вести двойную игру с подонками вроде этих ребят. И когда я скажу им, что мы предлагаем, они поведутся на это, Смурф. Так что это твой последний шанс сдать назад. Потому что так только мы заключим сделку, пути обратно не будет. Завтра умрут люди. Ты это понимаешь? — Он ждет моего ответа, но я молчу. Я просто проглатываю его слова. — Это ты понимаешь? — снова спрашивает он, на этот раз хватая и стискивая мою руку.

— Понимаю, ясно? Но какой другой выбор у нас есть? Нам нужно оружие. Нужны люди на суше. Нам нужны они, чтобы убивать, если мы хотим получить хотя бы шанс вернуть Харпер и Ника.

— Послушай, Саша, только то, что ты хочешь, чтобы Ник и Харпер выбрались живыми, не означает, что они выберутся. Эти ребята знают, кто они. Они знают, кто их отец. Знают свои связи. Так что они точно так же могут вести с нами двойную игру и убить каждого, включая нас с тобой. Или, может, более вероятно, они всех нас возьмут заложниками. А затем мы ощутим то, через что прошел Джеймс двенадцать лет назад в Гондурасе. Так что я спрошу тебя еще один раз. Ты на самом деле хочешь сдать Джеймса, чтобы спасти своего парня? Потому что они хотят его, Черлин. Они очень хотят добраться до него.

— Я говорила тебе. Его не поймают. Джеймса никогда не поймают. Они также хотят

номера Один, так что они будут довольствоваться им. Джеймс уйдет, я знаю это. Он намного умнее. Он смертельно опасен. Если кому-то и удастся пройти через этот план, так это Джеймсу.

— Не Джеймсу, ребенок. Тету. Не знаю, почему ты, бл*дь, не видишь его таким, какой он есть. Искалеченным чуваком с сомнительной преданностью.

— Это не важно. Это один и тот же человек. Так что, если Тет сможет сделать это, Джеймс тоже сможет.

Мерк делает продолжительный вдох и открывает дверь, оставляя мотор грузовика включенным.

— Ладно. Сейчас вернусь, — он протягивает ладонь, и я пишу адрес на обратной стороне карты, которую нашла в бардачке. Я пометила микрорайон Санта-Барбары сзади и спереди, как только смогла. Всего лишь чтобы убедиться, что они правильно поймут. Наркоторговцы, знаете? Они не особо блещут умом.

Мерк берет карту и закрывает дверь так, чтобы не хлопнуть ею. Затем он выходит на солнце, и темные волосы немного развеваются под знойным ветром.

Я задерживаю дыхание, когда он приближается к двум мужчинам, стоящим под огромным динозавром. Они нежимают рук, и я считаю это плохим знаком. Но затем я вижу кивки головами, и это немного успокаивает меня.

Снова грызу ногти. Блин. У меня не получается унять напряжение. Я явно не создана для такой бескомпромиссной сделки. Я просто малявка. И не имею понятия, что делаю. Из-за этой идеи всех убьют.

Но затем двое мужчин смотрят друг на друга и улыбаются. Один даже смеется и похлопывает второго по плечу. Мерк передает им карту, и они оба наклоняют головы, чтобы изучить ее.

Они еще немного говорят, а затем все смотрят на меня. Желудок ухаает вниз. Клянусь, я почти открываю дверь, чтобы меня вырвало.

Это оно. Вот где Мерк говорит им о Нике и Харпер и просит о неприкосновенности. Им уже предоставили координаты, так что теперь они принимают руководство на себя. Это была идея Мерка. Дать им власть и позволить самим принять решение. *Только таким способом все сработает*, — сказал он. *Они должны захотеть сделку. Мы не можем принудить их и ожидать от них сотрудничества.*

Я топаю ногой с бешеной скоростью, пока они выясняют вопросы. Они еще несколько раз смотрят на меня, а затем начинается накаленная дискуссия.

Могу только представить, о чем они говорят.

Они хотят Ника. Хотят Харпер.

И в этом для них есть смысл, так ведь? Они хотят детей человека, который доставлял им столько проблем и был причиной раздоров в течение нескольких лет в Центральной Америке. Они хотят преподнести ему урок, и они готовы и хотят отправить свое подразделение Лос-Анджелеса, если подумают, что у них есть шанс.

И я знаю, какой будет ответ Мерка.

Вы можете забрать Джеймса. Ребенка, который застрелил вашего лидера двенадцать лет назад. Вы можете забрать его спасителя — наемника, который забрал его и уничтожил всю семью сломанного мужчины — в преимуществе женщин и детей — только чтобы сломать его. Я знаю эту часть. И никто больше не знает, кроме Мерка, потому что я рассказала ему. Пожалуй, даже Джеймс не знает этой части. Потому что именно так Один

внедрился в группировку, чтобы найти Джеймса. Джеймс знает лишь то, что случилось после.

Я знаю это, потому что Один — брат моей матери. Мой дядя. Дядя, который приходил в наш дом каждое Рождество до моего десятилетия и напивался с моим отцом, чтобы они могли поговорить о моей матери. Поделиться воспоминаниями.

Он всегда ерошил мне волосы и шептал:

— У тебя есть номер, Саша. Не имя, а номер. Ты — Ноль. Та, кого никто не видит. Та, кого никто не ожидает. Та, кто все делает правильно.

Конечно, тогда я понятия не имела, о чем он говорил. Я понятия не имела, что он на самом деле говорил, пока Джеймс не рассказал мне, что Организация убила моих родителей. Он рассказал мне об этом прямо здесь, на парковке. Пока я сидела на пальце огромного динозавра.

Ей нужно услышать это, — сказал он Харпер.

Он хотел, чтобы я знала, против чего шла.

Внезапно маленькая группа людей расходится, и Мерк возвращается назад к грузовику. Желудок снова ухает вниз, пока я пытаюсь прочитать выражение его лица, но не могу. Это бесполезно. Так что я задерживаю дыхание, пока он не забирается в грузовик и не говорит:

— Готово.

Я выдыхаю.

— Они проглотили наживку, — он смотрит на меня. — Теперь что?

Это последняя часть плана. Особенно опасная часть. Часть, которая может убить нас всех. Потому что эта шайка, может, и известна своими безжалостными убийствами из мести, но человек, которого я собираюсь внедрить следующим, не просто так зовется Номером Один.

— Теперь я позвоню своему дяде.

Мерк сжимает челюсти, его глаза бегают туда-сюда, пока он размышляет.

— Хочешь знать, почему они смеялись там? — спрашивает он.

Нет.

— Хочу.

— Они смеялись, потому что сказали, если увидят Джеймса, они не станут его убивать.

— Нет? — в надежде спрашиваю я.

Мерк выруливает со стоянки и направляется к выезду.

— Не-а. — И затем он смотрит мне в глаза, пока ждет поворота налево на междуштатную трассу. — Они собираются окунуть его в бензин, поджечь, а затем выпустить.

— Что?

— Они собираются убедиться, что он останется живым и почувствует боль.

Глава 26

Харпер

— Я, может, и не был там весь прошедший год или около того, — произносит Тет, делая несколько взвешенных шагов, — но, Харпер Тейт, в минуту, когда я увидел тебя на пляже, все

начало возвращаться. Это заняло некоторое время, но сейчас я здесь. Я не тот человек, которым они меня считают, — он поворачивает голову и смотрит на меня искоса. — По крайней мере, когда дело доходит до тебя.

Он подступает ближе еще на несколько шагов, и я автоматически выставляю руки перед собой, чтобы остановить его. Он хватает меня за запястья и дергает руки над головой, толкая меня назад, пока я не упрусь в стену. Я вжимаюсь в нее всем телом, но он наклоняется и касается своими губами моих.

— Меня бы убило, Харпер Тейт, если бы ты боялась меня.

— Прошлой ночью... это был ты.

— Это был я.

— Почему ты мне не сказал?

— Я хотел дать тебе шанс выбрать. Шанс выбрать безопасную жизнь вместо той, которую могу дать я. У меня есть деньги. Есть вложения. Но я не могу обеспечить тебе безопасность, Харпер. Это будет невозможно.

Я просто плююсь на него. Что он несет?

— Так ты не хочешь меня? Ты собираешься прибегнуть к эгоистичному шагу в стиле «я делаю это для твоего же блага»? Потому что, если да, Джеймс Финичи, я собираюсь бороться за тебя. Клянусь Богом, я сделаю...

Он наклоняется и целует меня, смеясь напротив моего рта.

— Я люблю тебя.

— Я люблю *тебя*. Не оставляй меня. Прошу.

Он отклоняется назад всего лишь на чуть-чуть, и я смотрю вверх в эти изумрудные глаза.

— Я ведь вернулся, не так ли?

Кивок.

— Я говорил тебе, Харпер. Ты — моя. И, может, я немного приврал, чтобы получить тебя, но я имел это в виду. Я никогда не хочу тебя отпускать.

Он делает паузу. Чувствую, что сейчас последует «но».

— Но мне нужно закончить работу здесь, Рыба-лев. У меня есть работа.

— Какая работа?

Он берет мое лицо в руки. Они холодные. И утешающие. Будто эти руки могут исправить все.

— Я знаю, что они сказали тебе, что я — сумасшедший. И я такой и есть. Но я терпеливый, Харпер. И умный. Я перехитрил самых безжалостных киллеров на этой планете. Перехитрил наивысших правительственных людей. Перехитрил наркоторговцев, и похитителей, и Адмиралов, и свою мать. Я кристально четко знаю, что делаю.

— И что ты делаешь? — я бездыханно слушаю его. Сердце бьется так быстро, что не уверена, смогу ли я выдержать дольше.

— Убиваю людей, Харпер. Я убиваю людей. Я убью их всех.

— Кого? Каких людей?

Он снова наклоняется и целует меня, его язык требует больше внимания. И затем он шепчет:

— Всех, Харпер. Я собираюсь убить их всех.

— Как? — Мои ноги становятся слабыми, но Джеймс обхватывает ладонями мои ягодицы и поднимает меня, прижимая к стене.

— Саша.

После этого он смеется.

Холод карабкается по моему позвоночнику.

— Но ты уже убил Сашу.

Он проводит губами по моей шее и смеется.

— Пожалуйста, Харпер, немного веры. Я больной отморозок, но я никогда не убивал маленьких девочек и не собираюсь начинать сейчас.

— Я не понимаю.

— Тебе и не нужно.

— Так нечестно, Джеймс. Я не какой-нибудь беспомощный ребенок. Я сама по себе смертельна.

— Это не твоя битва, Рыба-лев. Она моя. Так что побереги свои ходы для кого-то другого, — он набрасывается на мой рот и шлепает по заднице. — Вот что. Сейчас я хочу, чтобы ты позволила мне трахнуть тебя. Позволь мне сделать этот мир безопасным для нас. И позволь мне сохранить тебя навсегда.

Я запускаю свои руки в его волосы и вдыхаю его запах.

— Мой Джеймс.

— Моя Харпер. Я хочу жениться на тебе. Хочу увезти тебя отсюда. Куда-нибудь в безопасное и тихое место. Куда-нибудь, где мы по-настоящему узнаем друг друга. По-своему. Медленно. — Он тянется вверх и смахивает прядь волос с моих глаз, убирая ее за ухо. — Я хочу заняться с тобой любовью под звездами. И плавать с тобой по миру на корабле. Я хочу всю тебя для себя. Я скупой, жадный киллер. И я хочу тебя. Хочу *узнать* тебя.

— Я тоже хочу узнать тебя, — отвечаю я, и мои слова такие тихие, что едва ли не превращаются в шепот. — Я хотела тебя с того самого дня, как нам исполнилось шесть. Я не понимала этого, но по тому, как ты смотрел на меня, я чувствовала любовь. Я могла почувствовать твое внимание, — мое лицо краснеет, и слезы скапливаются в глазах. — Я хочу всего лишь обычной жизни, Джеймс. Я не хочу роскошных лодок или большого дома. Мне не нужны деньги. Я просто хочу тебя. Я не хочу быть здесь. Не хочу бороться против правил и традиций Организации. Я просто хочу сбежать и никогда не оглядываться.

Он вытирает мою слезу.

— Я говорил тебе, мы не можем этого сделать, Рыба-лев. Я говорил, что они никогда не позволят нам жить. Они найдут нас. Мне нужно убрать их.

— Это безнадежно.

— Нет, — он тянется ко мне, прижимаясь ладонью к щеке. Она холодная, и чувствуется успокаивающей. А я теплая от слез и грусти. — Клянусь, это не безнадежно. У нас с Сашей есть план, с помощью которого мы все провернем правильно.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него, и его рот уже здесь. Легкое прикосновение его губ к моим. Я открываюсь для него, и его язык щелкает по моему, ища большего контакта. Лаская меня.

В этот раз он целует меня по-настоящему.

Нет никаких колебаний.

Только поглощение.

Он целует меня, словно он — ветер. Словно он — море. Словно он — пустыня.

Он целует меня, и на вкус он, как свобода.

Джеймс

Ее сладкий рот может поставить меня на колени. Ее мягкие пальцы тянутся к моему члену, сжимая его, будто она в отчаянии. Ее тонкие губы растягиваются, пока я вжимаюсь в нее. Стягиваю футболку через ее голову и получаю удовольствие, видя, как покраснели ее щеки. Ее грудь напряжена, соски каменеют, когда я смотрю на них. Она расстегивает шорты и спускает их по ногам, пока те не касаются пола.

— Бл*дь, — это все, что мне удастся издать. Эта девушка — совершенство.

Затем она расстегивает наполовину мятую выходную рубашку Винсента, в которую я одет, и спускает ее с моих плеч, сбрасывая на пол.

Следующим она расстегивает мой ремень, позволяя обоим концам свободно свисать у моих бедер, пока занимается пуговицей и ширинкой штанов. Ее рука тянется внутрь и обхватывает мой член. Я откидываю голову назад и закрываю глаза.

— Возьми его в рот, Харпер.

Я так и оставляю глаза закрытыми, когда чувствую горячий жар ее дыхания, пока она подбирается ближе. Первый удар ее языка по моей головке вырывает у меня стон. Но когда она открывает рот и позволяет меня заполнить его, захватывая член глубже в свое горло, я теряю себя. Бл*дь.

Я хватаю ее за голову и насаживаю на свой член. Она давится и пытается отстраниться, но вместо того, чтобы отпустить ее, я перестаю двигаться, чтобы она могла перетерпеть и удержать меня во рту.

— Шшшш, моя Рыба-лев. Просто расслабься.

Харпер берет свой рвотный рефлекс под контроль и расслабляет язык под моим стволем, тихонько постанывая. Гребаные стоны убивают меня. Ее голосовые связки вибрируют, посылая ощущение к самой чувствительной части моего члена.

Она обхватывает рукой мои яйца, массируя и лаская их, так что я принимаю это за сигнал о том, что она готова продолжить. Я несколько раз насаживаю ее рот на свой член, а затем, сразу перед тем, как она может подавиться, полностью выхожу и наклоняюсь, чтобы оставить на ее губах поцелуй.

— Я люблю тебя.

Она целует меня в ответ, жадно протягивая руки к моему члену, который теперь вне зоны досягаемости.

— Я хочу заставить тебя кончить, Джеймс.

— Малышка, я кончу для тебя в любое время и в любом месте, — я снова выравниваюсь и хороню член у нее во рту.

И в этот раз я делаю это грубо. Я трахаю ее рот и заставляю истекать слюной. Она не отстраняется. Ни на йоту. Она берет всего меня. Берет все, что я ей даю. Я прижимаюсь яйцами к ее подбородку, затем кончаю.

Как только она заканчивает, беру ее за руку и тяну, заставляя встать. Обхватываю ее бедра и поднимаю всем телом, пока ее киска не оказывается напротив моего лица, а ноги не свисают с плеч. Харпер стонет лишь от того, что я собираюсь сделать. Она течет, а я еще даже не начал.

Я прижимаю ее спиной к стене и провожу по щелке языком, располагая ее бедра под

таким углом, чтобы у меня мог быть доступ к ее анусу. Провожу языком по ее киске вверх-вниз, затем опускаю одну ногу с плеча, чтобы иметь возможность трахнуть ее киску пальцами.

— О, бл*дь, — вырывается у нее. — Черт побери, я вот-вот кончу, Джеймс. Я...

После этого ее слова не несут смысла. Они превращаются всего лишь в кучу звуков в паре с маленькими ручками, зарывшимися у меня в волосах, пока она раскачивает бедрами напротив моего лица.

Когда она обмякает и затихает, я ставлю ее на пол. У нее такие слабые ноги, что я веду ее к кровати и кладу на спину, пока взбираюсь рядом с ней.

— Я хочу, чтобы мы убежали, — шепчет она, утыкаясь носом мне в шею.

Наше любовное настроение убито, так что я просто удерживаю ее мгновение.

— Ты должна доверять мне. Я не могу отвечать за каждого, Харпер. Но я могу ответить за нас.

— Случится что-то плохое. Я чувствую это. И тогда я останусь одна.

— Я обещаю, — произношу я, поднося ее руку к своему рту и целуя ее. — Я обещаю выжить. Обещаю быть здесь для тебя, когда все закончится.

Она борется с моими объятьями и взбирается на меня. Мой член до сих пор тверд, так что она проводит по нему рукой несколько раз, чтобы посмотреть, заинтересован ли я до сих пор.

А я заинтересован. Я сжимаю большими руками ее хрупкую талию и размещаю Харпер над ним, призывая начать. Она с легкостью скользит вниз, а затем поднимается.

— Я не верю тебе. Не думаю, что тебе стоит давать обещания, которые ты не в силах сдержать. И если ты умрешь, Джеймс, я умру с тобой. Даже если останусь в живых, я умру с тобой.

— Прекрати, — упрекаю я, — я не хочу слышать подобные разговоры. — Я играю с ее белокурой прядью, спадающей на бок и обрамляющей ее лицо. Она не убеждена. — Я вернулся за тобой, не так ли? Я пообещал вернуться, и я это сделал. А прошло только девять дней. Я вернулся раньше, малышка.

Это вызывает у нее слабую улыбку, и я тянусь, чтобы обхватить ладонями ее задницу, поднимая и опуская Харпер, пока она с легкостью скользит по моему члену. Ее длинные волосы щекочут мою грудь и посылают мурашки по всему моему телу. Я чертовски люблю эту девушку.

— погоди, — говорю я, хватаясь за ее талию и переворачивая ее. Она распластывается на простынях подо мной, обхватывая ногами мои бедра, а руками — шею. — Я хочу трахнуть тебя сзади.

— А я хочу, чтобы ты трахал меня любым способом, каким только захочешь.

Я наклоняюсь и целую ее красивые губы, прикусывая нижнюю настолько, чтобы заставить ее взвизгнуть. Затем приподнимаюсь на локтях и становлюсь на колени, чтобы дать ей пространство перевернуться.

— Лицом в кровать, Харпер.

Она смотрит мне в глаза, когда переворачивается, и когда ее бедра оказываются поднятыми вверх, а мой толстый член раскачивается напротив ее задницы, я сдвигаю ее ноги вместе и опускаюсь на ее спину. Мой член проскальзывает между ее ягодиц в поисках киски. Она хватается воздух ртом, когда я вхожу в нее рывком со всей силы. Я тянусь вперед и нахожу ее щель, жестко потирая пальцами клитор. Дико сводя ее с ума и заставляя ее дергаться

назад и стонать. Накрываю ее рот ладонью, заглушая, а затем вбиваюсь в нее членом, снова и снова, пока мои яйца не начинают шлепать по ее мокрому лону.

Когда почти чувствую ее оргазм, я тяну за волосы, заставляя ее выгнуться назад и откинуть голову, чтобы я смог с легкостью дотянуться до ее рта.

И я целую ее.

Жестко целую.

Целую так, словно никогда прежде в своей жизни не целовал женщину.

Обхватываю рукой ее горло и сжимаю подбородок так, что прервать поцелуй невозможно.

А затем, когда я чувствую, как вокруг моего члена сжимаются стенки ее киски, я вколачиваюсь в нее последний раз и кончаю. Выстреливаю своим семенем глубоко в ее лоно, пока не падаю на нее, весь потный и липкий от секса и ее запаха.

— Никогда, — шепчу я. Глаза закрываются после долгих дней путешествия и работы.

Харпер ерзает подо мной, пока я не выпускаю ее, а затем оплетает мое тело своим, устраиваясь головой на моем предплечье и складывая ладони под своим подбородком.

— Что никогда? — сонно спрашивает она.

— Ты всегда была моей, Харпер Тейт. Ты всегда была моей, и я никогда не позволю ему завладеть тобой.

Глава 28

Джеймс

Звук курка пистолета вырывает меня из сна.

— Не вздумай, бл*дь, шевелиться, — шепчет голос, и дуло прижимается к моей голове.

Винсент.

Я улыбаюсь.

— И не думаю. Харпер именно там, где я хочу, чтобы она была, — мой член прижимается к ее попке, одна рука к груди, а вторая находится в ее ладони.

— Ты извращенный отморозок, Джеймс.

— У тебя ДНК та же, что и у меня, братец, — Харпер сжимает мою руку, и я знаю, что она проснулась. — И я надеюсь, ты знаешь, что делать с пистолетом. Потому что если ты нажмешь на курок, то вынесешь мозг нам обоим. Не только мне. Так что будь осторожен, Винсент.

Он давится смешком.

— Держу пари, тебе это нравится, не так ли? Забрать ее с собой? Извращенный отморозок. Вставай.

Я убираю руку, и Харпер оставляет свою все неподвижно. Я скольжу от нее и выбираюсь из кровати. Винсент пятится на несколько шагов назад, пока я встаю в полный рост. Глаза в глаза. Одинаковое тело. Такие же волосы. То же самое лицо. Те же глаза. Но разные инстинкты.

Мои похожи на инстинкты дикого зверя.

А у него их вообще нет.

Он оценивает мою наготу, и я смеюсь.

— Нравится то, что видишь?

— Я прикончу тебя, как собаку, которой ты и являешься. Это единственная смерть, которую ты заслуживаешь. Отступи от кровати. Не прячься за невинной женщиной.

Я поднимаю руки вверх и иду к нему. Он отступает, а затем разворачивается, становясь между мной и Харпер.

И она нападает.

Выпрыгивает из кровати, словно львица. Обвивает рукой его горло и сжимает его. Я хватаю пистолет, пока этот имбецил не нажал на курок. Затем разворачиваю его и с характерным звуком ударяю по его голове. Он уже наполовину задушен Харпер, так что не нужно прилагать особых усилий, чтобы вырубить его.

Он падает на пол и Харпер отпускает его.

— Господи, — причитает она, глядя на него со слабым отвращением, насколько я могу описать. — Это было легко.

Я хватаю галстук из-за штор и связываю его запястья, затем беру штаны и надеваю их.

— Присмотри за ним секундочку. А я пойду найду, чем его можно опохмелить.

Она кивает, и я выхожу в коридор. Здесь тихо, но я слышу множество звуков снизу, поскольку идет приготовление к сегодняшнему ужину и завтрашней вечеринке.

Я проскальзываю в комнату Винсента и закрываю за собой дверь. Оказываюсь в ванной, где — я знаю — он хранит таблетки Харпер. Они не самый лучший выбор для того, чтобы оставлять человека без сознания, но сойдет. Хватаю оранжевую баночку и направляюсь обратно в ее комнату.

— Он уже стонет, — произносит Харпер, когда я вхожу.

— Вот, дай ему десять таблеток.

— Десять?

— Он большой. Мы же хотим быть уверенными.

Она берет пузырек и отсчитывает десять штук, пока я возвращаюсь к двери, чтобы проверить и убедиться, что меня никто не увидел.

— Как нам заставить его проглотить их?

Я хватаю таблетки из ее протянутой руки, и иду к Винсенту. Он приходит в себя, что к лучшему. Ему придется самому проглотить их, когда я просуну их ему в горло.

— Найди мне зубную щетку.

Харпер спешит на поиски и возвращается, передавая ее мне. Я засовываю щетку ему в рот, чтобы предотвратить попытки укусить меня.

— Дай мне воды. — И затем я бросаю по одной маленькой таблетке в его рот. Когда горечь касается его языка, он кривит лицо и пытается выплюнуть ее. Но Харпер уже здесь с водой, и я откидываю его голову назад и заливаю жидкость в горло.

— Глотай, убудок. Или захлебнешься. Дай мне еще воды, Харпер.

— Пошел нахер, — удаётся прорычать моему брату, несмотря на зубную щетку, когда он выплевывает воду.

Я нахожу две таблетки и поднимаю, чтобы снова засунуть их ему в глотку.

— Ладно, давай по-плохому, говнюк. Но я тебя предупреждаю. Сегодня ночью есть вещи и похуже, чем быть опохмеленным. — Затем я наклоняюсь к его уху и шепчу, чтобы Харпер не услышала: — Я знаю, что ты целовал ее. Так что поверь мне, я могу придумать куда более изощренный способ, чтобы поквитаться с тобой за это. А теперь глотай сраные таблетки.

Я бросаю две в его рот и заливаю водой.

В этот раз он проглатывает их.

— Какой хороший песик Винсент. А теперь, пока ты отчалишь немного вздремнуть, я бы хотел, чтобы ты подумал кое о чем. Подумай о том, как они использовали тебя так же, как использовали меня. Я здесь не ради того, чтобы убить тебя. Никто не *говорил* мне убивать тебя. Но ты заблуждаешься, если думаешь, что я позволю тебе забрать Харпер.

— Ты обрекаешь ее на смерть..

— Нет, я единственный, с кем она выживет. План уже в действии, Винсент. Сделка заключена. Все в этом доме будут мертвы к завтрашнему вечеру.

— Если ты продержишься до завтрашнего вечера. Никто не примет тебя за меня, ты, умалишенный кретин.

— Ты ошибаешься. Я месяцами тренировался быть Винсентом. Ты думаешь, это ты наблюдал за мной? Думаешь, превзошел меня в этом? Может, Джеймс и не был готов столкнуться с правдой, даже если и видел, как все пошло под откос. Но я — Тет, ублюдок. Я вижу все.

Я развязываю его ноги и поднимаю, чтобы он мог стоять. Он немного пошатывается, когда я толкаю его к гардеробной Харпер. Она уже открыла дверь, так что я ввожу его туда и ударяю по ногам, сбивая на пол, и он снова падает. Затем опять его связываю.

Я наклоняюсь и шепчу:

— У тебя никогда не было шанса. — Потом я снова бью его в зубы. Он откидывает назад на какие-то висящие платья, и его лицо скрывается за какой-то материей.

Харпер выключает свет, и я выхожу, закрывая дверь за собой.

— Думаю, он сказал, что сегодня вечером у нас ужин.

Я киваю и улыбаюсь при мысли об этом.

— Ага. В его комнате для тебя висит платье. Пойду принесу его, чтобы ты могла подготовиться, — притягиваю ее ближе и целую в губы. Так знакомо. Это поцелуй говорит, что я люблю ее, а это все, что ей нужно сейчас знать.

Я пересекаю коридор и вхожу в его гардеробную, чтобы найти одежду Харпер для сегодняшнего вечера. Он был спланирован долгое время назад.

Платье переливается серебром. Юбки очень изысканы и спадают до пола. Оно не очень открытое, что мило. Даже если я знаю, что все взгляды и так будут прикованы к ней, я не хочу, чтобы люди глазели на мою Харпер.

Я выбираю себе костюм и быстро переодеваюсь. Добавляю серебристый галстук и нагрудный платок-паше в тон платью Харпер и выбираю самую дорогую пару туфель.

Отражение в зеркале не принадлежит Тету.

Я вздыхаю от понимания этого.

В конце концов, здесь все-таки Джеймс.

Я хватаю платье Харпер и возвращаюсь через коридор. Она в душе, поэтому я кладу одеяние на стул и просовываю голову в дверь ванной.

— Я слышу людей отсюда, Харпер. Так что не задерживайся.

Вода выключается, и она открывает стеклянную дверь душа, предоставляя мне обзор на свое тело.

— Бл*дь, женщина. Не искушай меня.

— Мы можем пропустить вечеринку, — отвечает она мне с улыбкой. Волосы все еще сухие, но некоторые короткие пряди спадают на лицо, придавая ей немного дикий вид.

Она неистово сводит меня с ума.

— Ни единого гребаного шанса. Мы не пропустим вечер, а теперь одевайся.

Я пачусь из ванной и возвращаюсь в коридор. Иду к лестнице, медленно. Слушаю разговоры. Слышу голос Адмирала и... Ника.

Харпер будет очень взволнована.

Я останавливаюсь у лестницы и вслушиваюсь. Стою там несколько минут, поглощая краткую болтовню, пока атмосфера не накаляется. Я напрягаю слух.

— Нет, — произносит Ник. — Я не буду в этом участвовать. Я вернулся, чтобы забрать ее. Здесь она не останется.

— Ты вернулся в надежде, что Один будет здесь с файлами.

— А он не будет? — спрашивает Ник. — Ты послал его накачать Харпер наркотиками. Он убил ее, ты знал это? Он убил ее, а Тет спас ей жизнь.

— Это тот долг, который ты хочешь вернуть? — спрашивает Адмирал.

Я не слышу ответа, так что подступаю ближе, отчего половица лестницы скрипит. Оба мужчины появляются в поле моего зрения, и они оба смотрят вверх на меня, будто я поймал их посередине раскрытия секрета. Что я мог бы и сделать.

— Ну, — громко произношу я. — Посмотрите, кто вернулся. Рад видеть тебя, Николас.

Он кивает мне.

— Винсент.

— Мне послышалось что-то о том, что ты собираешься забрать у меня Харпер?

— Она не твой приз, Винсент. Она не вещь, чтобы быть проданной или купленной.

— Николас, — шипит Адмирал.

Я поднимаю руку, пока спускаюсь по оставшимся ступенькам и пересекаю отполированный деревянный пол, приближаясь к окнам от пола до потолка с видом на задний дворик, перед которыми они стоят.

— Адмирал, пожалуйста. Думаю, у меня есть решение, которое удовлетворит каждого.

— И что это?

— Нам нужно спросить ее, Ник. Она взрослая женщина. Достаточно умная, чтобы самой принять решение. Почему ты предполагаешь, что она меня ненавидит?

Я замолкаю и жду их реакции.

— Она на самом деле ненавидит тебя, — наконец отвечает Ник. — Она не хочет этого.

— Давай спросим ее.

— Спросите меня о чем?

Мы втроем поворачиваем головы на голос. Она стоит наверху лестницы в том красивейшем серебристом платье в пол. Ее волосы точно такие же, с какими она вышла из душа. Взъерошенные и не уложенные. Она не сделала макияж, насколько я вижу. Я никогда не видел Харпер с макияжем. И на ее ножках маленькие милые серебристые туфельки. Она делает шаг вниз, мелькая ими передо мной и вызывая улыбку.

— Чертовски восхитительна.

— Что? — спрашивает Адмирал, поворачиваясь ко мне.

— Ваша дочь, Адмирал. Она мила и восхитительна, я не могу удержаться, — я вздыхаю, когда она спускается, краснея и улыбаясь.

А затем замечает своего близнеца.

— Ник! — Теперь ее ножки летят вниз по ступенькам, а потом она бежит по полированному деревянному полу так быстро, что я боюсь, она поскользнется и упадет. Я почти тянусь поймать ее, когда она пронесется мимо.

Но я держу свои чувства под контролем и даю им разделить момент.

Она бросается на него. Ник смеется, и вся враждебность в комнате исчезает. Он сжимает ее в объятии и крутит так, что платье поднимается снизу.

Эта девчонка чертовски милая.

Она покрывает своего брата поцелуями и несколько минут они взволновано болтают.

— Где ты был? Почему уехал? Что ты делал?

И тогда меня осеняет, что эти двое говорят каким-то кодом.

Она знает, почему он уехал. Знает, что он делал.

И его ответы не менее интересные.

— Все закончилось. — *У меня были дела.* — Не о чем переживать. — *И не о чем и обо всем одновременно.*

Мы все знаем, почему он уехал. Вопрос получше — почему он вернулся?

Но сейчас не место и не время для него. Это наша ночь.

— Ребята, вы разговаривали, пока я спускалась, — начинает Харпер, и волнение от встречи с Ником все еще теплится в ее глазах. — О чем вы говорили?

Смотрю на Адмирала. Он кивает мне.

Я беру руку Харпер и тяну ее ближе к себе. Она такая непринужденная, необходимо напомнить ей быть начеку.

— Харпер, ты здесь уже несколько дней. И когда я привел тебя сюда, ты сказала, что никогда не полюбишь меня. Но, думаю, ты должна согласиться, что положение дел между нами изменилось. Думаю, ты согласишься, что быть моим обещанием не такая уж и плохая идея, как ты считала изначально.

— Я на самом деле наслаждаюсь временем с тобой, Винсент.

Господи, прямо сейчас мы затеяли опасную игру. Она должна пройти идеально.

— И не секрет, что мы должны были пожениться. Так что вместо того, чтобы провести церемонию завтра, мы подумали, что можно организовать милую тихую церемонию сегодня вечером.

Она прищуривается.

— Выходи за меня, Харпер. Я прошу тебя выйти за меня.

Она качает головой из стороны в сторону, и у меня почти случается сердечный приступ.

— Не так просят свою девушку выйти замуж.

Ник и Адмирал давятся смешками в стиле «*ай, да молодец!*», а я киваю и опускаюсь на одно колено. Адмирал передает мне серебристую бархатную коробочку с кольцом, и я открываю ее перед ней.

— Это кольцо твоей мамы, Харпер. — Она смотрит на отца, и я вижу, как у нее в глазах появляются слезы.

— Это правда, — подтверждает он. — Винсент попросил его вчера. Я хранил его в сейфе на яхте. Это единственное, что у меня осталось от нее. И теперь оно твое.

Чувствую слабый укол вины из-за того, что убью этого человека завтра. Но он проходит, когда Харпер смотрит на меня и шепчет:

— Да, — когда тянет меня подняться с пола. — Да.

И затем я захватываю ее рот в плен своего прямо в гостиной Винсента.

Глава 29

Харпер

Его поцелуй такой страстный, что я краснею. И когда он отстраняется и шепчет «я люблю тебя», так мягко и нежно, что это заставляет меня сомневаться во всех историях о людях, которых он убил, я таю.

Теряю почву из-под ног.

Он забирает меня из моей жизни и располагает в своей.

Церемония. Всего лишь четверо нас и священник Организации. Я слышу слова. Говорю слова. Но единственная вещь в моей голове — это Джеймс. Он — единственное, что я вижу.

Комната огромная. Украшения экстравагантные. У меня в руках цветы. Идеальный букет из коротких подрезанных белых роз, украшенных серебристой ленточкой. Джеймс держит обе мои ладони в своих, пока священник произносит свою часть. Он спрашивает что-то, и мы отвечаем «да». А затем, как раз перед тем, как священник собирается закончить церемонию разрешением поцеловать меня, Джеймс поднимает руку и произносит:

— Не так быстро. — Он поворачивается ко мне с улыбкой. Я — единственное, что он видит. — Это еще не конец, Харпер. — Я смотрю на своего отца и вижу смятение на его лице. Но я доверяю Джеймсу, поэтому возвращаю свое внимание к нему. — Я ждал тебя двенадцать лет. Представлял этот момент в разных вариациях, но именно это, — он наклоняется к моему уху, чтобы прошептать, — *Рыба-лев*, это идеальный способ положить всему конец.

Он отстраняется на несколько дюймов, так что мой отец и брат снова могут нас слышать:

— Я люблю тебя. Я всегда любил тебя. И обещаю тебе, что ты не пожалеешь о своем решении.

Джеймс. Я почти произношу это, но останавливаю себя до того, как проколоться. Наклоняюсь, как сделал он, и шепчу:

— Ты — мой, Финичи. Если исчезнешь куда-нибудь, я тебя выслежу.

Он скользит ладонью по моей шее и притягивает к себе, смеясь мне в волосы.

Священник понимает наше молчание и говорит Джеймсу поцеловать меня.

Будто ему нужно разрешение.

Он целует меня так, как никакой мужчина не должен целовать девушку на глазах у ее отца.

Он целует меня, как муж.

Когда поцелуй заканчивается, он берет меня за руку и ведет во дворик, заполненный рабочими, которые занимаются обустройством для завтрашнего мероприятия. Музыка нет, но Джеймс притягивает меня ближе, кладя руки на талию, и медленно раскачивает. Притягивает мою голову к своей груди и выдыхает с облегчением.

— Прости, что это заняло так много времени. Надеюсь, эта ночь наверстает потерянное время. Не могу обещать, что ты никогда не упадешь, Харпер, но, если тебе будет нужно что-нибудь, я буду рядом. Я поймаю тебя. Исправлю это. И если нам когда-нибудь придется быть порознь, всегда знай, что мы вместе, — он поднимает мою руку к губам и целует обручальное кольцо. — Мы встретились годы назад. Мы были порознь, чтобы стать такими, какими являемся сейчас. Теперь мы вместе. Наша душа, разорванная пополам, воссоединилась.

Как тут дышать, когда киллер, которым они называют Джеймса, заявляет, что любит меня. На заднем дворике брата, у которого он меня украл, на обозрении у всех, кто смотрит.

— Ты знал, что Винсент собирался попытаться жениться на мне сегодня?

Он прожигает меня взглядом сверху, в его глазах пылает огонь.

— Я знаю все, Харпер Финичи. — Я улыбаюсь этому заявлению. — Может, я и не помню всего, но оно все заперто у меня здесь, — он постукивает пальцем по голове.

— Не могу решить: ты бесстыдный дурак, злой захватчик мыслей или нежный мужчина. Он улыбается.

— Было достаточно глупо поверить в то, что у меня может быть такая женщина, как ты. Но мое стремление вознаграждено. У меня были моменты выхода зла. Но зло порождает зло. И люди, которых я убил, привнесли свой вклад в порождение этого зла. Ну, а что касательно нежного человека, — следует его улыбка. — Только с тобой, Харпер. И с нашими детьми, когда они появятся.

Я снова кладу голову ему на грудь, и так мы и танцуем, едва ли двигаясь, удовлетворенные в руках друг друга, даже если находимся посередине логова льва. Пока мои ноги, наконец, не устают, и я начинаю засыпать. Затем он ведет меня наверх в мою комнату, и мы медленно раздеваем друг друга. Он прикасается к моему телу, словно никогда не делал этого прежде. Боготворит его. Не в сексуальном плане, хоть это и чертовски заводит меня, так что мои соски каменеет, а лоно пульсирует.

Я тоже прикасаюсь к нему. Ощупываю его тело на наличие шрамов. Обыскиваю его разум на наличие опасений. Но ни одного, ни второго просто нет.

Ни шрамов. Всего лишь идеальный мужчина.

Ни опасений. Всего лишь честная любовь.

И в этот момент, я полностью отпускаю себя для него.

— Я твой, Шесть.

— А я твоя, Приходи.

Он ведет меня в постель. Я растягиваюсь на белых простынях. Нагая. Обнаженная для него. И он боготворит меня по-новому. Наша первая ночь в роли Шесть и Приходи наполнена разговорами и смехом. Прикосновениями и любовью. И кульминация моей ночи не имеет ничего общего с сексом.

Теперь он заполняет меня по-другому.

Он заполняет меня любовью.

Следующим утром он будит меня легким прикосновением к груди.

— Время настало, Харпер.

Мы пообещали друг другу, что не будем говорить про сегодня, пока оно не настанет. А теперь оно настало.

— Я слушаю.

Так что он говорит. И рассказывает мне все о сегодняшнем дне еще до того, как он начинается. Он делится со мной каждой подробной деталью. Дает мне сроки и резервные планы — просто на всякий случай. Дает мне то, что я хотела знать о значении этого дня. О значении моего кодового имени. И о том, что нам нужно сделать, чтобы иметь будущее вместе.

Он дарит мне надежду.

Глава 30

Саша

— Оно колется, — я чешу лиф своего причудливого платья. Оно сшито из ткани, которая собирается полосками вокруг моей грудной клетки. Кто, черт возьми, вообще носит такое дерьмо? — А колготки? Какого хе...

— Саша, — шипит Один. Я доигрываю на его последних нервах, но мне плевать. — Ты сказала, что хотела это сделать. Ты пришла ко мне, помнишь? Ты хочешь, чтобы я пошел на вечеринку, или нет?

Я прищуриваюсь, глядя на него. Мерк внезапно становится более приемлемым вариантом из тех, какими только могут быть друзья-наемники. — Это *моя* вечеринка.

— Это вечеринка Харпер. Ты там всего лишь, чтобы разрушить ее.

— Ага, ну... — Мне нечего ответить. Это правда. Я там всего лишь, чтобы все испортить. И спасти Ника. И Харпер. Но преимущественно Ника. После того, как мы создали все эти планы по возвращению файлов, он думает, что может свалить и оставить меня одну? *Я так не думаю, дружочек.*

— Теперь, — произносит Один, приглаживая волосы. — Что ты скажешь, когда Адмирал лицом к лицу спросит тебя о том, что тебя подстрелили на лодке?

— Сэр, мой дядя Один...

— Пропустим часть с дядей, ребенок.

Засранец.

— Сэр, Один дал мне знать о плане Тета убить меня и снабдил пуленепробиваемым жилетом, — мне нужно было подрихтовать эту часть плана Джеймса. Очевидно, что Один нужно было знать, как я выжила.

— Если он спросит что-нибудь еще, ты просто ссылаешься на меня и ведешь себя, как ребенок. Просто пей много пунша и ешь пирожные.

Точно. Мне приходится контролировать себя, чтобы не закатить глаза.

Машина останавливается в зоне камердинера, и мы с Один выходим из лобби отеля, чтобы сесть в нее. Сложность в том, что нам предстоит путь на север около тридцати минут, так что у нас много времени, чтобы обдумать происходящее.

Моя проблема в том, что я не знаю, согласен ли *он* на это. Я использовала флешку, чтобы суметь повлиять на него. Ту, которая до сих пор у Мерка. Ту, которая всем нужна, чтобы все файлы работали. Ту, которая была бы сейчас у нас с Ником, если бы этот придурок, сидящий рядом со мной, не опоил Харпер и не украл ее флешку в последнюю секунду. Я сказала Один, что пропавшие файлы у Джеймса. Я чувствую себя неловко по поводу Джеймса. Использовать его, чтобы приманить всех игроков, — паршиво. Но он единственный, кто может справиться с тем, что я делаю. Он единственный, кто может заключить сделку с членами банды и наемными убийцами. Ник недостаточно опытен. Харпер, вероятно, бесполезна. А я недостаточно взрослая.

Так что...

— Ладно, надевай свою сценическую маску, ребенок.

Я ношу свою сценическую маску с последнего Рождества, когда Форд был на ранчо моих бабушки с дедушкой.

Машина останавливается у ворот частного сектора, и водитель опускает стекло, передавая нам бумаги.

Они не легальны. Это даже не приглашение. Зачем пытаться подделывать их? Так что мы решили просто ответить, кто мы такие и посмотреть, что случится.

Спустя двадцать секунд телефонного разговора внутри сторожевого домика у ворот, машину пропускают внутрь.

Подъездная дорожка, ведущая к дому, с двух сторон обсажена возвышающимися пальмами, которые раскачиваются на ветру. Вокруг так много цветов, что от их запаха почти кружится голова. От этого запаха меня почти тошнит.

Нас встречают наши личные сопровождающие, когда машина останавливается. Несколько мужчин, ни один из которых не имеет видимого оружия, ощупывают нас обоих с головы до ног. У меня есть нож, прикрепленный к лодыжке, который они конфискуют.

Один из них пристально смотрит на меня, пока нас сопровождают внутрь, но я считаю, что более подозрительно появиться без оружия вообще, чем быть пойманной с одним ножом.

Людей в этом месте столько, что негде и иголке упасть. Солнце как раз садится, вокруг звучит музыка и рокот голосов, который можно услышать из толпы.

Я ищу свою цель.

Ничего.

Я вижу Адмирала. Но он — не моя цель.

Я вижу пьяную мать Джеймса. Но и она не моя цель.

Я вижу... Ника.

И он удерживает руки темноволосой девушки, у которой такие же изумрудно-зеленые глаза, как и у Джеймса.

Никола. Я никогда с ней не встречалась, но знаю, что это она. Она та девушка, на которую ссылался Ник?

Я как раз собираюсь проделать свой путь туда и начать представление, когда чья-то рука хватается меня за плечо. Я поднимаю глаза вверх и вижу Адмирала.

Хотя он смотрит не на меня. Он смотрит на Один.

— Один. Ты продолжаешь меня удивлять, — говорит он, поднимая бокал с шампанским в фальшивом тосте.

— Шесть не один, у кого есть сюрпризы, — отвечает мой дядя.

— Не стоило и говорить. Ты прибыл с флешкой, которую украл у моей дочери?

— Нет, — холодно отвечает Один. — Я прибыл забрать флешку. — Я все еще нахожусь в хватке Адмирала, когда они оба смотрят на меня. — У нее есть некая интересная информация. Кажется, вас, Адмирал, подставила маленькая девочка и ее...

Джеймс захватывает горло Один рукой и прерывает его речь.

— Ты совершил огромную ошибку, приехав сюда, Один.

— Винсент, — произносит Адмирал со смешком. — Пожалуйста. Мы не собираемся заканчивать это здесь... — а затем он, вероятно, смотрит Джеймсу в глаза, потому что понимание того, кто стоит перед ним, отражается на его лице.

Джеймс скручивает шею Один и медленно опускает его на пол прежде, чем хоть кто-то понимает, что только что произошло. По факту, только несколько самых близко стоящих людей к Адмиралу понимают. Я вот-вот собираюсь обыскать Один на наличие флешки, пока все отвлечены Джеймсом, когда вижу, как мою цель уводят из комнаты.

Я покидаю бальный зал, когда комнату охватывает паника, и следую за Харпер и ее мнимым похитителем в западное крыло роскошного особняка. Ее выводят через дверь, но она не сопротивляется и не кричит. И это очень меня настораживает. Что, если Харпер тоже работает на кого-то другого? Кажется, мы ни что иное, как гребаная шайка двойных и

тройных тайных агентов сегодня.

Я останавливаюсь возле закрытой двери в комнату, в которую они вошли, и затем приоткрываю ее немного, чтобы увидеть в щель, что происходит.

Глава 31

Харпер

— Пусти мою руку, ты, сука, — я дергаюсь из ее хватки и разворачиваюсь, от этого смехотворные юбки моего роскошного платья закручиваются вокруг ног.

— Где он? — выплевывает миссис Финичи. Ее дыхание приправлено ликером и руки дрожат, когда она тычет пальцем мне в лицо. Я отбиваюсь от него, и она снова пытается меня схватить, звеня свободными браслетами на своих хрупких запястьях. — Человек вон там — не мой сын. Где мой сын?

— Это и *есть* твой сын, ты, пьяная сука. — А затем я смотрю на дверь и замечаю Сашу. Я хочу улыбнуться и обнять ее, но вид у нее такой, будто она при деле. Ведьма поворачивается в сторону, куда смотрю я, и Саша машет ей рукой.

— Привет вам, миссис Ф. Тебе помочь, Харпер? — произносит она милейшим голоском маленькой девочки.

Я почти улыбаюсь.

— Нет, спасибо, Саша. Я справлюсь. Почему бы тебе не найти Ника и не позаботиться с *его* маленькой проблеме.

— Будет сделано, — чеканит она с сарказмом и выходит за двери так же тихо, как и вошла.

— Что ты делаешь? Я требую увидеть своего сына. За кого ты вчера вышла замуж?

— Не за того сына, о котором ты думаешь, — произношу я низким голосом. — И, боюсь, ты не выйдешь из этой комнаты. Так что никого не увидишь.

— Конечно, — выплевывает она сквозь зубы. — Я...

— Ты больная, — обрываю я ее. — Какая мать отправит своих сыновей убивать? Какая мать отправит свою дочь убивать?

— Это сделал твой Джеймс.

— Нет, — качаю головой. — Мой Джеймс задолжал твоему наемнику до конца жизни. У него не было выбора. Ты единственная, кто ответственен за это, потому что ты была настолько жадной до власти и малодушной, что у тебя не было способа, чтобы воспротивиться продаже своих детей. — Она открывает рот, чтобы ответить, но я так сильно бью ее по губам, что она отшатывается в сторону и падает на пол.

— Ты сука, — кипит она.

Делаю шаг вперед и бью ее по зубам своей красивой белой туфлей, которая подходит по цвету к моему платью. Ее голова ударяется о пол в этот раз, и она выпрямляет ноги перед собой.

Наклоняюсь, хватаю ее за темные волосы и смотрю в зеленые глаза, когда дергаю ее голову назад.

— Тебе очень не повезло, что меня никогда не учили стрелять из пистолета, иначе бы ты сдохла быстро. Но единственное оружие, которое у меня есть в данный момент, это мои руки. Так что я заберу твою жизнь ими.

Она дергает ногами и машет руками, кажется, пытаясь нанести удар. Но это, как будто львица, играющаяся с мышонком. Она слабая и жалкая. Я изворачиваюсь от ее попыток, но даже пара тех ударов, которые приходится на мое тело, не несут такой боли, чтобы хотя бы заставить меня поморщиться

А затем меня осеняет мелькающая мысль. Почему? Почему я такой высококвалифицированный убийца?

Она видит изменение во мне и улыбается.

— Он и тебя тоже подставил, дорогая. Так же, как и я подставила Джеймса. Ты была запрограммирована, милочка. Запрограммирована убивать, как и все остальные контракты Организации.

Контракты.

— О чем ты говоришь?

— Ты здесь, чтобы убить меня, дорогая. Пройди ты через это, и тебе захочется большего. Почему, ты думаешь, мы так бдительно следим за детьми Организации, Харпер? Потому что любим их? Ради Бога, — смеется она. — Умоляю. Мне говорили, что ты наивная, но ты же, естественно, понимаешь, кто ты на самом деле? Для чего ты была рождена? Ты — киллер, мисс Тейт. Один из секретных. Очередной Нулевой агент, выращенный в любящей семье. Но ты все равно киллер. *Он* созвал нас сегодня здесь, чтобы убить нас твоими руками, как и прошлым летом на корабле. Твой отец — единственное зло в этом мире.

— Тогда зачем пришла сюда?

— Потому что у меня здесь тоже есть некто, представляющий мои интересы. И твоему отцу стоило знать лучше, прежде чем обводить меня вокруг пальца. У нас обоих есть дочери, Харпер. И моя убивает твоего брата. Прямо сейчас. Но она не единственный посланник, которого я привела на вечеринку, дорогуша. Твой отец и я говорили о том, чтобы привлечь силы. Стать одной могущественной семьей с помощью вашей с Винсентом свадьбы. Наша последняя надежда на компромисс. Но затем... ты убила всех моих посланников. И они отпустили тебя. Твой отец защищал тебя, даже уладил все вопросы с Винсентом. Но я была осмотрительна, — она тянется пальцами к своей голове, как и Джеймс делал вчера. — Я всегда осмотрительна.

Когда эти слова соскальзывают с ее языка, я паникую.

— А его секретное задание — то, на котором он находится уже годы, но не знает об этом — убить всех на этой вечеринке, Харпер. Джеймс не сам пришел к этому плану, дорогая. Это сделала я. И ты просто попала на крючок. Ты...

Я ломаю ей шею с такой же легкостью, как и Джеймс сломал шею Один, а затем позволяю ей упасть на пол и иду обыскивать стол, пока не нахожу то, что мне нужно, чтобы закончить свою работу здесь сегодня.

Пистолет.

И я думаю, она права.

Я — чертов киллер.

Но, по крайней мере, я не чертова лгунья.

Потому что она несла бред. Я не верю, что он был запрограммирован. Я знаю, что Джеймс психически травмирован, но он не смехотворный робот, запрограммированный убивать.

Он убивает по собственному желанию или не убивает вообще.

Глава 32

Саша

Весь особняк охвачен хаосом. Люди кричат вокруг, пока голос Адмирала грохочет по первому этажу, пытаюсь успокоить толпу.

Ну, удачи с этим. Я давлюсь смешком, пока пробираюсь по коридору. Несколько людей странно смотрят на меня, но я не так уж и выбиваюсь из этого места, чтобы они остановились и спросили меня. Уверена, что детям здесь быть не позволено. Но я выгляжу очень взрослой в своем нарядном платье. Пытаюсь идти спокойно, пока ищу Ника, но я не привыкла к вычурным туфлям, и из-за них становится сложнее идти.

Я заглядываю в каждую комнату, которую прохожу, и затем, наконец, решаю, что Ник не на первом этаже. Смотрю на второй, обдумываю, а затем отбрасываю идею. Если его нет поблизости, значит, он получил файлы от Один, пока Джеймс был занят с последствиями. Так что это означает, что он направляется к точке встречи.

Я срываюсь с места и иду мимо рассеивающейся толпы, пока Адмирал уверяет всех, что у Винсента всего лишь была вспышка ярости, и бла-бла-бла. Ложь, ложь, ложь. Он должен знать, что это Джеймс.

Так что я просто умываю руки. Джеймс — большой мальчик. Если кто-то из нас и может позаботиться о себе, то это он. Я проверяю часы, чтобы посмотреть, сколько у меня есть.

Три минуты.

Как только пробираюсь мимо людей на улице, сбрасываю обувь и бегу. Я знаю, куда собирается Ник, и могу поспорить, на кого ссылалась Харпер, когда упомянула маленькую проблему. Сбегаю так быстро, как могу вниз по лестнице, которая ведет к пристани для яхт, шлепая ногами по каменной кладке. Перепрыгиваю через две ступеньки за раз, и мое дурацкое платье задирается вверх каждый раз, когда я касаюсь земли. А я всего лишь на полпути туда, когда вижу, как они спорят на пристани

Здесь тихо. Это и так только маленькая пристань, но сегодня она будто вымерла. Здесь нет никого, кроме нас.

Я подкрадываюсь ближе, и всего лишь ловлю отрывок разговора, когда она кричит:

— Ты не оставишь меня, Николас. Нет ни единого шанса, что ты возьмешь то, за чем пришел, и уйдешь от этого обещания.

О, боже. Самый разгар. Я прокрадываюсь вниз по ступенькам по одной за раз, так чтобы они не могла меня обнаружить. Я хороший сталкер. Я выслеживала диких животных всю свою жизнь. Знаю, как подкрасться к ним. А эта Никола явно из диких. Когда я достигаю песка, скольжу под лестницу и продолжаю подкрадываться к ним.

Она пытается схватить Ника, но он продолжает отбивать ее руки от себя.

— Хватит, — рычит он на нее, после того, как она пытается ударить его по лицу. — Я не чье-либо обещание, поняла? Так что перестань умолять меня. Это печально.

— Это называет верность, Ник. — У нее практически пена на губах появляется — вот насколько она разъярена. — Ты должен хотеть быть мне верным. Ты обещал, что оставишь Сашу и женишься на мне.

— Ты бредишь. Я никогда не говорил подобной херни. Ты с ума сошла, как и твои братья. Ты — наемник, Никола. У нас нет обещаний.

— Лжешь! — кричит она. — Ты — лжец. Я знаю, что ты был обещан Саше. И я собираюсь убить эту мелкую...

Ник хватает ее за горло, но она уже атакует. Изворачивается телом, вскидывает ногу вверх, и та вот-вот столкнется с его лицом, когда он хватает ее за лодыжку и переворачивает так, что она с треском падает на доски пристани. Она морщится, но встает, чтобы снова сразиться.

С меня довольно этого дерьма. Никола отнимает время у Ника, которое должно быть моим. Поднимаю свою юбку и вытаскиваю нож из ножны, прикрепленной к поясу моих колготок.

— Он сказал «хватит».

Она пятится назад и поворачивается ко мне лицом.

— Ха! Твоя малолетняя невеста здесь, чтобы спасти тебя, Ник? Твои умения настолько жалки, Одиннадцать?

— Я здесь не ради его спасения, ты, тупоголовая сука. Я здесь, чтобы *убить* тебя.

— Конечно...

Нож застаревает прямо в ее горле. Она издает булькающий звук и сжимает лезвие. Но это бесполезно. Я попала в артерию. Она падает на землю, захлебываясь собственной кровью.

Я смотрю на лицо Ника, чтобы понять, как он это воспримет.

— Я обычно предупреждаю их, что не промахиваюсь, но она не дала мне такого шанса.

— Затем я предлагаю ему скромную улыбку.

— Какого черта ты здесь делаешь? — он не отвечает на улыбку.

— Флешка был у Один, Ник. Так что я здесь, чтобы спасти день. Я привела его сюда.

— Она у тебя? — спрашивает он с надеждой в голосе.

— Ону тебя!

— У меня, бл*дь, а ее нет! Это то, о чем мы здесь спорили. Она не поверила мне. Она у Джеймса.

— Джеймс. — Господи Боже. Может ли это задание стать еще более запутанным? Я смотрю на часы, но мне не нужно время, чтобы узнать, что уничтожение уже началось. Я слышу выстрелы из автомата и крики с пляжа. А теперь нам нужно вернуться и помочь.

Я хватаю руку Ника, когда он проходит мимо меня, направляясь к лестнице.

— Не уходи.

— Что? — спрашивает он, едва ли поворачиваясь ко мне лицом. — О чем ты, мать твою, говоришь, Саша? Там Харпер!

— Джеймс позаботится о Харпер, Ник. Просто не уходи. Это наш шанс выбраться. Исчезнуть. Пусть банды разбираются с Организацией. Джеймс выведет Харпер и встретится с Мерком здесь через несколько минут. Пускай они разбираются с этими тупыми флешками. Они нам не нужны.

Но все время, пока я говорю, он качает головой.

— Нам нужны эти флешки больше, чем тебе известно, Саша. Мы не можем уйти отсюда без них. Я не могу уйти отсюда без Харпер. Ты оставайся здесь и жди Мерка. Я пойду за Харпер и Джеймсом, и мы сразу вернемся.

— Нет! — я топаю босой ногой. — Нет. Я устала, что меня всегда ставят последней. Почему ты хоть раз не можешь поставить меня на первое место? Ты говоришь, что любишь меня и что сделаешь все для меня. Значит, выбери меня, Ник! Выбери меня и пойдём!

Я толкаю его в грудь, и он хватается мои запястья, крепко меня удерживая.

— Я поставил тебя на первое место, Саша. Я поставил тебя на первое место в том отеле и сказал тебе двигаться дальше. Найти жизнь. Прожить ее. Я поставил тебя на первое место, а ты пришла сюда искать меня. С этим сумасшедшим гребаным планом, который состряпал Тет, и ты купилась, словно на распродажу на Рождество. Что, ты думаешь, происходит здесь прямо сейчас? Ты не можешь спланировать работу, подобную этой, и выполнить ее наполовину. Не можешь оставить свою команду позади. Это херня.

— Мне плевать! Я просто хочу жить. Просто хочу, чтобы мы убрались отсюда и жили своими жизнями.

— Нет никаких *нас*, Саша. Как мне, бл*дь, заставить тебя понять это? Я не беру тебя в качестве обещания. Мы не станем убивать всех людей сегодня, чтобы я мог взять тебя, как обещание. Когда мы выберемся из этого хаоса, ты отправишься домой с Джеймсом. Не со мной. Так что оставайся здесь и спрячься. Или иди со мной и готовься сражаться.

И с этим он бросает мои запястья и пускается бегом к лестнице.

Какой у меня выбор?

Я следую за ним в зону боевых действий, надеясь и молясь, что сегодня мы сможем выбраться вместе, но чертовски хорошо зная, что есть вероятность, что все мы сегодня умрем.

Потому что разве не так мы с Джеймсом планировали? Разве не так мы решили? Перестрелять всех. Таков был изначальный план Тета, который он рассказал мне возле «Хаммера» на парковке «Уолмарт» после того, как Харпер опоили. *Мы перестреляем всех.* И эта вечеринка — вечеринка, о приближении которой он знал месяцы назад — была идеальным местом, чтобы покончить с объектом.

В живых никого не оставлять.

А когда твоя армия — уличная банда, которая ищет возмездия на протяжении двенадцати лет, ну, все ставки разделены между теми, кто выживет, а кто умрет, когда полетят пули.

Глава 33

Джеймс

Я смеюсь тем маниакальным смехом, который можно услышать в фильмах. Знаю, что Харпер ушла с моей матерью, и Саша последовала за ними, как и планировалось. Так что у меня есть несколько минут до того, как развернется ад, и начнется веселье.

— Винсент? — спрашивает Адмирал.

Я качаю головой.

— Ошибочка.

Я наблюдаю, как до него доходит тот факт, что я провел прошлую ночь с его дочерью. Черт, я женился на ней — даже если это незаконно, все равно была проведена церемония и произнесены клятвы. И он не только смотрел на это, но и дал мне свое благословение.

— Прости, Винсент сегодня присоединиться не смог. Ему нехорошо. Отравился какой-то морской рыбой.

Лицо Адмирала белеет.

— Серьезно? — спрашиваю я, делаю шаг к нему. — Из всех людей ты должен был уже

узнать меня. — Я беру его за шею, точно так же, как я сделал с Один, и оттаскиваю его назад, прижимая к груди до того, как появится охрана. Маленькие красные точки лазерных прицелов пляшут на белой рубашке Адмирала.

— Не стрелять, — кричит он мужчинам.

— Мы можем убрать его, сэр, — отвечает один из подхалимов. Его лазер светит мне прямо в глаз.

Я вжимаю пистолет в мясистую нижнюю часть спины Адмирала.

— Ради Бога, мать вашу, опустите прицелы прежде, чем разозлите его, и он просто пристрелит меня ради веселья.

— О, — вырывается у меня, пока я пячусь назад до тех пор, пока не натыкаюсь на стену. — Здесь и так уже тонны веселья, Адмирал. Двенадцать сраных лет веселья, так ведь? Что ты думал, ты сделаешь? Просто будешь продолжать отдавать мне приказы? И я тупо буду им следовать, пока ты не решишь, что я больше не стою твоего времени?

Он не отвечает, так что я вжимаю дуло в его почку, чтобы помочь ему с ответом.

— Нет, — стонет он. — Я обращался с тобой, как с сыном.

— Ага, — отвечаю я с ироничным смехом. — Ты обращался со мной в точности, как и мой отец. Но не волнуйся, Адмирал, та же судьба тебя не настигнет. Потому что ты не вернешься из мертвых, как это сделал он. Я закончу свою работу и закончу ее прямо сейчас.

Замечаю Сашу, мелькнувшую в толпе, которая убегает как можно дальше от меня, и выдыхаю с облегчением. Харпер должна быть в безопасности, а моя мать уже должна быть мертва.

Проверяю часы. Три минуты. Харпер появляется в комнате, а люди широко расступаются перед ней по мере ее приближения.

Адмирал смеется.

— А вот и она, — говорит он с каким-то облегчением, когда Харпер поднимает руку с пистолетом.

Мои брови взлетают вверх, пока она идет к нам. Сначала я думаю, что она целится в меня, но понимаю, что ее цель не я, а он. Ее отец.

— Харпер, — произносит он. — Сделай свою работу, милая.

— Какая у меня работа, папа? — мило спрашивает она.

— Защитить нас всех любой ценой. Убить Тета. Убить всех, кто нам угрожает.

— Это часть промывки мозгов, которую ты на мне испытал?

Бл*дь.

— Потому что должна рассказать тебе, — она опускает пистолет, и я могу сказать, что Адмирал выдыхает. Но это до того, как она стреляет ему в ногу. — Это не сработало.

Мне приходится покачать головой, потому что пуля была так близка ко мне, что я почувствовал ее отдачу собственным телом.

— У-упс, — произносит она, когда Адмирал взывает от боли. Я позволяю ему упасть на пол и убираю двоих охранников. Комната взрывается криками, а затем начинают сыпаться пули. Женщине рядом со мной постреливают грудь, и кровь летит мне в лицо.

Они рано.

Урок усвоен. Никогда нахрен не доверяй уличным бандам делать *и* х работу в установленное *тобой* время.

Я хватаю Харпер за запястье и прижимаю ее к полу перед ее отцом, чтобы я мог удержать ее в безопасности и лишить пистолета.

— Забери флешку у Один, Харп.

Она лезет через раненую ногу отца, обыскивать Один, когда Адмирал вытаскивает пистолет из кармана и целится в меня.

— Правда? — Тет берет верх. Он хватается его за шею в момент, когда пистолет выстреливает. На нас с потолка сыпется штукатурка, но я даже не замечаю, как огромный кусок падает на мою руку.

Потому что, когда шея человека оказывается в моей хватке, есть только один способ покончить с этим дерьмом.

Даже несмотря на быструю очередь выстрелов из автоматов, я слышу хруст.

Его голова обмякает. Тело расслабляется. И когда я смотрю на Харпер, она улыбается.

— Мы свободны.

— Еще нет, Рыба-лев. Теперь нам нужно, нахрен, убраться отсюда.

Весь бальный зал охвачен хаосом. Люди бегут, хоть и не долго, потому что вокруг них летают пули. Так что беглецы падают, покрывая пол кровью и телами.

— Ползи со мной, Харп, — я падаю ниц и пробираюсь к банкетному столу. Поднимаю скатерть, но под столом уже несколько людей. — Вон, — шиплю я, указывая на них пистолетом Харпер.

Они разбегаются, но я хватаю двоих из них за руки и дергаю назад. Тяну Харпер вверх, когда они вылезают, и мы бежим с ними. Между ними.

Живой щит.

Женщина находится передо мной, а позади мужичина. Люди снаружи залезают внутрь, а люди внутри выбираются отсюда, в результате чего образуется массовый беспорядок. Тела и кровь повсюду. Люди бегут, падают, по ним топчутся. Я вытаскиваю Харпер через французские двери и мчусь с ней к пляжу. Несколько человек Организации бегут в том же направлении перед нами, но я стреляю в них, и они летят на землю. Еще одна маленькая группа оказывается перед ними, но как только они слышат выстрелы, то сворачивают с пляжной тропы и бегут к деревьям. Армия Саша с ними разберется.

Как только мы добираемся до лестницы, я вижу Ника и Сашу.

— У нас получится, — произносит Харпер.

И вот та доля секунды, на протяжении которой я думаю, что все получится. Я почти позволяю себе надеяться. Я почти обретаю хеппи-энд.

Но именно в тот момент ошибка номер один моего времени в Гондурасе выступает позади Ника с пистолетом, прижатым к его боку. Саша тоже захвачена. Их рты заткнуты руками, от чего им тяжело дышать.

— Тет, — смеется изуродованный никарагуанский лидер. — Мой питомец, Тет! Малышка обещала моим людям, что ты будешь здесь. Признаю, у меня были сомнения. Это был долгие поиски, мой верный враг, но наконец-то удачные.

Красный шарф обмотан вокруг его головы, так что часть лица увидеть нельзя. Я снес ее двенадцать лет назад. Он выглядит как раз на свой возраст. Его темная кожа сморщенная. Татуировки на лице — метка, которая выделяет его среди остальных членов банды — блекнет. Но он жив. До сих пор жив.

Он смеется. И этого смеха, славно из фильма ужасов, достаточно, чтобы по моему телу пополз мороз.

Я не видел его с момента освобождения Один. Он не попадался мне на глаза с самого последнего дня моего заключения. Даже когда меня забросило в Сан-Педро-Сулу, у меня не

возникало желания отыскать его.

Потому что здесь я буду честен. Этот ублюдок пугает меня до усрачки.

— Мои люди дали малышке мое слово, — он кивает на захватчиков Саши, и они освобождают ее, толкая так, что она падает вперед. — А мое слово держится, когда речь идет о сделке с Организацией. — Теперь он смотрит на Ника, и его тоже толкают вперед, но он не спотыкается. — И ее. — Он указывает на Харпер и на меня моментально накатывает паника.

— Эй, — я отвлекаю его внимание от Харпер. — Я только что убил Один для тебя. Как и Адмирала. Она, — говорю я, указывая головой на Харпер, — убила мою мать. Верхушка мертва.

И именно тогда из темноты появляется еще одна тень.

— Не совсем, — звучит голос Винсента.

Глава 34

Харпер

Винсент выходит вперед, выглядя дерьмово после двухдневной отключки благодаря «Ативану». Его взгляд фокусируется на мне, и по какой-то причине я не могу перестать смотреть на него. Мозг воем на луну от того, насколько они с Джеймсом похожи.

— Харпер, — произносит он.

— Сделаешь еще хоть один гребаный шаг к ней, — рычит Джеймс, — и я сломаю твою сраную шею.

Изуродованный лидер шайки смеется, когда его люди приближаются к Джеймсу, и я ожидаю серьезной драки здесь и сейчас, но он не борется в ответ, когда они хватают его под руки. Он стреляет в меня взглядом, пока они оттаскивают его в сторону, а затем снова смотрит на лидера.

— Просто дай им уйти. Я пойду с тобой, но отпусти девушек. И пусть Ник Тейт пойдет с ними, чтобы обеспечить их безопасность.

— Джеймс, — начинаю я, но мой отчаянный шепот недостаточно слышен даже для меня.

Сашу толкают вперед, и она бежит ко мне, обхватывая меня за талию.

Мы что, закончим вот так? Мы — киллеры. Подготовленные убийцы. Мы, как минимум, можем дать отпор.

Мужчины ведут Джеймса к ногам лидера и толкают его на колени. Он поднимает взгляд к уродливому мужику и улыбается.

— Дай им уйти, Матиас. Дай им уйти, и я не стану заканчивать то, что начал двенадцать лет назад.

Матиас бьет Джеймса в живот, заставляя его сложиться пополам.

— Пошел ты нахер, *perro mascota*. Мой новый домашний питомец, — он приседает на корточки, чтобы смотреть Джеймсу в глаза, а затем приставляет дуло пистолета к его виску. — Ты не в том положении, чтобы вести переговоры. И если скажешь еще хоть одно слово, я убью девушек прямо сейчас, — он улыбается, и половина его рта обнажает зубы. — И заставлю тебя смотреть.

Затем он выпрямляется и переводит свое внимание на Ника.

— Давайте пройдемся к пляжу, чтобы у меня было время обдумать свои варианты, — он машет рукой и его свита начинает двигаться к лестнице. Джеймса толкают вперед, и сначала он начинает отдаляться, но люди Матиаса окружают его, так что я теряю его из вида. Мы с Сашей держимся за руки, пока идем. Она дрожит. Со всей нашей бравадой мы не обучены для подобных стычек. В отличие от Джеймса и Ника.

Меня охватывает ужас. Чувствую, что одного из нас убьют, и с большой вероятностью могу сказать, это будет Джеймс.

Когда мы, наконец, достигаем песка, нас с Сашей подталкивают в сторону, пока Ника и Джеймса ставят бок о бок на колени перед линией океана. Прилив сильный, так что голого песка осталось очень мало. У меня наступает короткий момент тревоги, потому как я волнуюсь о воде, разбивающейся о скалу всего в нескольких ярдах от нас.

— Пристрели их обоих, — произносит Винсент. — Просто пристрели их. Я отдал их тебе, теперь позволь мне забрать девчонку Тейт и уйти.

— Заткни пасть, *cabrón* (прим. пер. — козел). Еще никто не уходит.

Саша крепко обнимает меня, а затем тянется к моему уху и шепчет:

— Файлы у Джеймса, Харпер. Если они заберут Джеймса, они заберут и файлы.

— Где, черт возьми, тот парень, который — по словам Джеймса — будет ждать с лодкой? — но как только слова слетают с моего языка, я вижу огни лодки в маленькой бухте. Она плывет к нам на медленной скорости. Все поворачиваются посмотреть, но двигатель глохнет, оставляя ее дрейфовать к пристани, чтобы удариться об нее.

— Твой экипаж? — спрашивает меня лидер шайки.

Я киваю. Испанец идет к нам и останавливается прямо перед Сашей. На свой страх и риск, она отвечает на его взгляд.

— У нас была сделка, — произносит он. — Ты дала мне то, что обещала, так что я дам тебе то, что обещал со своей стороны. Иди.

— Ник тоже, — требует Саша. — Я просила о Нике и не уйду без него.

— Забирай его, — отвечает Матиас со смехом. — У меня есть тот, за кем я пришел, — и затем смотрит на Джеймса. — Поскольку Один уже мертв, моя новая псина, ты вместо него заплатишь за его грехи.

Саша хватается за запястье, но я не могу пошевелиться. Я не могу уйти без Джеймса. Нет ни единого гребаного шанса, что я покину пляж и оставлю его здесь.

Я отстраняюсь от Саши и...

— Харпер, — произносит Джеймс, стоя поодаль на пляже. — Харпер, остановись. Послушай меня.

Я трясую головой и пячусь от уroda и Саши.

— Я не часть сделки.

— Ты чертовски права насчет этого. Она уходит со мной, Матиас, — Винсент выходит вперед, но Матиас целится в землю перед ним и стреляет. Песок летит ему в лицо, поднимая волну пыли.

— Кто-нибудь заткните этого придурка.

К нему направляются люди, но Винсент огромен, поэтому отталкивает первого парня с пути. Они начинают бороться, но Винсенту удается вырваться, и последнее, что я вижу, это как он бежит к океану и ныряет в накатывающую волну.

— Пристрелите его! — кричит Матиас. — Он — никто. Всего лишь копия мужика, стоящего здесь на коленях.

Несколько человек бегут вдоль линии воды, стреляя в волны, но темнота скрывает все. Звучит выстрел, и пуля попадает в скалу позади Матиаса, а затем к головам нас четверых приставляют пистолеты.

Из рупора со стороны лодки у дока слышится голос.

— Четверка Финичи, ваш заказ готов.

Саша фыркает, но затем маленький красный огонек лазерного прицела опускается на грудь Джеймса.

— Отпусти его, Матиас, — звучит голос с лодки. — Или я пристрелю его прямо сейчас. А если ты заставишь меня пристрелить своего друга, тебя я грохну следующим, ублюдок.

— Пристрели его! — кричит Матиас. — Это будет убийство из милосердия. Потому что мы собираемся поджечь его. Прямо здесь на пляже. — Со стороны лестницы приближается мужчина с двумя канистрами бензина, и Матиас идет ему навстречу с распростертыми объятиями.

— Посмотри, как у нас все схвачено, — он останавливается и оглядывается на Джеймса, который до странного спокоен для человека, чья судьба включает воспламенение. — Но не переживай, псина. Я не собираюсь убивать тебя, *sabron*. Я собираюсь убедиться, что ты выживешь, чтобы почувствовать боль, как ты сделал это со мной, — он указывает на второго мужчину, который держит огнетушитель. — Я не хочу, чтобы ты умер, псина. Это слишком легко. Я собираюсь удостовериться, что ты выживешь, чтобы почувствовать унижение от изуродования.

— Прекрати, — визжу я. — Просто прекрати. Этого не произойдет. Ты не сделаешь этого, — я указываю на Матиаса. — Я не позволю тебе.

— Ты не позволишь мне? — Он походит ко мне, отталкивая Сашу с пути, пока приближается, а затем хватая меня за волосы. Я выкручиваюсь из его руки и оказываюсь у него за спиной, уже готовая впиться руками в его глотку, когда у моих ног гремит выстрел.

Матиас толкает меня на землю и бьет по лицу.

— Достаточно, Матиас, — рычит Джеймс. — Тронешь ее еще раз, и я отыграюсь. Дай ей уйти, и ты можешь делать со мной все, что хочешь. Но сначала тебе придется ее отпустить.

— Будто у тебя есть право вести переговоры, — выплевывает Матиас.

Джеймс улыбается. Я вижу это даже в слабом свете луны.

— Ты знаешь, что есть. И знаешь, что я могу. Я подчиняюсь тебе только потому, что эти девушки сейчас здесь. Но причините хоть одной из них боль, у меня не будет причин быть покладистым. Так что отпусти их. Позволь Нику Тейту проводить их к пристани, чтобы они могли сесть на лодку и уплыть. И я весь твой.

— Нет, — произношу я с земли у ног Матиаса. — Джеймс, я не уеду отсюда без тебя.

— Забери ее, Ник, — Джеймс смотрит на моего брата, и они пялятся друг другу в глаза.

Саша становится передо мной и предлагает руку. Я принимаю ее, и она помогает мне подняться на ноги.

— Давай уедем, Харпер. Пока он не передумал.

Но я освобождаюсь от ее хватки и вместо этого иду к моему новоиспеченному мужу. Звучат протесты от испанцев Матиаса, и, наверное, от самого Матиаса тоже, который приказывает мне остановиться. Но я не останавливаюсь. Я направляюсь напрямик к Джеймсу и обнимаю его за шею руками.

— Я не оставлю тебя здесь. Не оставлю. Я отказываюсь уходить без тебя. Я не смогу

жить. Говорила же тебе, что не смогу. Я лучше умру, чем буду жить без тебя.

Он обнимает меня за шею руками и запускает пальцы в волосы, когда крепко притягивает меня к груди.

— Я люблю тебя, — а затем он вздыхает.

— Подожди! — кричит Ник справа от меня. — Подожди, Матиас. У меня есть для тебя другой вариант.

Я не хочу его слышать. Правда, не хочу слышать этот вариант. Потому что я знаю, что он собирается сказать уже по тону его голоса.

— Возьми меня вместо него.

Саша визжит.

— Нет! Нет! Это не было нашей сделкой!

Матиас смеется, снова смотрит на Джеймса, затем на моего брата. Он обдумывает свои варианты. Обдумывает, кто такой Ник и как он может ему помочь.

— У меня есть информация, Матиас, — быстро добавляет Ник. — Информация, которой нет у Джеймса. Информация, которую ты захочешь. — Саша до сих пор кричит, а несколько мужчин удерживают ее от побега, который может разрушить сделку. У Ника напряженный голос. — Организация не мертва, только подавлена. Я могу достать тебе все их вклады. Могу предложить источники, до которых ты никогда не доберешься сам. Могу дать тебе больше власти, чем ты когда-либо мечтал. Просто отпусти Джеймса. Позволь ему забрать мою сестру и девчонку. И не ищи их никогда.

Все замолкают. Даже Саша прекращает выть и ждет ответа. Я считаю количество волн, бьющихся о скалы, когда изуродованный лидер смотрит на моего брата.

Ему нужен билет в будущее? Или он ищет мести за прошлое?

Он подходит к Джеймсу, становится в нескольких шагах от него и смеется.

— Вот, что я тебе скажу. Ты извинишься передо мной. Стоя на коленях. За то, что сделал. И я подумаю о сделке.

Джеймс трясет головой и встает на ноги. Он подходит к лидеру шайки, подняв руки в воздух.

— Мать твою, Матиас. Это была работа. Ясно? Гребаная работа. Черт, я даже не убил тебя. Я промазал, ублюдок. Почему, ты думаешь, это случилось? — Джеймс останавливается прямо перед Матиасом, и я жду выстрела. Я жду выплеска возмездия и мести, которая заберет его жизнь. Заберет его у меня навсегда. — Ты когда-нибудь, после всего этого времени, спрашивал себя, почему я *промахнулся*, Матиас? До тебя вообще когда-нибудь, бл*дь, доходило? В твоих крошечных, словно горошина, мозгах не зарождалась хоть мысль о том, что я промазал нарочно?

Что?

Матиас трясет головой и смеется.

— Встречаясь со мной после всего этого времени, ты говоришь мне, что сделал это из милосердия?

— Чувак, я был ребенком. В сраной военной зоне. Твои братья подвесили меня. Я даже никогда не мог поговорить с тобой об этом. Ты никогда не приходил ко мне после того, как восстановился и не спрашивал об этом.

— Ты был шпионом.

— И ты *знал*, что я был шпионом. Ты знал, потому что я сказал тебе тогда, и весьма понятно сейчас, что я не работаю на этих людей. Я работаю на себя. Я рассказал тебе все,

что знал, прежде чем началось то дерьмо. Не моя сраная вина, что ты не слушал. А теперь ты *знаешь*. Ты знал с того самого дня двенадцать лет назад. Я говорил правду. И в последний раз, когда я был в Сан-Педро — Суле, я не приближался, придурок. Из уважения. Ты никогда не видел меня. Никогда не слышал моего имени. Они никогда не знали, что я там был.

Матиас пялится на Джеймса.

— Мы знали, что туда кто-то прибыл.

— Никто не сказал тебе, что это был я. Они никогда не называли моего имени, потому что я никогда не говорил, кто я такой. Я делал свою работу, которая не касалась твоей банды, и уходил. Это просто. Бл*дь. Работа. Матиас. И знаешь самую большую разницу между твоими ублюдками здесь и людьми Организации? В Организации всегда знали, что это был бизнес. Ты принимаешь все на личный счет. Никогда не смотришь на картину в целом. Позволяешь эмоциям вести твою банду. Хоть раз в своей сраной жизни, подумай о сути.

Я смотрю на Сашу, и она качает головой. Она не знала, что у них были какие-то отношения. Но разве я удивлена? Джеймс всегда говорил, что работал на себя. И прямо сейчас, это кажется правдой. Потому что он обманывал Организацию с тех самых пор, как начал играть в эту игру.

— Матиас, — вступает Ник, прерывая что бы ни было между этими двумя киллерами. — Послушай, старик, ты можешь убить Джеймса, если хочешь, но на лодке — мой снайпер, который пристрелит тебя в тот же миг. И ты никогда не уйдешь отсюда. Или мы можем заключить сделку. Ты можешь забрать меня. Оставь Джеймса, возьми меня и с этим дерьмом можно будет покончить очень легко и очень быстро.

Матиас пялится на Ника несколько секунд. Затем обратно на Джеймса. Не знаю, о чем эти двое думают, но каким-то образом, каким-то способом, они приходят к немому согласию.

— По рукам, — произносит Матиас. — Забирай их, пока я не передумал.

Саша снова начинает вопить, но Джеймс хватает меня за руку и тянет в сторону, чтобы забрать и ее.

— Заткнись, Саша, — рычит он, как только она оказывается в его хватке. И нас уводят с пляжа. Я оглядываюсь на брата. Саша смотрит на свое обещание. Нас тащат весь путь к пристани, где друг Джеймса Мерк ждет на лодке. Его винтовка до сих пор направлена на членов шайки. Но они уже поднимаются по лестнице.

Саша плачет, когда садится в лодку.

— Почему? Почему он это сделал? — Она бросается на Джеймса, стуча кулаками в его грудь. — Я ненавижу тебя! Ненавижу тебя!

Я тоже должна его ненавидеть. Должна ненавидеть Джеймса за то, что он выбрал себя вместо Ника.

Но это не то, что здесь происходит.

Ник предложил себя не без причины. По нескольким причинам, вообще-то.

Я.

Саша.

Все мы дети Организации.

Потому что Джеймс — тот, у кого флешка, а не он. Джеймс — тот, кто должен был выжить, даже если бы все мы умерли.

Или все, что мы делали за последний год — смерть, борьба, жертва, боль — вместе с

информацией на тех файлах будет загублено бандой уличных мародеров, которые понятия не имеет что с ней делать, если Ник не вытащит Джеймса.

Так что вместо этого я держу Сашу. Крепко обнимаю ее и шепчу на ухо успокаивающие слова:

— Они не убьют его, Саша. И не навредят ему. Он выживет. Выживет, как и мы.

— Он ушел, Харпер. Он ушел. — Я знаю, что она хочет сказать больше, но рыдания воруют все ее слова.

Здесь все равно больше нечего говорить.

Он просто ушел.

Глава 35

Саша

Неделю спустя

Рок-Спрингс, штат Вайоминг.

Я осматриваю комнату отеля, и грусть захватывает меня с головой. Я не могу справиться с ней. Совсем не могу. Плохие люди погубили всех, кого я когда-либо любила. Моего отца. Бабушку с дедушкой. А теперь и Ника. Моя последняя ниточка к тому, что жизнь может стоять того, чтобы ее прожить, порвалась.

Но жизнь не стоит того, чтобы ее проживать.

Она — полное дерьмо.

Мой подбородок начинает дрожать, и слезы скатываются по щекам. Снова. Я не делаю ничего, кроме как плачу с тех пор, как мы вернулись в этот номер несколько дней назад. Харпер и Джеймс остаются здесь со мной. Против моей воли. Я хотела побыть одна, но Джеймс отказался.

Сегодня последний оплаченный день пребывания в этой комнате. Последний шанс на то, что Ник вернется.

И сейчас уже почти полдень — время выписки из номера прошло.

Так что...

Реальность.

Отстой.

Джеймс входит через дверь, которая была открыта, и останавливается там черной фигурой, освещенный лучами солнца сзади, словно ореолом.

— Ты готова, Смурф?

Я качаю головой и сажусь на кровати, пялясь на грязный ковер.

— Нет, — шепчу я. — Нет.

— Он не вернется сюда, Саша.

— Я знаю, — я с трудом сглатываю ком в горле, но, кажется, он никуда не девается. —

Но я не хочу уезжать.

Джеймс делает глубокий вдох и садится на кровать рядом со мной.

— Мне жаль.

— Я знаю. — Он извиняется уже неделю. Мне это порядком надоело.

— Но Мерк недавно прислал сообщение. Он думает, что наконец-то понял, как открыть обе флешки.

Я шмыгаю носом и смотрю на своего друга.

— Что на них?

— Секретные денежные счета, преимущественно. Имена членов Организации, конечно же.

— Хах. Вся эта хрень из-за денег и имен? Едва ли того стоит.

— Ага, но ты захочешь услышать о той части, где речь идет не о деньгах.

— О боже, нет. Я не заинтересована. — Они говорили о программировании, которым я была подвержена моим отцом. Мне тяжело смириться с уходом Ника, и мне, правда, не нужно знать о том, что мой отец промывал мне мозг, чтобы я могла убивать людей, когда вырасту.

— Мы все равно думаем, что информация там, Саш.

То, как Джеймс называет меня «Саш» заставляет меня всхлипнуть.

— Только Ник называл меня «Саш». Так что не надо.

Он делает глубокий вдох и выпускает воздух.

— Ладно. Но эта хрень с промывкой мозгов может быть реальной, так что тебе нужно быть начеку.

— Считай, что я начеку.

— Мы готовы выехать, так что скажи, куда бы ты хотела поехать? Тебе придется выбирать.

— Я не еду.

— Саша, не донимай меня, — рычит Джеймс. — Я понимаю. Ты сейчас сломлена. Но ты не останешься такой навеки. Ты позволишь себе исцелиться. И сегодня как раз день, чтобы начать, Смурф. Я привез тебя сюда, чтобы ты увидела себя. Ник не вернется, ладно? Он не вернется. Он заключил сделку с тем картелем, и он собирается довести дело до конца. Тебе только тринадцать лет. Ты не можешь просто захотеть и стать взрослой, чтобы начать жизнь с мужчиной, который *уже* взрослый. Он не вернется и не даст тебе эту жизнь, Саша. Он не возьмет в жены ребенка. Все, за что он выступает, противоречит тому, кем ты хочешь, чтобы он был. Так что отпусти его. Дай ему продолжить свой путь в жизни. Он отпустил тебя, чтобы ты могла продолжить свой. Не сдавайся. Он бы никогда не сдался, если бы ты была той, кто пожертвовал собой, чтобы дать ему второй шанс. Он остался позади ради тебя. Чтобы ты получила ту информацию с файлов. Информацию, которую твой отец скрыл на них. Информацию, которая тебе нужна.

— Я все это знаю.

— Значит, отпусти это нахрен, Саша. Он не мертв, так ведь? — Я не отвечаю, так что Джеймс поднимает мой подбородок и заставляет посмотреть на него. — Он не мертв.

Я отбрасываю его руку и продолжаю смотреть в ковер.

— Я знаю, что он не мертв. И... — я выпускаю еще один всхлип, — и это даже хуже, Джеймс. — Поднимаю взгляд на него, пока слезы омывают мое лицо. Он цокает языком и выдыхает. — Это хуже, потому что означает, что он *выбрал* уход от меня. — И затем я больше не могу сдерживаться. Я просто закрываю лицо ладонями и плачу. Джеймс наклоняется и притягивает меня в объятия. Я оборачиваю руки вокруг его талии и вжимаюсь в его футболку, намочив ее слезами.

— Мне жаль, Саша. Правда, жаль. Я знаю, что ты его любишь. Знаю, что ты думала, что

у вас может быть хеппи-энд. Но этому не суждено было случиться, малыш. Не судьба.

— Это нечестно, — хнычу я. — Нечестно, что у тебя осталась Харпер, а у меня не осталось никого.

— У тебя есть мы оба, сопливый Смурф. И кроме того, я не сразу получил Харпер. Мне пришлось ждать двенадцать лет. Она была слишком молода, когда я влюбился в нее. Так что это единственная причина, по которой Ник ушел, Саш. Он влюбился в тебя, а ты слишком молода. Он был бы очень плохим парнем, если бы не ушел, и тебе нужно понять это.

Мне нечего сказать на это. Знаю, что это правда, но не хочу признавать ее. Не хочу, чтобы это стало моей реальностью.

— Так что, мы с Харп подумали: мы, вроде, хотим увидеть ту хрень с динозаврами, о которой ты говорила там, в пустыне. Мы близко к Термополису. И смотрели на место с динозаврами в интернете. Ты знала, что его избрали музеем динозавров номер один в целой стране?

— Эй, я была в Термополисе десятки раз.

— Ну, а мы нет. Отсюда примерно три часа езды, малыш. Какой еще хороший способ провести летний полдень ты знаешь, кроме как поехать посмотреть на динозавров?

Я смотрю на него. Он так сильно пытается быть здесь для меня. Помочь мне.

— Правильно? — спрашивает он.

Я киваю в согласии.

— Думаю, да. Вы, ребята, и правда, ничего не знаете о динозаврах, — я вытираю остатки своих слез. — История — это нечто, что нужно понимать, знаешь ли.

— Мне действительно нужно, Смурф. Ты нужна мне, малыш.

Поднимаю на него взгляд, и слезы возвращаются.

Он наклоняется и прижимается своей головой к моей.

— Нужна, Саша Черлин. Ты нужна мне. Я не могу отдать тебя этой грусти. Ты должна отпустить ее. Мы не будем спешить, ладно? Мы все сделаем медленно. Отправимся в путешествия. Увидим запад из окна грузовичка. Просто... расслабимся и побудем нормальными людьми несколько месяцев прежде, чем решить, что делать дальше, ладно? Звучит нормально?

Я снова киваю. Затем мы встаем и идем к двери.

Я в последний раз оглядываюсь на комнату. Вспоминаю Ника, лежащего на кровати рядом со мной. Рассказывающего мне то же самое.

Всхлипываю последний раз и выхожу.

Джеймс закрывает за нами дверь.

И все.

Все заканчивается.

Глава 36

Джеймс

Полгода спустя

*Национальный исторический парк Священный Обруч
Национальный лес Бигхорн*

— О, боже мой, я сейчас околею!

— Нытик, — отвечаю я Харпер, пока мы взбираемся по склону к шаманскому колесу.

Саша вырвалась вперед и уже на полпути прямо по склону.

— Какого черта нам нужно было ждать до декабря, чтобы приехать сюда? — спрашивает Харпер, обнимая себя.

Здесь чертовски холодно. Это второй минус. Но мы все тепло оделись. У нас самая лучшая зимняя экипировка, которую только можно купить за деньги. Мерк наконец-то хакнул денежные счета на тех файлах, так что нам четверым перепало по аппетитному куску компенсации. Мы не нашли информацию о промывке мозгов, по крайней мере, пока. А может, она была ложью. Может, они кормили нас этим дерьмом, чтобы напугать. Или чтобы заставить делать все те вещи. Кто знает. Но если она и была на носителе, то осталась очень искусно спрятанной.

— Брр, — снова жалуется Харпер. Я знаю, что она не так уж и замерзла, у нее просто отвращение к этому. Она была в таком восторге, увидев снег впервые, а потом ей захотелось в тропики. Но мы все равно идем в дино-тур Смурфа на запад. Так что...

— Это зимнее солнцестояние, Харпер. Это имеет больше значение.

— Нет, — смеется она. — Летнее солнцестояние имеет значение. Зимнее — это то, на что всем в Вайоминге насрать. Четыре часа, а уже стемнело. Здесь заледенеть можно. И это просто... неправильно.

— Эй, знаешь, что?

— Что? — спрашивает она, пока мы продолжаем карабкаться.

— Уже почти закат. Так что мы можем зависнуть здесь и понаблюдать за ним.

— Нет, спасибо, — смеется она. — Я взгляну одним глазом на это шаманское колесо, и затем мы уберемся отсюда.

Когда я наконец-то взбираюсь наверх, Саша просто стоит там, смотрит на огражденную забором территорию, где стоит колесо. Должно стоять.

— Вы его не увидите, — разочаровано произносит она. — Снег укрыл все.

— Бл*дь. — Какой же я лузер. Я даже не подумал о том, что снег укроет все камни.

— Можешь увидеть только некоторые из них, Саш, — начинает Харпер. — Смотри, вон там верхушка одного из них.

Священный Обруч — это круг из камней, выложенных на земле сотни лет назад коренными жителями этой местности. Он весьма кривой, и если вы меня спросите, то вам придется включить воображение, чтобы увидеть в этом кругу колесо. Но даже кривое изображение из камней лучше, чем отсутствие камней вообще.

— Но вы не увидите спиц, — произносит Саша. — Знала же, что было глупо приезжать.

Она должна была приехать сюда со своим отцом на прошлое летнее солнцестояние. Но мы направлялись в домик Мерка в пустыне в ту ночь. А ее отец был мертв. Так что да, ту поездку мы отменили.

А затем она сказала, что никогда не захочет его увидеть. Мы проезжали мимо этого национального леса десятки раз за последние полгода в поиске динозавров. Но она отказывалась останавливаться.

Пока я не предложил ей вариант с зимним солнцестоянием.

— Идем, — говорит Саша, поворачиваясь и направляясь вниз по склону к грузовику. —

С меня хватит.

— Подожди, — произношу я, хватая ее за куртку, когда она проходит мимо меня. — Мы можем сделать собственные спицы. Смотри, — я иду к забору и переступаю его. Снег такой высокий под забором, что это легко сделать. А затем я иду в центр круга и ложусь в снег. — Идите сюда, девочки. Мы сделаем собственные спицы и посмотрим на закат.

Я ожидаю, что Харпер начнет канючить первой, но она удивляет меня.

— Давай, Саша. Мы не позволим кучке снега разрушить нашу поездку, — она подходит ко мне и ложится немного поодаль слева, касаясь своей рукой моей. И хлопает слева от себя по снегу. — Здесь место для тебя, Саша! Давай.

Снег хрустит под сапогами Саши пока она идет к нам в тишине. Она ложится между нами с Харпер. Ее голова прикасается к обоим нашим, и она выдыхает:

— И что теперь?

— Теперь, — произносит Харпер, — мы будем наблюдать за закатом. И ожидать появления звезд.

Горы настолько высоки, что за ними едва ли видно закат, но солнце еще не скрылось. Для нас это идеальный момент сумерек. Когда воздух еще не черный, а все еще туманно-сине-серый, в переходящий от сумерек к ночи момент.

Мы наблюдали за сотнями закатов за последние шесть месяцев. Не каждую ночь. Иногда мы забывали. Но *почти* каждую ночь.

Такой момент проходит быстро, и затем ночь накрывает нас.

Мы лежим здесь, три спицы в колесе, несколько минут прежде, чем Харпер указывает в небо рукой в рукавице.

— Там, — говорит она. — Летом там нельзя увидеть Ориона. Так что, если бы мы приехали сюда в летнюю ночь, мы бы его пропустили.

Саша задает вопросы о звездах, и Харпер отвечает на них. Она рассказывает истории с плавания по морю и наблюдения за небом, которое помогало держать курс. Она рассказывает истории созвездий и мифов, которые кроются за ними.

И Саша слушает это все, словно девочка, охваченная интересом ко всем этим вещам. Девочка, которой нужно немного больше путешествий в качестве ее официального обучения.

В этот момент я решаю, что Смурф больше не может с нами оставаться. Она не может потерять детство, которое Организация и так украла у нее.

В этот момент я понимаю, может, впервые в своей жизни, что то, что я делаю — неправильно.

\

Глава 37

Форд

Рождественский вечер

Форт-Коллинс, штат Колорадо.

Я расхаживаю в передней части комнаты нашего дома, пялясь на своих любимчиков. Мордоедов — как Спенсер и Вероника называют их любя, — которые выстроились в ряд

перед Рождественской елкой. Мигающие огоньки отражаются в их карих глазах.

У нас три профессионально тренированных для защиты собаки, поскольку Файв здесь. Я смотрю через открытое пространство первого этажа нашего исторического бунгало в Форт-Коллинзс и подсматриваю, как Вероника прижимает Файва к груди, пока Эшли нависает над ней, рассказывая о нашем малыше со скоростью тысяча слов в минуту. Увеличившийся живот Вероники, уже через несколько недель наградит мир малышом, предоставляет удобное место для маленького Файва, чтобы разместить его маленькие ножки в ботиночках.

Я улыбаюсь Эшли, ловя ее взгляд, и она дарит улыбку в ответ, укачивая изворотливую годовалую Кейт у груди. Затем я перевожу свое внимание обратно к делам.

— Мордоеды, — зову я. Кличка просто пристала. Их так теперь зовут коллективно. — Давайте еще раз пройдемся по правилам, — я поворачиваюсь на пятках и расхаживаю перед ними. — Первое. Вы не пускаете на нее слюни. Второе. Лизать только если позволит. — При этом я смотрю на Джимми. Наше самое новое прибавление, купленное, когда Эш была беременна Файвом. Его уши становятся торчком, когда он замечает мое внимание. Он — лизун, так что естественно, это правило относится к нему. — Третье. Не нюхать...

— Они здесь! — Рук вскрикивает с дивана перед окном. Думаю, она сама возбужденная среди всех. Она подпрыгивает и становится передо мной. — Ты готов?

Кивок.

— Я просто хотел убедиться, что любимчики будут вести себя самым лучшим образом.

Рук разглаживает мой галстук, а затем хлопает меня по плечу, будто мне нужна моральная поддержка.

Мне типа, и правда, нужна моральная поддержка. Это новое прибавление к моей семье — важное дело.

Моя дочь, Кейт, стала моей через мою жену Эшли. Мой сын, Файв, наш общий ребенок. Так что Саша больше моя, чем наша, в данный момент. Я чувствую потребность, сделать все правильно. Правильно ввести ее в общество.

Звонит дверной звонок, и на мгновение все перестают говорить. Я оглядываюсь на них, но они возвращаются к своим занятиям и оставляют меня разбираться с этим. Спенсер и Ронин сидят за кухонным столом, попивая пиво и смеясь над чем-то. Эш и Вероника все еще заняты Файвом и Кейт. А моя мать разговаривает с мистером Ли с немного завышенным интересом.

— Все с тобой будет в порядке, Форд. Просто открой дверь, — произносит Рук.

Я киваю и иду к парадной двери. Вижу его через маленькое окошечко на ней.

Джеймс Финичи приезжает в мой дом на ужин в честь Рождества. И он везет для меня ребенка. Не просто какого-нибудь. Сашу Черлин. Девочку, которая начала... Ну... Я оглядываюсь еще раз и тянусь к дверной ручке. Она начала все.

Открываю дверь, и Финичи улыбается мне, протягивая руку.

— Астон.

— Джеймс, — вежливо произношу я, отвечая на рукопожатие. Затем смотрю вниз на его молодую жену и хочу, чтобы они *все* остались. Рук понравится завести хоть одного друга, который моложе ее. — Ты, должно быть, Харпер, — я жму ей руку и отхожу, чтобы пригласить их в дом.

Не хватает именно моей девочки, отчего сердце пропускает удар.

— А где Саша?

— В грузовике, — отвечает Джеймс. — Ей тяжело. Сказала, что скоро придет. Но знаешь, ей тринадцать. Так что... — он пожимает плечами.

Хватаю пальто и надеваю его. Затем осторожно кладу подарок Саше, который ей приготовила Эшли, в коробку. Это красная коробка с зеленой лентой. Бантик на ней останется, даже если снять с коробки крышку. Эшли говорит, что у самых лучших подарков бантик остается на коробке.

Поверю ей на слово.

— Сейчас буду, — говорю я своим домашним. И затем выхожу на улицу и закрываю за собой дверь. Саша выглядывает из окна черного грузовичка, а я дарю ей слабую улыбку и машу рукой.

Она не машет в ответ.

Я сажусь на верхнюю ступеньку своего крыльца. Сегодня вечером холодно, но не сильно. Можно подождать и здесь.

Ей требуется ровно две минуты и семь секунд, чтобы решиться составить мне компанию на крыльце. И пока она идет по тропинке к моему дому, я оцениваю ее впервые с тех пор, как увидел в прошлом году.

Она не улыбается, но я знаю, что брекеты давно сняли. Их сняли перед смертью ее бабушки и дедушки. У нее длинные волосы, вьющиеся спереди. Она также высокая. Намного выше той маленькой девочки, которую я встретил в прошлом году на Рождество. На ней красивое черное пальто, и такие же рукавицы и шапка. Темно-красное платье, как и туфли. У нее даже есть сумочка, которую она сжимает в руках, пока идет ко мне, а затем останавливается перед нижней ступенькой.

— Привет, Форд. — Это выходит мило, но секунду спустя, она плачет. Снимает рукавицу и вытирает глаза. — Прости.

— Ты не должна извиняться, — говорю я ей. — Тяжело оставить людей, которых ты любишь.

Она кивает, но слезы катятся по ее щекам.

— Я не знаю, чего ты от меня хочешь. Джеймс говорит, я должна научиться быть нормальным подростком. Но я просто не уверена, могу ли им быть, — она шмыгает носом и снова вытирает слезы. — Я не хочу разочаровывать тебя, Форд. Потому что, если ты оставишь меня или бросишь где-нибудь... — она качает головой и еще больше слез стекает по ее лицу.

— Это не то, что делает Джеймс, Саша. Он не бросает тебя. Он приводит тебя домой. Ко мне.

Она снимает вторую рукавицу и бросает обе на землю, чтобы вытереть глаза. Я хватаю ее подарок, затем встаю и спускаюсь с крыльца, поднимая рукавицы прежде, чем сесть теперь на нижнюю ступеньку.

— Хочешь знать, что нового для меня появилось в этом году? — Я беру ее за руку и тяну немного вперед. Всего лишь достаточно, чтобы она сделала шаг, а затем села на ступеньку рядом со мной.

— Конечно, — отвечает она, обнимая себя, чтобы сохранить тепло в пальто.

— В прошлом году я встретил тебя, и у меня не было девушки, помнишь?

Это заставляет ее улыбнуться и кивнуть.

— Ты был бестолковым.

— А ты была очень умной. Я многим тебе обязан за уроки, которые ты мне

преподнесла, Саша. Потому что в этом году у меня есть жена, двое детей, и еще один вот-вот появится. — Она смотрит на меня с удивлением. — Нет. Ты, Саша. Ты вот-вот появишься.

— Оу, — она засовывает руки в карманы и делает глубокий вдох. — Я не знаю, чего ты от меня хочешь. Я не подходящий кандидат для дочери. Не очень хорошо следую указаниям. Я чрезмерно самоуверенная и не желаю прогибаться, — она смотрит на меня. — Я типа застряла среди своих заморочек, а мои заморочки меня застопорили. В этом есть смысл?

— Конечно. В этом есть смысл. Я не ожидаю, что ты будешь вести себя определенным образом. Я просто хочу, чтобы ты нашла себя, Саша. Нашла девочку, которой хочешь быть, вместо девочки, которую ты оставила позади, как бы сказала Рук.

— Рук — девушка, которая, вроде как, друг?

— Ага, — смеюсь я. — Рук. Она в доме, ждет тебя. Как и все остальные. Моя мама. Отец Эшли. Мои друзья и дети. Мы все здесь для тебя, малыш. Я говорил тебе, что не праздную Рождество. Но сейчас у меня есть дети. Как и ты. А еще я не устраиваю вечеринки. Но сегодня ты приехала, так что я чувствовал, что празднование было нужно.

Она пялится на меня своими голубыми глазами.

— Что, если им не понравится та девочка, которой я сейчас являюсь? Что, если мне не удастся найти девочку, которой я хочу быть так быстро, чтобы им понравиться? Я убивала людей, Форд. Я видела многое. И столько же много потеряла, — она снова начинает плакать. — И я зла, понятно? Вот. Я сказала это. Я зла, потому что жизнь дерьмо. И меня постоянно кидают. И вот, когда я привыкла к Джеймсу и Харпер, и думаю: «Вот, это моя семья», они больше не хотят меня.

— Они любят тебя достаточно, чтобы принять тот факт, что они не могут дать тебе то, что тебе нужно, Саша. А мы можем.

— Ребята, вы хотите, чтобы я ходила в школу. И была нормальной. Но я не нормальная. Я на самом деле испорченный ребенок, — она смотрит на меня. — Испорченный человек, Форд. Со мной, вероятно, даже небезопасно находиться детям моего возраста.

— Не глупи. И кроме того, я начинаю снимать в Новой Зеландии шоу, которое продюсирую. Мы уезжаем через пару недель. Так что ты даже не пойдешь в школу в этом году. Мы собираемся побездельничать в Австралии и Новой Зеландии полгода. Насладимся двумя летними периодами. Узнаем друг друга. А затем следующей осенью мы вернемся домой и будем нормальной семьей. Так что у нас есть аж три сезона, чтобы попрактиковаться.

После этого она замолкает. И мы просто сидим на холоде, ничего не говоря несколько минут.

— Что в коробке? — наконец-то спрашивает она. Любопытство берет над ней верх.

Я поднимаю ее и кладу ей на колени.

— Что это? — Она поворачивает лицо ко мне, когда слышит копошение внутри. Затем она смеется и открывает крышку.

Маленький серый котенок как раз точит коготки внутри одеяла.

— О, боже мой, — произносит Саша. — Котенок. У меня никогда не было котенка.

— Я хотел еще одну собаку, но Эшли фыркнула, — я указываю большим пальцем за спину в направлении дома. — Она твердо запретила. У нас там три мордоеда. Так что я поразмыслил, что мило будет взять что-нибудь, что можно потискать. — Она поднимает котенка и прижимает его к груди. — Для тебя.

Она чешет мягонькую шерстку животного и улыбается. Ее плечи расслабляются. Мое

сердце набухает от изменения в ее поведении. Ну, этот котенок может сделать это с грустным и разбитым ребенком. Это трогательно.

— С Рождеством, — произношу я.

Она еще раз прижимает котенка и делает глубокий вдох. Может, в конце концов, она сможет это сделать.

— С Рождеством, Форд.

Я встаю и предлагаю ей руку.

Она принимает ее.

А затем мы поднимаемся по ступенькам ее нового дома вместе.

Я останавливаюсь перед парадной дверью и поворачиваюсь к ней.

— Теперь ты официально часть Команды, Черлин. Но сначала важные правила. Мне нужно, чтобы ты ненавидела Ронина. Неважно, каким очаровательным он тебе покажется, ты не должна покушаться на это. Он может тоже один из нашей Команды, но мы до конца дней смертные враги.

— Поняла, — отвечает она, смеясь, когда я открываю дверь и ввожу ее в дом.

Она проходит в комнату, и все приветствуют ее, пока я стою позади и снимаю пальто, вешая его в шкаф.

Я наблюдаю за моими друзьями и семьей, которые суетятся вокруг нее, как я и сказал им. У нее никогда не было шанса устоять перед очарованием Ронина, но ее наигранное безразличие даст нам пищу для интриг. Заставить Ронина чувствовать себя несчастным — прекрасное время.

Саша здоровается со всеми и показывает Джеймсу и Харпер своего котенка. Я физически могу ощутить момент, когда Джеймс вздыхает с облегчением.

Не потому что он избавился от нее, как думает Саша.

А потому что у нее появляется второй шанс на нормальную жизнь.

В прошлое Рождество мне было грустно. Грустно из-за того, что Рук не хотела меня в том смысле, в каком хотел ее я. Грустно из-за того, что женщины, которые, я думал, нуждаются во мне, на самом деле не нуждались. И было грустно из-за того, что я позволил своей жизни стать бессмысленной, после смерти моего отца.

И в ту ночь Рук сказала мне, что изменила свою жизнь, загадав желание на под звездой год назад. Из грустной обиженной девочки она превратилась в сильную и уверенную женщину. За один год.

Так что я попытался. Я был в отчаянии. Как и Саша, вероятно, в отчаянии найти перемены сегодня вечером.

Никогда за миллион лет я бы не подумал, что желание Рождественской звезде может дать мне *это*. Так что я очень быстро выглядываю в окно и нахожу Сириуса — нашего покровителя.

И в этом году я загадываю желание для Саши.

Я желаю, чтобы ее сердце исцелилось.

Может, это и не случится за один год. Это не страшно. Мы терпеливые люди. Я буду здесь для нее столько, сколько ей понадобится.

Только прошу, — обращаюсь я к звезде. — Сделай ее снова цельной.

Эпилог первый

Харпер

— Что не так? — спрашивает Джеймс, пока мы обнимаемся на новом самолете Харрисона. Джеймс дал ему жирный бонус за его помощь на протяжении всех этих лет. Новый самолет — симпатичный. И намного больше, чем предыдущий.

— Просто... — я не знаю, как сказать это, чтобы не обидеть его. — Те девочки на вечеринке. Рук, Ронни и Эшли. Мне они понравились.

— Ты им тоже понравилась, — отвечает он, играясь с моими волосами. — И они как Саша. Ей повезло.

— Очень повезло. Я буду по ней скучать. И по ним тоже. Даже если встретишься с ними только вчера. Эта Рук, она рассказала мне историю своей жизни, и это просто... вау. Они все рассказывали мне истории о себе. А Кейт. Она — ребенок Организации, но, кажется, они об этом не знают. Они ни разу не упоминали бизнес Организации. Что если...

— Они не посмеют, Харпер. С ней все будет в порядке. Саша присмотрит за ней. И Мерк тоже рядом. С Кейт все будет в порядке.

— Пристегнитесь, ребята. Мы приземляемся, — произносит Харрисон через колонки.

— Я бы хотела жить в таком городке, Джеймс. И иметь таких друзей.

— Однажды, Харпер, мы вернемся. Но сейчас мы заслуживаем некоторого времени наедине. Ты так не думаешь?

Я улыбаюсь, пока сажусь и пристегиваюсь, чтобы подготовиться к посадке.

— Расскажи мне об этом еще раз, Джеймс. Я теряюсь от мысли о маленьком городке, семье и друзьях. Так что расскажи мне еще раз, что мы будем делать.

— Мы начнем все сначала, Рыба-лев. Два человека — одна жизнь. У нас есть шестифутовое парусное судно в Майами. Так и ждет нас, чтобы отправиться в Карибское море.

Я рисую это в голове. Рисую плавание по раю со своим мужем. Я больше не думаю о *прошлом*. Сначала думала, когда все о той ночи еще было свежо в памяти. Мое сердце болит за Ника.

Но я отпустила это. Я отпустила его. Он хотел выбрать такую тропу в жизни, и не мне его останавливать.

И Джеймс прав. Теперь, когда у Саши новая жизнь, мы тоже заслуживаем свою.

— Мы каждый день проведем на солнце, — тихо продолжает он, когда звук двигателя утихает и наша новая жизнь становится ближе. — И каждый вечер мы будем наблюдать за закатом. Мы исследуем пляжи, рифы и друг друга. Мы проплывем через океан весной и будем в Австралии на летнее солнцестояние. Мы увидим Сашу и ее новую счастливую семью. Увидим, насколько счастливее стала Саша. Как он справилась со всем. Затем мы поплывем обратно. Или найдем новые места для исследования. А затем мы устанем от этого. Или нам станет скучно. Мы начнем говорить о будущем. Долгие планы на жизнь, Харп. Малыши, дома и лучшие друзья. Когда мы будем готовы осесть, мы сами для себя выгравируем эту жизнь. Но не торопись. Не стремись заполучить счастливый конец, Харпер. Потому что есть еще и веселая часть.

— Ага, — я соглашаюсь, когда самолет касается земли. — Важно путешествие, а не пункт назначения.

— Только если пункт назначения не кровать. С тобой.

Я утыкаюсь лицом в его шею и обнимаю его. Он, может, и сумасшедший. И он явнс

опасный. Но он мне нравится таким. И не я могу придумать ни единого сожаления о том, как мы оказались здесь и сейчас.

Харрисон катится по посадочной полосе, пока я смотрю из окна на Флориду. После остановки он открывает дверь и выпускает нас, и Джеймсу приходится опустить свои фирменные очки на глаза.

Потому что мы выходим прямо в закат.

Эпилог второй

Саша

Десять лет спустя

Международный аэропорт Денвера

— Мисс Астон? — звучит голос мужчины высокого роста в темном костюме, который так и кричит о правительстве.

И внезапно десять лет манер и успокоения смывает волной.

— Кто спрашивает?

— Я специальный агент Джекс, мисс Астон. И у меня к вам несколько вопросов. Пожалуйста, пройдите со мной.

— Я арестована или что-то вроде этого? — Бл*дь. Он ведет меня через пару двойных дверей. А затем еще через одну, пока я на три сраных отсека не углубляюсь в центр международного аэропорта Денвера. Наконец-то мы приходим в маленький офис, где он указывает рукой на стул, предлагая мне сесть.

— Пожалуйста, присядьте.

Что я и делаю. *Просто содействуй, Саша,* — произносит Форд в моей голове. Мы прикрыли мои следы с тех самых пор, когда десять лет назад он меня удочерил. Но мы всегда планировали день, когда люди узнают мою историю и ложь.

— Я арестована? — снова спрашиваю я.

— Нет, мэм, — отвечает он. — Мне просто нужно задать вам несколько вопросов, если вы не против.

— Что, если я против? Что, если я хочу позвонить своему отцу?

Он садится за стол напротив меня и открывает папку.

— Вы Саша Астон, правильно?

— Вы это знаете. Я только что сошла с самолета. Так что меня проверяли.

— Вы прилетели из...

— Перу, — заполняю я пробел за него.

— Каковы были ваши планы в Перу, если позволите спросить?

— Я была на археологических раскопках. Они нашли кости.

— Кости?

— Кости динозавра. Я палеонтолог. Ну, аспирант. Это была летняя стажировка. А что?

Он мгновение смотрит на меня.

— Впечатляюще. А ваш отец Рутфорд Астон IV?

— Да, — я с трудом сглатываю. Господи Боже, мы явно попались на чем-то. — Мне

нужно знать, что происходит. Вы меня пугаете. Что-то случилось с моим отцом?

— Нет, мэм.

— Прекратите называть меня «мэм». Мне двадцать четыре, а вы выглядите, словно вам тридцать.

Агент окидывает меня взглядом и смотрит на свою переносицу.

— Тридцать? Я не выгляжу на тридцать. Мне двадцать семь.

— Что? — Я качаю головой на это. — Чего вы хотите, специальный агент Джекс? Если я не арестована, я ухожу.

Он перелистывает страницу в папке как раз, когда я встаю, и вытаскивает фото, от вида которого я перестаю дышать.

— Вы знаете этого человека, мисс Астон? Вы можете опознать его для нас?

Я трясую головой, пока изучаю лицо Ника. У него идеальное лицо. Белокурые волосы карие глаза. Непреклонный взгляд. Я могу нарисовать его в голове, улыбающимся мне в комнате отеля в Рок-Спрингс. *Нужно двигаться вперед*, — сказал он мне.

— Никогда его прежде не видела, — я вру прямо в лицо специальному агенту Джексу. — А что?

— Посмотрите еще раз, мисс Астон. Как начет этой?

В этот раз Ник без рубашки. Все его тело покрыто татуировками. Его грудь, руки, шея. И когда я смотрю ближе, вижу татуировки даже на его ладонях.

Я снова качаю головой.

— Нет, сэр. Извините.

— Хммм, — мычит Джекс. — Ну, это интересно, мисс Астон. Или мне стоит называть вас мисс Черлин?

Я пялюсь ему в глаза, не моргая. Не отрицаю и не подтверждаю его слов. С этого момента я не говорю. Ничего не говорю, пока мне не дадут телефон, и я не звоню отцу, чтобы сказать ему, что мне нужен Ронин. Ронин, который лжец. Ронин, который говорит за членов Команды, когда у нас неприятности. Ронин. Единственное имя в моей голове сейчас.

— В Центральной Америке его называют Сантино. Но здесь в США они зовут его Святым Парнем. Он белый, со своими белокурыми волосами, но каким-то образом ему удалось стать вторым по рангу членом *Мара Перро* — банды Псов.

— Очень занимательно. Но что все это имеет общего со мной? — Дерьмо, я только что нарушила правило молчания.

— Это то, что я пытаюсь выяснить, мисс Черлин. Если это вы, в этом становится больше смысла.

— Это как?

— Я думаю, вы знаете, как. — Он улыбается мне и светит своими ямочками. Его глаза темно-синего цвета, волосы — светлые. Не полностью белые, но и не русые. Он красивый. Вероятно, поэтому они послали его ко мне. Думая, что меня легко отвлечь привлекательной мордашкой.

— У меня нет на это времени. Я не знаю этого человека...

— Зато он знает вас, мисс Астон. Он знает вас очень хорошо. Потому что отправил сюда более десятка людей, чтобы разыскать вас, пока вы копались в Перу этим летом.

— Что?

— У вас двоих осталось какое-то неоконченное дело? До того, как вы взяли это новое имя? — *Я не могу дышать*. — Или ранняя договоренность встретиться в будущем?

Я отрицательно трясую головой.

— Нет.

— Но вы знаете его?

Я просто выдаю себя. Наклоняюсь над столом и склоняю голову, чтобы думать трезво. Агент Джекс кладет свою руку поверх моей.

— Мисс Астон, я здесь не ради вашего ареста или выпытывания информации о вашем прошлом. Я понимаю ваш страх, правда. Лучше, чем большинство. Но если вы знаете его, и, если он ищет вас, вы должны понять... Он, вероятно, планирует ваше похищение.

— *Что?*

— Мы перехватили нескольких из его людей, которых он отправил на ваши поиски. Трое из них признались в его планах. Сейчас я не ожидаю, что вы расскажите мне многое. Просто скажите «да» или «нет». Этот человек, которого они называют Сантино, Николас Тейт?

Я киваю.

— Это он. Я узнаю его где угодно. Но я не видела его ни разу за десять лет. Я не знаю ничего о его делах. Я была в Перу, а не в Центральной Америке.

— Вы вне подозрений, мисс Астон.

— Тогда почему вы допрашиваете меня здесь?

— Мы не арестовываем вас, Саша. Мы хотим вас завербовать.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net